

Татьяна Борисовна Булах - Извекова

ПРЕОДОЛЕНИЕ

**Санкт - Петербург
2007**

УДК 882.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Т.Б. Булах–Извекова. Преодоление.– СПб., НП «Стратегия будущего», 2007.

ISBN 978-5-903247-07-3

Воспоминания Татьяны Борисовны Булах (Извековой) читаются на одном дыхании, захлёб. Казалось бы почему? Их автор, вспоминая свою жизнь, – не политик, не общественный деятель, не писатель. В воспоминаниях фигурируют также обычные люди – самых разных взглядов, характеров, интересов и профессий, часто изначально не знакомых между собой. В их бытие вмещалась история, перевернувшая сложившийся порядок, перемешавшая и неожиданно сблизившая самые отдалённые пласты жизни, поставившая предельные вопросы: как выжить, сохранить близких. Из воспоминаний Т.Б. Булах вырастает почти фантастическая, но при этом абсолютно достоверная картина того, как эти люди находили каждый свои ответы, совершали – каждый свои – поступки, расставались и встречались, строили свои судьбы в эпоху политических катаклизмов, сталинизма, войны, разрухи. Этим людей соединяет в единый «оркестр» личность мемуаристки. Ведь это её родные, друзья, соученики, сокурсники, соседи, попутчики, случайные и неслучайные знакомые. Все они – персонажи в драматической истории её жизни, непрестанно «обрастающей» новыми и новыми сюжетами. Эта жизнь оказывается поразительно яркой, насыщенной во многом именно благодаря редкому умению и тяге мемуаристки жить и быть с людьми. Она – энергетический центр этого удивительного поля, всегда – в печали и в радости – в центре событий, в окружении людей, их проблем, с неиссякающим интересом к ним. Этим интересом, особой жизненной силой, собственно, и организовано это «поле», в котором вопрос «как выжить» всегда подразумевает естественное продолжение: «... и как быть счастливым». Всегда, в любых обстоятельствах. «Преодоление» – как искусство жить. Поэтому книга получилась светлая и увлекательная. Теперь в это жизнеутверждающее поле Татьяна Борисовна втягивает и своих читателей.

Спасибо ей за это!

ISBN 978-5-903247-07-3

© Т.Б. Буллах-Извекова

© А.Б. Булах – художественное оформление.

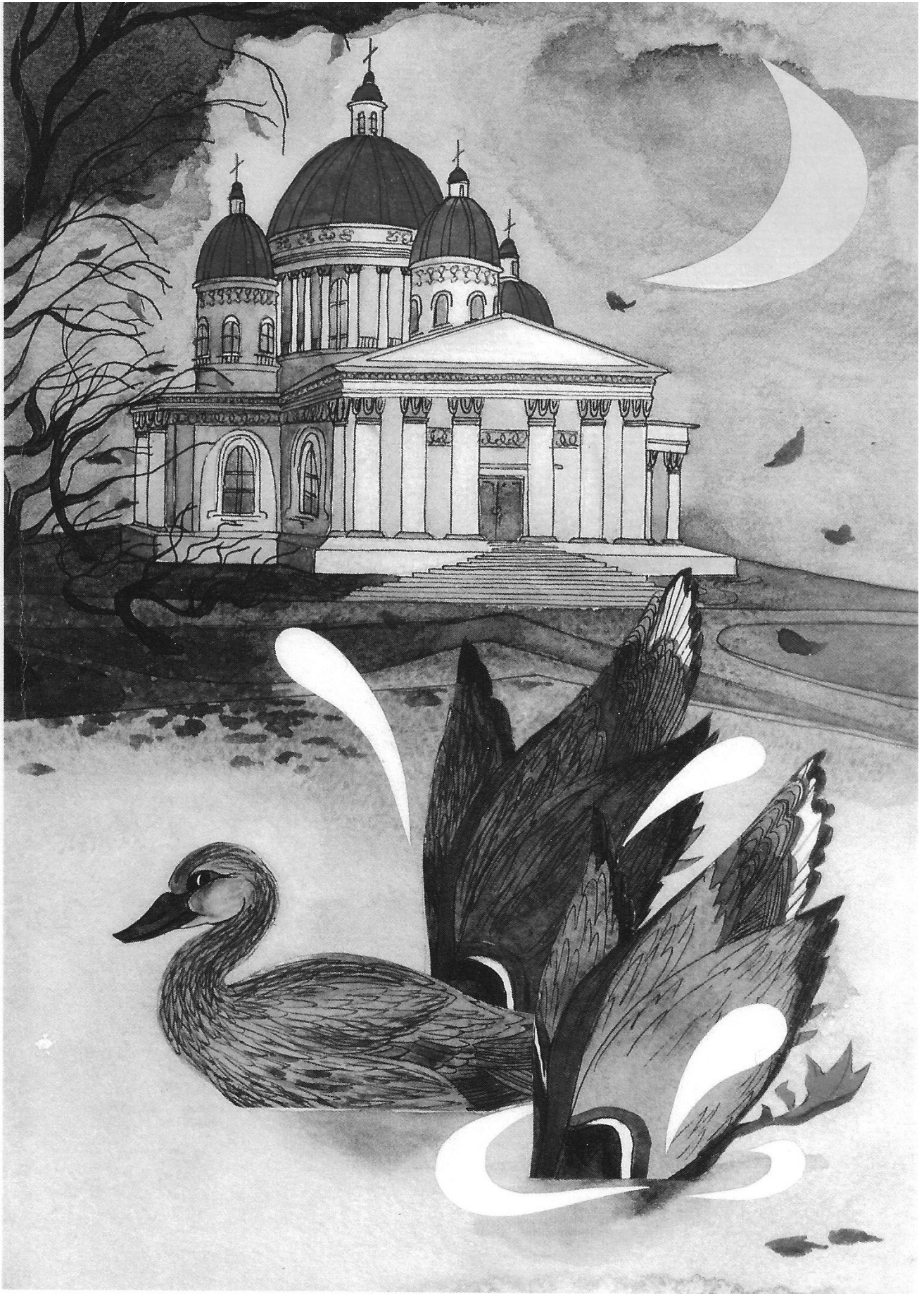
*Дорогому моему отцу ИЗВЕКОВУ БОРИСУ ИВАНОВИЧУ,
уничтоженному в застенках советской власти, посвящаю...*

Эти записки появились в результате настойчивых просьб, а затем и требований моего младшего внука Васи (Василия Владимировича Жулина).

Семья моей дочери с 1995 г. живет в Америке. Каждый раз, когда я прилетаю к ним в Питсбург на рождество (на рождество собирается вся семья, мои внуки прилетают туда из Калифорнии), Вася спрашивает: « Ты начала писать воспоминания?». Я: « А ты прочёл Есенина «Анна Снегина»?» (Такая у нас была договорённость...) В: «Нет». Я: « Ну и я нет!» Через год опять... В: «Ты начала?» « А ты прочёл?». В: «Ну давай свою «Анну Снегину»»... Через 20 минут он прочёл мою любимую Есенинскую поэму... В: « Знаешь, мне понравилось, только он её не любил....». Ну что ж, правильно разобрался....Это был 2004-ый год, год окончания моим внуком Стенфордского Университета, и я начала понемногу писать. Так что, если бы не Вася, записок бы этих не было.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто способствовал моей работе, в особенности же друзьям: Л.Е. Ляпиной, Г.П. Мещеряковой, Е.Г. Елиной, Н.Н. Алексеевой.

Глава 1

«Милый мой Малик, хорошо ли тебе в своём гнёздышке?» – вопрос, который задавал мне отец каждый вечер, когда приходил попрощаться со мной перед сном и помолиться. Мы становились на колени, он рядом с моей кроватью, я – в кровати, и молились («Отче наш» и «Богородица-дева, радуйся»). После этого становилось легко на душе, и я засыпала.

Позднее, лет десяти-одиннадцати, я спросила его, верит ли он в Бога. К моему удивлению, он ответил, что нет.

«Как же так, папа? А меня ты учил верить!»

«Милый Малик, мамы не было с нами, и я воспитывал тебя так, как меня воспитывали. Вырастешь, разберёшься сама».

Теперь самое время сказать несколько слов об отце и матери.

Мой отец, Борис Иванович Извеков, родившийся в 1891 г. в Калуге, в семье священника, к моменту моего рождения (я родилась 4 мая 1929 года) был профессором Ленинградского Государственного Университета, заведующим кафедрой Военно-Морской Академии им. Ворошилова, а также профессором Ленинградского Электротехнического Института им. Ульянова-Ленина.

Мать моя, Ольга Александровна Извекова, в первом браке Костарёва, родилась в 1889 г. и была женщиной сложной судьбы. Незаконная дочь известного российского адвоката Александра Яковлевича Пассовера, еврея по национальности, и русской дворянки Софьи Семёновны Ивановой, врача-гинеколога из первого выпуска Бестужевских Курсов женщин-врачей, она приняла на себя все удары судьбы, какие только можно представить себе.

Первый раз мама вышла замуж за Николая Николаевича Костарёва, от которого у неё было трое детей: дочь Софья Николаевна Костарёва и младшие сыновья – Владимир Николаевич и Алексей Николаевич Костарёвы. Старший из моих сводных братьев, Владимир (Вавака), жив, ему 90 лет.

Первый мамин брак распался. И получилось это так. Во

время революции мама, как и многие в то очень непростое время, на два года уехала из Петрограда в деревню спасать детей от голода. Неудивительно, что за это время её муж обрёл новую связь. Николай Николаевич был неплохим человеком, неплохим отцом и, как-будто, разводиться не хотел, но и связь не прекращал. Мама была гордым человеком, и такой вариант жизни её не устраивал. Она предпочла остаться одна с тремя детьми. Это, вероятно, произошло в 1925 году. Время было тяжелое, устроиться на работу было очень трудно, хотя образование у неё было хорошее, она окончила физико-математический факультет Петербургского Университета с золотым дипломом. Но троих детей надо было кормить и одевать. Наверное, муж помогал, но все равно было очень тяжело и морально, и материально. С большим трудом она устроилась на работу в Физико-технический институт к А. И. Иоффе, а затем перешла на работу в Главную Геофизическую Обсерваторию, где и познакомилась с моим будущим отцом Борисом Ивановичем Извековым .

Вероятно, их роман начался в 1926-1927 годах, судя по тому, что я родилась в 1929 г. Ясно, как нелегко было маме, а ей в ту пору было уже 37 лет, с тремя детьми, далеко не красавице, с полным пренебрежением к одежде, женить на себе красавца-мужчину, холостого, моложе её на два года, профессора, доктора физико-математических наук, талантливого учёного и просто замечательного, доброго, высокоинтеллигентного человека.

Это могла сделать только моя замечательная мать с её необыкновенным умом и терпением. Она рассказывала: «В то время, когда мы познакомились, у него было две любовницы – одна «на каждый день», кухарка, это там, где он жил; и вторая – ни много, ни мало, а примадонна Мариинского Театра, певица Кобзарёва, впоследствии по настоянию отца ставшая твоей крёстной матерью. Говорят, Шаляпин про неё говорил, что сопрано великолепное, но уж больно толста, обнять её на сцене не просто. Когда твою сестру повели в первый раз на «Пиковую Даму», она спросила, не сидят ли в Лизе две тётки». После этого рассказа я была озадачена папиным вкусом.

Но мама была последовательна. Сначала она «ликвидировала» кухарку, перевезя папу на другую квартиру к

своим друзьям Калачёвым, затем, в конце концов, и Кобзарёва исчезла с папиного горизонта.

Осенью 1928 года папа по рекомендации академика А.А.Фридмана был послан в научную командировку в Швецию и Германию. Маме удалось поехать с ним. В порыве откровенности мама как-то сказала мне: «Ты понимаешь, конечно, что четвёртый ребёнок мне совсем был не нужен, но я понимала, что отца твоего мне не удержать, если я не рожу». И вот в Германии, в городе Ульме, где всё было очень красиво и интересно, мы сблизились, и ты была зачата».

Ну что же, спасибо моим дорогим родителям, что будучи не молодыми (папе 38, маме 40), они отважились на такой смелый поступок!

Итак, я родилась 4 мая 1929 года. Мама оказалась права. Для отца я стала центром вселенной!

Я родилась в Ленинграде на Васильевском Острове, на 11-ой линии в доме 44 кв.14.

Настало время рассказать о квартире, в которой я родилась.

Эта квартира в своё время была куплена или арендована маминим отцом Александром Яковлевичем Пассовером, наверное, к маминой свадьбе в 1907 году, так как мама вышла замуж в 18 лет. Теперь немного о Пассовере и его роли в маминой жизни. К большому сожалению, и я, и мои братья, да и сама мама очень мало знали о нём, поэтому я воспользуюсь выдержками из статьи о нём в «Еврейской Энциклопедии» (том двенадцатый, издание Общества для Научных Еврейских Изданий и Издательства Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ).

«Пассоверъ, Александръ Яковлевичъ – выдающийся юрист. Род. в 1840 г. въ г. Умани Киевской губ., в семье военного врача, ум. въ 1910г. въ Петербурге. По окончании юридич. факультета московского унив. П. въ 1861 г. былъ оставленъ при унив. для приготовления къ профессуре по кафедре государственного права, а въ 1863г. командированъ за границу для усовершенствования. В 1866г. выдержалъ экзамень на магистра государственного права. Получить, однако, кафедру П., как еврей, не могъ, и он поступил на службу по судебному ведомству. Был секретарёмъ прокурора московской судебн.

палаты, исполнял обязанности судебного следователя, а затем был товарищем прокурора владимирского окружного суда. Дальнейшее движение по службе П., как еврея, стало невозможным. В 1874 г. П. вступил в ряды столичной адвокатуры и здесь сейчас же занял выдающееся положение как образованный, талантливый юрист, обладавший обширными познаниями в области русского и иностранного права, особенно английского, неотразимой логикой и блестящим умом. Вскоре П. приобрёл широкую известность не только в России, но и за границей. К нему приезжали советоваться по самым сложным и запутанным делам знаменитые адвокаты, судьи, сенаторы. К его защите и советам прибегали города, земства и правительственные учреждения. Многие положения права, впервые высказанные П., легли в основу руководящих решений кассац. сената. П. создал целую школу известных судебных деятелей, руководя своими помощниками и многочисленными сотрудниками, а главным образом, путём безсменного руководства одной из конференций помощников присяжных поверенных в течении 35 лет и т.д.....»

Всю статью переписать невозможно, если кто заинтересуется, всегда найдёт её сам.

Какие-то отдельные штрихи к портрету Пассовера можно найти в разных местах. Например, в двухтомнике известного юриста Кони написано: «Вчера встретил Александра Яковлевича Пассовера, тот сказал мне: «За необращением в православие, обращён в адвокатуру!»»

Писатель Сергей Званцев, друг Чехова, написал рассказ, посвящённый Пассоверу. Рассказ называется: «Дело Вальяно». Грек Вальяно занимался контрабандой и ввозил в Россию товары, не платя пошлины. Дело Вальяно было абсолютно безнадежным, прокурор заранее торжествовал. Положение мог спасти только единственный человек – знаменитый петербургский адвокат Пассовер. Всё это происходило в Таганроге, на Азовском море. Рассказ очень остроумный и интересный. Пассовер выиграл это дело и получил гонорар – миллион!

Прочтите этот рассказ, не пожалеете.

Из других источников известно, что Пассовер был

нелюдим, о личной его жизни никто ничего не знал, он был сух и официален. Никто не знает, что сблизило, что было общего у таких разных людей, как Пассовер и моя бабушка – Софья Семёновна Иванова. В 1888 г. Пассоверу было 48 лет, бабушке 30 лет.

Бабушка – русская красавица, дворянка, одна из первых врачей-женщин в России (женское высшее образование впервые разрешил Александр III). Пассовер – внешне невзрачный, небольшого роста, рыжеватый еврей со стальными холодными глазами, на 18 лет старше!

Что она нашла в нём? Талант, талант и еще раз талант. Некоторые скажут – «деньги». Нет, и ещё раз нет. Она – состоявшийся человек, врач с практикой. В те времена положение врача-гинеколога было не то, что сейчас. Действительно, он был богат и к тому времени, наверное, был миллионером.

Нет, не деньги её привлекали. Она видела в нём необыкновенного человека, поэтому и полюбила. Вскоре она забеременела. При Александре III положение незаконнорожденного ребёнка было крайне тяжёлым. Он не имел права на образование и вообще был изгоем в обществе. Конечно, А. Я. Пассоверу можно было креститься, и тогда брак был бы законно оформлен, но А. Я. Пассовер был принципиальным человеком, “выкрестом” (так презрительно называли крестившегося еврея) быть он не хотел, из-за этого он в своё время не получил и кафедру в университете. Чтобы сохранить своё достоинство и при этом не ущемить права будущего ребёнка, А. Я. Пассовер сделал следующее: он вывез бабушку на время родов в Англию, в Лондон. Дело в том, что англиканское вероисповедание давало ребенку все права в России, но для этого надо было два месяца прожить в Англии. Через два месяца они вернулись в Россию с новорождённой девочкой – Ольгой Александровной Вернер, рождённой в Лондоне, крещённой по англиканскому вероисповеданию. Откуда взята фамилия Вернер, мы не знаем.

Не исключено, что Пассовер «купил» какого-то англичанина по фамилии Вернер, женил его фиктивно на бабушке и развёл. Много можно успеть сделать за два месяца, имея большие

деньги! Если бы Пассовер знал, как тяжело отразится всё это на судьбе его дочери впоследствии... Но он умер в 1910 г., и откуда ему было знать про революцию и всё то, что за ней последовало.

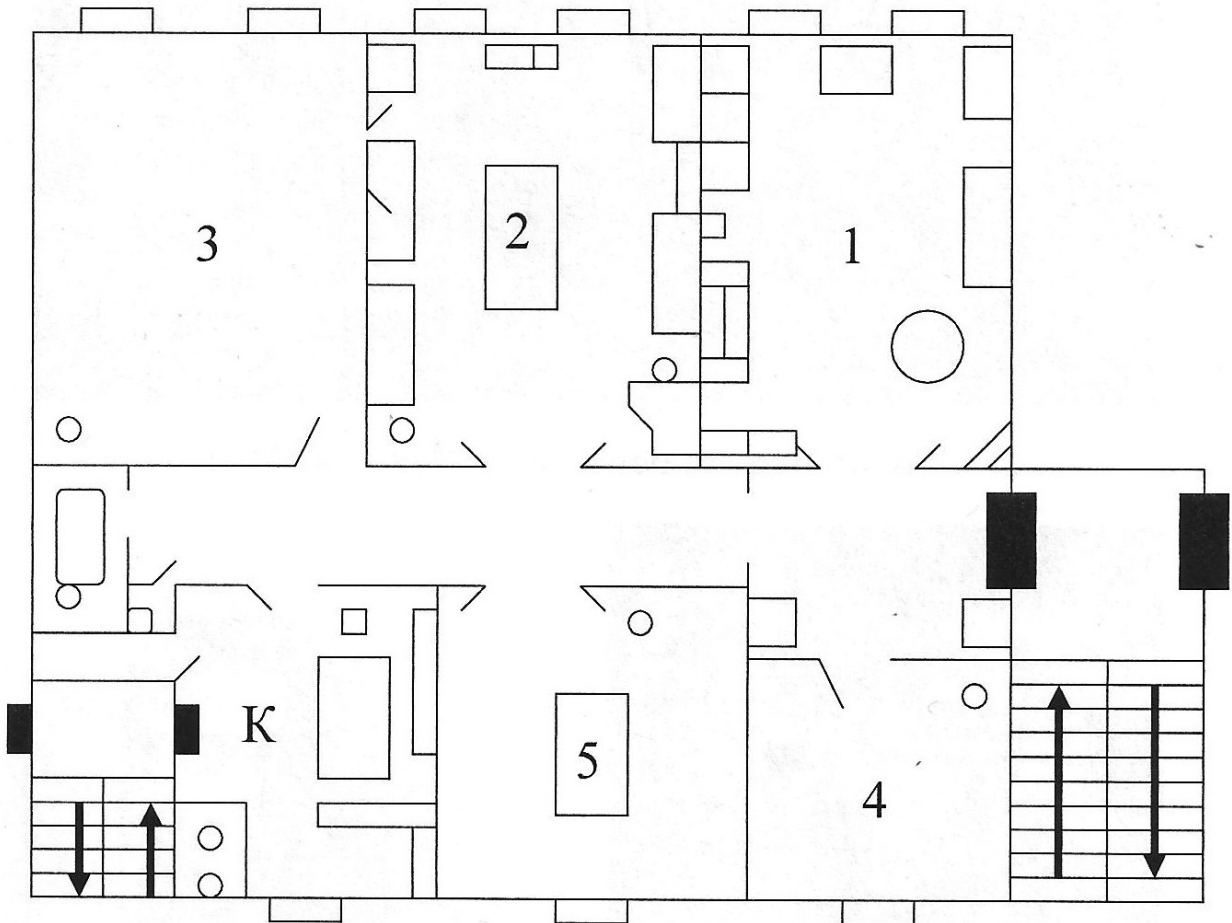
Бабушка Софья Семёновна умерла в Швейцарии от чахотки, куда вывез её на лечение Пассовер, когда её дочери, моей будущей матери, было всего 5, а ей самой 35 лет. Тогда даже большие деньги не могли спасти от туберкулёза. Перед смертью она завещала Пассоверу не оставлять дочери никаких денег, но дать прекрасное образование: деньги человека портят, считала она. Он свято выполнил её волю, правда, «дрогнул» в одном случае, о котором я расскажу позже.

Когда А. Я. Пассовер умер, маме был 21 год. Она только после его смерти узнала, что он был её отцом, до тех пор он считался опекуном, оберегая её репутацию. После смерти бабушки маму воспитывала тётка, родная сестра бабушки.

Пассовер купил дом в Гатчине, считая, что климат там лучше, чем в Петербурге. Всё детство мама провела в Гатчине. Сколько денег только можно было потратить на мамино образование, он потратил! Мама в совершенстве владела тремя языками – английским, французским, немецким, мама с листа играла музыкальную классику, у мамы были учителя по рисованию, плаванию и даже по верховой езде. Потом мама окончила лучшую гимназию в Петербурге, гимназию Таганцева, затем физико-математический факультет Петербургского Университета.

И вот, когда она решила в 18 лет выйти замуж за Н. Н. Костарева, сердце у опекуна «дрогнуло» Он сказал: «Я обещал твоей матери не оставлять тебе денег, но я нарушу волю твоей матери и дам тебе деньги, только не выходи замуж, поезжай в Париж, поступи в Сорбонну». Но мама не послушалась опекуна и вышла замуж.

Тогда он купил ей квартиру в самом престижном районе, на Васильевском Острове, три комнаты по 24 кв.м. выходили на улицу, две комнаты – 12 кв.м. и 16 кв.м. и кухня 26 кв.м. – выходили во двор.

Дом на Васильевском острове. 11ая линия 44 кв.14

Иванова С.С.

Вернер О.А.

Глава 2

Итак, мама выходит замуж. До революции целых 10 лет! Десять лет весёлой, беззаботной жизни! Конечно, родятся дети – один за другим с небольшими перерывами, но ведь есть няни, кухарки....

Судя по фотографиям: весёлые компании, балы, маскарады, яхтклуб, и вместе с этим – окончание мамой университета, а муж кончает путейский институт, ныне Институт Железнодорожного транспорта. У них собственная яхта, на которой Николай Николаевич с Вавакой спускаются по Волге до Астрахани.

Но всё хорошее, к сожалению, быстро кончается! Происходит революция. Мама с Соней, Вавакой, Алёшей и подругой Лидией Владимировной едут в деревню – спастись от Петроградского голода.

Что получилось дальше, мною уже было описано. Всё это происходило до моего появления на свет. В тот момент, когда я пишу свои воспоминания, наступает 2005г., и мне полных, увы, 75 лет!

Итак, я «озарила» свет своим присутствием 4 мая 1929г.

Родители мои были зарегистрированы только в 1940 г., спустя 11 лет после моего рождения, но по настоянию папы еще до моего рождения были обвенчаны в домашних условиях на квартире у Калачёвых. Тогда ведь фактически было запрещено венчаться и креститься. Не то чтобы совсем запрещено, официально церковь была отделена от государства, но найти священника и договориться с ним было очень трудно, все боялись.

Папа всё-таки был религиозен по традиции и поэтому настоял на обряде венчания а впоследствии и на обряде крещения для меня. Меня крестили три месяца спустя после моего рождения – не знаю, то ли долго пререкались насчёт крёстных, то ли трудности были со священником, то ли из-за купели, ведь она очень тяжелая, а её надо привезти из церкви и взгромоздить на 3-ий этаж в нашу квартиру. Так или иначе, окрестили Татьяной, именем любимой папиной пушкинской героини. Крёстным был

папин младший брат Алексей, крёстной – певица Кобзарёва. Мама рассказывала, что какой-то абзац священник второпях пропустил при крещении, но мой дядя-крёстный, хорошо знавший священное писание, уличил его в этом и заставил произнести всё, что полагается в этих случаях. (Может быть, поэтому Бог хранит меня, и даёт мне возможность чувствовать себя счастливой и по сей день).

Итак, вернёмся к тому, что было 75 лет тому назад.

Родилась я в упомянутой квартире на Васильевском острове в маминой спальне (см. на рис. комн. №3). Так как я была у моих родителей поздним ребёнком, то из суеверия приданого мне никакого не готовили, так что первую рубашечку мне шили уже после моего рождения.

Семья в квартире располагалась так: комната под номером 1 была папиным кабинетом, комната под номером 4, напротив через прихожую, была папиной спальней, комн. под номером 3 была маминой спальней и моей до высылки мамы в Саратов в 1934 г., (затем эту комнату у нас отобрали, и в ней поселилась семья Семёновых из четырёх человек), комната под номером 2 была столовой, комната под номером 5 была в распоряжении моих сводных братьев и называлась мальчишеской (там жили Вавака, Алёша и Анатолий – товарищ Ваваки.)

Анатолий – одноклассник Ваваки, он жил недалеко от нас на Малом проспекте и оказался близким нашей семье по следующей причине. Его родители-рабочие не хотели, чтобы он учился дальше, хотели, чтобы он работал. Мама предложила ему жить у нас и учиться вместе с Вавакой дальше. Они вместе закончили школу, затем Политехнический институт и оставались друзьями до самой преждевременной смерти Анатолия в пятидесятых годах. Позже в этой комнате поселился с мальчиками Шура Беликов, студент Политеха, сын маминой подруги, тёти Клавы, приехавшей с Кавказа.

Наконец, кухня. Хорошая большая кухня. Слева у окна большая плита с конфорками и духовками, но я не помню, чтобы её топили. На ней стояли примусы, которые заправлялись керосином. Керосин продавался на углу Среднего проспекта и 8-ой линии, мы ходили туда с няней Маней, керосин нам черпали из цинковой ванны литровой кружкой на длинной ручке и через

воронку наливали в наши ёмкости. У нас были две прислуги: Катя-кухарка и Маня, моя няня, которая прожила у нас десять лет. Маму я совершенно не помню в лицо лет до 6-7, хотя до 1934 г. мы жили вместе. Мама работала с утра до вечера, надо было зарабатывать деньги, она принципиально не хотела, чтобы дети от её первого брака были бременем для моего отца, тем более, что у них был свой отец.

Старшая моя сестра к тому времени была замужем, имела сына Вовку – Рыжика, который был всего на год моложе меня – и жила отдельно. Мама называла кухарку Катю и няню Маню по-английски: Кэт и Мэри. Как-то к Мане приехали гости из деревни и спрашивают: ”Манька, пошто хозяйка тебя меринком кличет?”

В квартире было печное отопление. Во всех комнатах, кроме папиного кабинета, стояли круглые железные печки, в папином кабинете – белый камин. Дрова хранились на заднем дворе в сарае, их заносили на кухню в чулан через чёрный ход. Я не припоминаю, чтобы я когда-нибудь видела папу в кухне или входящим в квартиру с чёрного хода, но он любил топить свой камин сам, и, значит, дрова из чулана, наверное, брал сам. Как во всех старых петербургских квартирах, было два входа: парадный с улицы, чёрный со двора.

Папа всегда пользовался парадным входом и звонил три раза. Это был сигнал для меня: где бы я ни была, и чем бы я ни была занята, я срывалась и бежала в переднюю, чтобы броситься отцу на шею. Отец был для меня всем на свете: отцом, матерью, другом. Всего двенадцать лет за всю мою долголетнюю жизнь я провела рядом с ним! Но в течение двадцати лет после того, как он ушёл из моей жизни, я не могла о нём спокойно говорить. горлу подкатывался ком, и слёзы, слёзы, слёзы....

Помнить свою жизнь, свои поступки, поступки окружающих начала, как и все дети, наверное, лет с трёх. Это был 1932 год. Мы едем на поезде; мы – это: мама, Маня, Вавака, Алёша, Анатолий, Таня “Белик” (о ней речь будет особо) и я. Братья и Анатолий мне связали в качестве багажа чайник с ночным горшком. “Мой багаж“, – говорила я и вскидывала на плечо свой багаж, чем вызывала гомерический хохот остальных пассажиров.

Там, в деревне, я совершила кражу, тихонечко, пока никто

не видел, я без спроса взяла лежащую на крыльце коробочку из-под зубного порошка. Пустая, она, видимо, предназначалась для рыболовных крючков. Это было большим переживанием для меня, мне было очень стыдно, и через короткое время я также незаметно вернула коробочку на место. Я очень хорошо запомнила этот случай, никто не заметил исчезновения коробочки, но в три своих года я поняла, что красть я никогда больше не буду. Ещё один эпизод, кроме кражи коробочки из-под зубного порошка, не даёт себя забыть. Мать моей деревенской подружки Мани Лапкиной послала нас закапывать живых новорождённых котят! Это зрелище до сих пор стоит у меня перед глазами. Почему-то мы их закапывали в песок, а они оттуда выползали! Чем дело кончилось, не помню, наверное, кто-нибудь из взрослых – деревенских нас от этого отстранил. Хорошо, что папа этого не видел, наверное, его в это время не было в деревне.

Ещё запомнилось мытьё в деревенской печке. Эта Манина деревня находилась в Костромской области. Почему-то бань там не было, мылись в избе в печке. Я помню, как мы с Маней забирались в печку, там стоял ушат с водой, внутри печь была застелена соломой, и она меня мыла. Помню, как маму запикивали в печку, она была полной женщиной. Помню, как ели все из одной миски: залезешь в чужой край – получишь по лбу деревянной ложкой. На короткое время приезжал туда папа, гулял со мной и с моей новой деревенской подружкой Маней Лапкиной.

По возвращении в Ленинград я настолько «одеревенилась», что говорила только по-деревенски. Однажды, гуляя вечером с Маней, мы зашли в игрушечный магазин, и я там увидела красивую куклу с седыми волосами. Прибежав домой (Маня за мной еле поспевала), я влетела к папе в кабинет (там были гости), потребовав: «Папа, купи мне куклу с сивым волосьем!», чем привела гостей в неопиcуемый восторг. Дети быстро привыкают к новым условиям жизни.

Помню, следующим летом мы с Маней жили на даче в Луге под Ленинградом. С нами вместе там жила Надюша Шапирова со своей няней, она была годом старше меня. Наши кровати стояли рядом. Ей было 5, мне 4 года. Как-то её няня сказала нам,

когда мы уже легли спать: «Если вы будете в ссоре засыпать, то между вами будет сидеть дьявол, а если в мире, то – ангел». Я это изречение запомнила на всю жизнь! Я не могу отойти ко сну, не примирившись предварительно с теми, с кем днём даже слегка поссорилась.

Помню в Луге лес, большой зелёный луг, полный цветов, и за ним речка с довольно крутыми берегами. Наверное поэтому, самые мои любимые цветы – полевые. А замечательные стихи Алексея Константиновича Толстого:

«...где гнутся над омутом лозы,
где яркое солнце печёт;
играют и пляшут стрекозы,
весёлый ведут хоровод...»

ассоциируются у меня с берегом речки в Луге. Лето кончилось, и мы с Маней возвращаемся в Ленинград. В Ленинграде дни рождения моих друзей, конечно, многочисленные «ёлки». Среди моих маленьких друзей, в основном, дети сотрудников моих родителей. Это Ира и Нина Кочкины, Люся Грибоедова, Гога Кароль, Мишенька Кошляков, Сева и Валя Бианки, Тамила Образцова, Дима, Вовка-Рыжик (мой племянник) и многие другие.

Не могу не вспомнить один эпизод из своей четырёхлетней жизни. Со всеми спорными вопросами я обращалась только к отцу. «Папа, почему Дима садится ко мне на колени, если даже рядом есть свободное место; и я тоже сажусь к нему на колени, хотя рядом есть пустое место? Папа, это – любовь, да?» К сожалению, я не помню папиного ответа. Надо отдать справедливость маме, всевозможными развлечениями для меня занималась она. Итак, взрослыми (Пелагеей Яковлевной Кочиной и мамой) было решено поставить пьесу «Лиса, Заяц и Петух». Актёры: Лиса – Ира, Заяц – Нина, Петух – я. Ира и Нина Кочкины были сёстры-близнецы постарше меня. Им было по пять с половиной, а мне всего четыре года. Пелагея Яковлевна сшила замечательные декорации. Спектакль был сыгран в Кочинской квартире на Петроградской стороне. (Позже Н. Е. Кочин был избран в академики и они переехали в Москву). В самой большой

их комнате стоял или, скорее, висел до пола большой разноцветный дом с красной крышей, синими стенами, желтыми оконными наличниками на большом окне. В этом окне, по роли, должна была сидеть я – Петух, а Лиса должна была вытащить меня из окна и утащить.

Дома мама разучивала со мной роль. Роль была небольшая: «Несёт меня лиса за далёкие леса, за далёкие горы!». Роль была мною добросовестно выучена, костюмы на всех троих были великолепны, но, когда Лиса-Ира вытащила меня из окна и потащила, вместо нужных слов я громко разревелась. Это оказалось весьма кстати, что и вызвало бурю аплодисментов.

“Елки” тоже были весёлыми и интересными. Ставилась большая ёлка посреди комнаты №2, наряжалась очень интересными игрушками, вешались на неё мандарины и конфеты, зажигались на ёлке свечи в подсвечниках, водили хороводы вокруг ёлки и пели песенку: «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...». Потом приходил настоящий дед Мороз, за спиной у него была корзина с игрушками-подарками. Очень эта корзина почему-то напоминала папину корзину для бумаг, стоявшую под письменным столом. Но дед Мороз был явно не переодетый папа. Оказывается, на роль деда Мороза специально пригласили Николая Николаевича Костарёва, первого маминго мужа. На «ёлках» и днях рождений собиралось по 15, а то и более детей. Взрослых на этих празднествах не было, они приводили детей, оставляли их, затем приходили за ними через несколько часов и забирали домой. Мы же играли в прятки, в жмурки, в «море волнуется», в «короля–королевича» и во множество других игр.

Извекова Татьяна, 1933 г.

Глава 3

Я думаю, что всё это было правильно. Такой «светский» образ жизни, который сложился благодаря маме, в известной степени сформировал мой характер, выработались такие качества, как общительность и коммуникабельность. Надо заметить, что по прошествии более 70 лет дружба с некоторыми, например, Игорем Каролем, Люсей Грибодовой, Мишей Кошляковым, Ирой Кочиной, Тамиллой Образцовой сохранилась до сих пор, чем я очень дорожу.

В общем, нельзя сказать, что мама совсем отстранилась от моего воспитания. Например, я помню, что именно она обучала меня отличать левую сторону от правой. Завязывали на правой ноге красный бант, заставляли маршировать и по команде я должна была поднимать правую ногу. Оставалось самой сообразить, что нога без банта – левая! Мама сама любила говорить: «Я тебя родила и бросила на отца и няньку, мне тобой заниматься было некогда, были другие заботы – не были поставлены «на ноги» старшие дети, и надо было писать докторскую...»

К 1934 году она была доцентом и готовила докторскую диссертацию. Зимой 34-го года мама организовала для меня французскую группу. Гога Кароль, Сева и Валя Бианки два раза в неделю приходили ко мне. Все они были на год или два постарше, все мы жили на Васильевском острове: Гога на 3-ей линии, Бианки на 2-ой, я на 11-ой линии. Сева и Валя были внучатыми племянниками известного писателя Бианки. Занималась с нами французским языком француженка Елена Юльевна Пржевальинская. Сама она была родом из Швейцарии, какими судьбами она с сыном оказалась в России, я не знаю, кажется, покойный её муж был поляком. На этих занятиях мы в основном играли и понемногу пытались говорить по-французски. Сохранилась фотография тех времён. Мы стоим вчетвером, я с котёнком на руках. Через 70 лет мы с Игорем Каролём специально сфотографировались, но уже вдвоём, с любимым моим котом Усиком на руках. Эти две фотографии у меня рядом в альбоме.

Шел 5-ый год моей жизни. Помню ощущения, чувства, которые я не всегда умела сформулировать. Например, появилось чувство стыда за свою наготу. Однажды, когда Анатолий купал меня в ванне (Маня, наверное, была занята), я ему с досадой сказала: «Не твоё дело меня купать!» Я очень хорошо помню, что меня тогда охватило жгучее чувство стыда. И ещё: как-то меня охватило чувство счастья, кстати, это ни с чем не сравнимое чувство!.. Я прибежала к отцу и поделилась этим с ним. Вот его ответ: «Это замечательно, мой дорогой Малик, что ты ощущаешь счастье сейчас, в данный момент. Обыкновенно, люди говорят, как счастливы они *были*, и не замечают своего счастья в настоящую минуту. Это очень хорошо!» В течение моей жизни меня нередко посещали такие приступы безотчётной радости жизни, и мой муж, о котором речь пойдёт в дальнейшем, всегда опасался этих приступов, так как, по его утверждению, за ними следуют, как правило, мелкие неприятности. И все-таки мне радостны эти моменты, и мне жаль людей, которые эти чувства не испытывают.

Ребёнком я была очень капризным и избалованным. Немудрено: отец во мне души не чаял, я уже писала об этом, для него я была «центром вселенной». Самое раннее воспоминание: темно, похоже, южный ранний вечер, в ведре с водой отражается месяц. Реву во всю глотку требуя «пацень», то есть печенье. Выходит папа: «Дайте, наконец, ребёнку, что он хочет!». Ему показывают на ведро с водой, где отражается месяц, похожий на рогалик. Надо отметить, что папа ни разу меня не наказал, ни разу меня не нашлёпал. А надо бы, ой как надо бы!

У мамы была своя теория: «девочек баловать надо, мальчиков – нет». Зато нянька меня шлёпала вовсю, причитая при этом «ух ты, падеро заовинное», запирала меня, ревущую, в ванну, где я орала сколько сил хватало, конечно, в папино отсутствие. Самое интересное, что я никогда на неё не жаловалась, иначе папа бы её выгнал.

Помню, как Анатолий достал с антресолей корзину, в которой была в большом синем сафьяновом переплёте фотография бабушки, маминой матери, на смертном одре. Это было непонятно, но очень красиво. Помню, как Вавака, поставив меня в кухне на табуретку, учил меня свистеть и... целоваться

(последнее он сейчас отрицает, но мне так запомнилось). Свистеть я так и не научилась, кстати. Ну, а насчёт поцелуев, всё это было значительно позднее. Так или иначе, мне — четырёхлетней, с ними —19-тилетними, было всегда весело и интересно. Они меня в четыре моих года поставили на коньки, и потом, когда Вавака уже не жил на Васильевском, мы с Анатолием регулярно ходили на каток, включая зиму 1941 г.

В детстве я была очень привязана к своему сводному брату Вавাকে, в то время как Алёша и Соня не были мне близки. У Алёши был нелёгкий характер, он был младше Вавака на два года, и возможно, для него оказалось труднее пережить развод родителей. Соня же была «отрезанный ломоть», приходила редко, но все её приходы заканчивались почему-то скандалами, мама с ней не ладила. Видимо, она была не совсем нормальным человеком, я её очень мало знала. Вообще, возрасты мой, Сонин и мамин и составляли арифметическую прогрессию с разностью $d = 20$.

Итак, 1934 год. Я быстро начинаю развиваться. Папа много мне читает и рассказывает. Рассказывает и читает Священную Историю, учит меня молитвам, мы молимся перед моим сном, читает мне стихи своих любимых поэтов, а это Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Полонский и др. Почти каждое воскресенье в первой половине дня мы идём в Русский Музей, где папа показывает любимые свои картины и рассказывает о них. К этому времени у него самого уже хорошая коллекция картин, в основном русских художников. С раннего детства мне запомнился женский портрет кисти Кустодиева. Это была картина 2 на 1,5м, на которой изображена дама в роскошном белом бальном платье, вся усыпанная драгоценностями, сидящая на диване красного дерева. Дама была немолодая, лет сорока, с неприятным выражением лица, даже, я бы сказала, злым. Это был портрет жены министра двора при Николае II, барона Фредерикса. Говорят, она была маленького роста, поэтому Кустодиев изобразил её сидящей, по её просьбе. О судьбе этой картины я расскажу позже. У папы в кабинете висели две картины Репина: «Монах» — масло и маленькая акварель — портрет жены Репина. В центре левой стены кабинета над диваном висела гордость папиной коллекции — картина кисти

Айвазовского «Чёрное море под Гурзуфом». Она была в красивой золотой раме, а над ней –рефлектор с тремя лампами. Помню, рядом висела картина Зинаиды Серебряковой – бюст женщины в голубом – портрет балерины. На этой же стене находилась картина Богаевского «Италия» и две его самых любимых картины Остроумовой-Лебедевой. Потолки в старой петербургской квартире были высокие, поэтому картин на стенах могло уместиться много. На этой-же стене под потолком висела «Деревенская свадьба» кисти Кустодиева, картины Лансере и Бенуа и пара пейзажей Серебряковой. На противоположной стене кабинета над письменным столом висели: «Деревенский пейзаж» Коровина, «Портрет певицы Зембрих» кисти Лембаха в красивой овальной золотой раме, две картины В. Маковского, ещё два пейзажа Остроумовой-Лебедевой и Серебряковой. Между письменным столом и камином стоял круглый стол и над ним – большая (2 на 1,5 м) картина Дубовского «Ночь в Алушке». В проёме между окон висели две картины: «Волки» Дубовского и «Лес» Жуковского. За столом в большой картонной папке у стены был «запасник», где находились не вывешенные картины без рамок. Как-то папа вынул оттуда и показал мне большой картон с овальными фотографиями, это был первый выпуск врачей-женщин Бестужевских Курсов.

«Вот твоя бабушка – мамина мама, вторая, русская красавица», – сказал он. Во втором овале на меня смотрела красивая женщина с широченной русой косой вокруг головы. Фотографии дедушки-священника и бабушки-попадьи стояли у папы на письменном столе. Слишком поздно родители мои решились произвести меня на свет – ни дедушек, ни бабушек своих я не застала.

В моей комнате на противоположных стенах висели две крупные картины: описанная мною дама кисти Кустодиева и «Итальянка с кувшином» французского художника Reveu–Reveau. Последнюю папа купил в комиссионном на Невском, имея у себя открытку с её репродукцией. Ещё в моей комнате висела картина Дубовского – кисловодский пейзаж с женскими и детскими фигурами. Хочу воспользоваться моментом и сказать, что все четыре картины Дубовского куплены у жены Дубовского, Фаины Николаевны, а все картины Остроумовой-Лебедевой

куплены папой у неё самой, которую он лично знал и которая была его любимой художницей. Уже не было в живых моих родителей, когда я случайно обнаружила шов на картине Остроумовой–Лебедевой. Ещё был жив папин приятель – Александр Павлович Ковылов, тоже коллекционер, я в ужасе обратилась к нему: может быть, при реставрации повредили картину? (После войны те немногие картины, которые удалось спасти, необходимо было реставрировать). Александр Павлович засмеялся и сказал: «Ты не представляешь, как тебе повезло! Дело в том, что у Остроумовой-Лебедевой было много авторских повторений, одна из них висит в Третьяковке, но твоя-то самая первая, она сама подклеила кусок картона, чтобы дорисовать картину, а Борис Иванович лично у неё покупал её картины».

В мальчишеской комнате, а потом комнате Беликовых, висела ещё одна картина Кустодиева, на ней изображены жена художника с ребёнком, играющие на ковре. В этой комнате, кроме картин, были гравюры. Папина спальня тоже была увешена картинами, сохранилась любительская фотография – папа на фоне стены с картинами.

Мне уже 5 лет. Под впечатлением папиных рассказов, чтения стихов, в основном из «Евгения Онегина», исполнения им всех мужских арий подряд из его любимой оперы, заинтересованная сюжетом, я начала читать, и конечно, «Евгения Онегина». Буквы я знала значительно раньше. Мне не разрешали читать, считали, что слишком рано, но я пряталась под рояль с огромным Пушкинским томом, многие помнят это издание, светло-зелёное издание с чёрными уголками. Какие там были картинки под папиросной бумагой! Помню рисунок во весь лист: Татьяна на заиндевевшем окне выводит вензель “О да Е”. Итак, 1934 год. Убийство Кирова. Массовая высылка ни в чём не повинных людей из Ленинграда. Ломка судеб, в том числе судьбы моей семьи.

Мама весной 1935 г. высылается из Ленинграда перед самой защитой диссертации, за которую ей должны были присвоить докторскую степень. К тому времени она была доцентом, но без степени. Место ссылки – Саратов. Этот город в дальнейшем, сыграл свою роль в моей судьбе. Итак, мы остались без мамы. Мои сводные братья, Вавака и Алёша, переехали к

своему отцу, Николаю Николаевичу Костарёву. Они были уже совершеннолетними, но на всякий случай Николай Николаевич отослал их на время в Москву в целях безопасности, так как многие семьи выслались полностью. Меня вполне могли выслать с мамой, так как гражданского брака у моих родителей не было, только церковный.

Возможно, помогла моя скарлатина. В то время заболевших скарлатиной увозили в больницу, но для меня была выделена отдельная комната – папина спальня (на плане она под номером 4, напротив папиного кабинета). Все картины со стен были сняты, лишняя мебель была вынесена. Ко мне была вхожи только Маня и папа. Я не помню до войны никаких поликлиник. Когда я заболела, папа поднимался на 5-ый этаж в квартиру академика Щербы, его невестка-доктор – милейшая Ольга (боюсь спутать отчество) – всегда лечила меня. В серьёзных случаях вызывался профессор Воловик. Зубы мне лечила мамина подруга Софья Николаевна Калачёва – сестра жены художника Дубовского, у которой папа покупал картины Дубовского и Маковского. Последний был другом Дубовского.

После скарлатины я благополучно поправилась, только пришлось заново учиться ходить, так как меня долго держали в кровати из-за опасности осложнений. Жизнь потекла по прежнему руслу, отсутствия мамы я особенно не ощущала, так как и ранее я её почти не видела. Она осуществляла общее руководство моим воспитанием, независимо от того, рядом ли она или в «местах не столь отдалённых», как тогда говорили.

После того, как маму выслали из Ленинграда, наша квартира стала коммунальной. В мамину спальню вселили семью из четырёх человек. Это были Павел Дмитриевич Семёнов – вдовец с двумя девочками Женей и Тamarой и матерью Анной Михайловной. В комнате моих сводных братьев поселились Беликовы: Павел Данилович, его жена Клавдия Владимировна и сын их Шура, который и раньше жил здесь с моими братьями. Немного позднее, после отъезда Шуры на Беломор-канал в качестве инженера, сюда после своего развода с мужем перебралась к родителям Таня Беликова. Ей пришлось развестись с мужем, чтобы не портить его «комсомольскую репутацию». Ему поставили в вину, что его жена Таня

проводила на вокзале мою мать Ольгу Александровну Костарёву в ссылку. Я её называла Таня Белик, а потом и все её так стали называть.

Костарева О.А., Извекова Таня, Извеков Б.И. 1934 г.

Глава 4

Перед высылкой в Саратов была тюрьма. Когда и где маму арестовали, я не знаю, сколько месяцев она просидела в тюрьме, тоже не знаю, но помню такой эпизод. По-видимому, маму перед высылкой на какое-то время выпустили из тюрьмы домой, возможно, за зимними вещами, ведь ссылали маму в Саратов на 5 лет. Так вот, помню у папы в кабинете такую сцену: в кабинете папа, мама и Николай Николаевич, который срывает с маминой шеи золотую цепочку. Дело в том, что у мамы была замечательная золотая цепочка работы знаменитых венецианских мастеров по золоту, унаследованная от матери (подарок Пассовера). Мама всегда говорила, что работа по золоту там дороже, чем само золото. Она носила её, не снимая, так как замок цепочки был сломан. В тюрьме пытались сорвать с неё цепочку, но не смогли. Папа и Николай Николаевич пытались снять её с шеи мамы, боясь, что в дороге и ссылке её могут убить из-за золота, Николаю Николаевичу это удалось сделать. Кстати, эта цепочка до моих 16 лет лежала, оставаясь порванной, и только к 16 годам мама отдала её починить и подарила мне. Сейчас она иногда украшает мою немолодую шею – единственная вещь, хранящая память о нашем выдающемся предке Александре Яковлевиче Пассовере. Она останется моей дочери, может быть, у неё когда-нибудь будет внучка, и она передаст её ей.

Ни за что, без суда и следствия высланная из Ленинграда, оторванная от семьи, от больного пятилетнего ребёнка, от интересной успешной работы, мама ехала на поезде в совершенно незнакомый город Саратов. В поезде, разговорившись с проводницей, рассказав, что ей и ночевать-то негде – а поезд в Саратов прибывал к вечеру, а вечера в Саратове тёмные, город-то почти южный – разжалобила проводницу, и та ей дала адрес своей сестры Нюры Желваковой. Добралась мама туда только к ночи. Нюра с мужем Васей, речным механиком, жила на окраине Саратова, «на горах». Мама поселилась у этих замечательных людей, почти в деревенской избе. С тех пор Нюра

стала первым другом нашей семьи. Она часто потом приезжала к нам в гости в Ленинград, помогала нам с мамой в тяжелые военные годы, когда волею судеб мы снова оказались с мамой в Саратове..., но об этом позже, сейчас ещё 1935 год, и до войны ещё целых 6 лет.

Итак, мама, худо-бедно, обосновалась с жильём и устроилась на работу в Сельскохозяйственный институт, расположенный на 2-ой дачной остановке. Это, конечно, было не близко, но моя мать никогда не боялась трудностей и умела «обуздать» свою судьбу. Ну, а мы с папой и Маней продолжали жить в Ленинграде. Не совсем мне сейчас понятно, каково было распределение живущих по комнатам, ведь и Катя, и Анатолий остались с нами. Катя по-прежнему кухарила, а Анатолий был очень удобен папе для всяких хозяйственных дел: надо было вешать и перевешивать картины, заботиться о дровах, что-то надо было всегда починить и, вообще, должны быть в доме мужские руки.... Папа хозяйственными талантами не обладал, это был учёный «чистой воды», профессор в полном довоенном смысле слова, когда профессоров было мало, тем более «настоящих». Думаю, что Анатолий спал на кухне, Катя и Маня в столовой, ну а я, по-прежнему, в папиной спальне, а папа перешел к себе в кабинет на диван. Как я уже сказала, в нашей квартире стали проживать ещё две семьи: семья Беликовых и семья Семёновых.

Мама в Саратове. Помню, как ездили с папой в Павловск, в семью профессора Калитина – директора Геофизической Обсерватории, в которой работали мои родители. Мы шли пешком через Нижний и Верхний парки, я впервые приехала в Павловске, и была ошарашена красотой парков. Дом Калитиных стоял возле Верхнего парка. В этой семье были две девочки, постарше меня. Папа принёс большой торт, на котором были две розы из крема. Почему-то эти розы достались нам с папой, наверное, как почётным гостям. Мы там ночевали, я в комнате девочек. Утром под подушками мы обнаружили шоколадки в виде серебряных раковин с вкусной белой начинкой. На другой день мы много играли и в доме, и на дворе. У девочек было очень много игрушек, кукол и кукольной мебели, мы устраивали кукольные комнаты, каждая из нас отдельно. Я хорошо

запомнила, моя комната была самой уютной, хотя кукольной мебели мне они выделили меньше, чем себе. Мне было всё интересно, тем более, что я до сих пор в куклы не играла, и кукол у меня дома не было. В куклы я стала играть позже, лет с восьми, и тогда папа заказал для меня у столяра двухкомнатный кукольный дом. Размеры его были 0,7 м на 1,5 м и на 0,5 м. Он был без крыши и передней стены и в нем были большая жилая комната с двумя окнами и поменьше – кухня с настоящей плитой, тоже с окном. Мебель мы с папой покупали специально для этого дома: трюмо, кровать, туалет, гардероб, кушетка, диван. Посреди комнаты стоял стол и четыре кресла. Из комнаты был проём в кухню, а там буфет с посудой и кухонная мебель. Но всё это было позже, а сейчас – 1935 год, и мы в Павловске, который очаровал меня и стал навсегда моим любимым пригородом Ленинграда. Эта любовь к Павловску впоследствии передалась и моей будущей семье.

С появлением новой семьи в нашей квартире, семьи Семёновых, меняется и моя жизнь. Девочка Женя, старше меня годом, становится моей подружкой, и ещё девочка со двора – Люся – часто бывает у нас в доме. Произошла как бы некоторая демократизация моей жизни. Мы бегаем и играем во дворе одни, без моей няни, которая, может быть, и следит за нами из окна, а может быть, и нет. Под нами на втором этаже живёт тоже профессорская дочка, Ляля Холодецкая, ей с нами, видимо, играть во дворе не разрешают, она иногда выходит погулять с немецкой овчаркой. Когда мы её спрашиваем, почему она не играет с нами, она ссылается на то, что у неё непорядки с сердцем. Не знаю, может, это и было правдой, но как-то не верилось, уж больно она была «тонная». У Жени и Тамары мама умерла, мне их жалко. Мне их ещё жалко и потому, что их четверо, а уютятся они в одной комнате. Летом они уезжают в свою родную деревню Ануфриево, Вологодской области, Белозерского района. У их дедушки и бабушки там был свой дом, но их раскулачили, а дом забрали под магазин, теперь бабушка Анна Михайловна живет здесь у нас, то есть в нашей квартире, с сыном и внучками, а дедушка Дмитрий Дмитриевич – у своей дочери с внуком Юрой. Когда они летом едут в деревню, то снимают какое нибудь зимнее помещение у деревенских.

Деревня Ануфриево ещё много раз будет упомянута в моих воспоминаниях.

А сейчас папа, я и Таня Белик готовимся к большому событию: поедем поездом до Рыбинска, затем поплывём по Волге в Саратов к маме. Мама в деревне Агафоновке под Саратовым сняла на лето для нас дачу. Мне в мае исполнилось уже 6 лет, и я очень хорошо помню это замечательное путешествие. Из Рыбинска мы плыли до Горького в трёхместной каюте, а затем пересели на очень красивый пароход. У нас с Таней Белик была двухместная каюта, а у папы одноместная. Помню, мне было очень весело бежать по длинной палубе, чтобы на противоположном конце её упасть в папины объятия. Кушали мы в красивом ресторане и выходили гулять на берег во время остановок парохода в городах. Когда наш пароход подплывал к Саратову, на берегу стояло много встречающих. Среди них стояла моя мама. Но сколько мне папа на палубе ни показывал на маму, стоящую на берегу, я не могла её отличить от других женщин, стоящих там же. Я и раньше – то редко её видела, разве что по праздникам, а в последнюю зиму 1935 года и вовсе не видела, так как перед ссылкой была ещё тюрьма. Немудрено в таком малолетнем возрасте, после разлуки, не узнать собственную мать!

Итак, мы в Саратове. Поселились в деревне Агафоновке, у нас две комнаты, большая столовая и спальня поменьше. В спальне спим папа, мама и я, в столовой – Таня Белик. Ко времени нашего приезда у мамы уже образовался круг знакомых. Это Фёдор Иванович Астраханов и его жена Александра Михайловна. Фёдор Иванович – известный в Саратове практикующий врач, жена его – с крутым характером, из семьи саратовских купцов. Это профессор Лукьяненко с женой-художницей Татьяной Андреевной. Это профессор Давид с женой и дочерью, у которого мама работает. Это дорогая Нюра Желвакова с мужем Васей, самые близкие друзья, приютившие маму в чужом городе.

У нас часто гости, Татьяна Андреевна пишет папин портрет. Пишет второй! Первый неудачный, как будто папа сосёт конфету. Да и какая она художница – любительница! Просто папа ей нравится, впрочем, как и всем женщинам вообще, и она готова к нам ездить в деревню хоть каждый день, лишь бы папа

позировал ей и общался с ней. Вообще-то все над нею подсмеиваются, уж очень у неё легкомысленные платья и большие декольте. По вечерам ходим гулять в степь, мне нравится гулять в степи, она какая-то бескрайняя, и облака над ней красивые. Я думаю: где же живёт Бог, наверное, на этих облаках. Маня говорила, что в день моего ангела, то есть в Татьянин день, ангел следует за мной по пятам. Помню, я тогда всё время оборачивалась, только ангела за собой я не заметила. Наверное, Бог и ангелы невидимые, наверное, так бывает. Я бы спросила папу, да неудобно, он разговаривает с гостями, а перебивать взрослых нельзя, невоспитанно. Маму спрашивать бесполезно, она в этих делах не разбирается.

Часто по возвращении домой, напротив, в доме через дорогу, слышатся крики, выскакивает растрёпанная женщина и ругается на всю улицу, говорят, что она сумасшедшая. Бедная, жалко её, и особенно жалко её мужа, как ему, наверное, тяжело с ней. Могла ли я тогда подумать, что нечто похожее случится и в моей семье...

С Агафоновкой связано ещё одно воспоминание. Это было сразу же по приезде. Проснувшись ночью, я увидела, что папа стоит перед мамой на коленях и просит прощения. Я тут же уснула снова, но воспоминание осталось. Интересно, за что же он просил прощения у мамы, в чём он мог провиниться, мой милый, мой самый лучший папа в мире. Потом, из маминых рассказов о папе, я поняла, что этот случай был связан с нашей с папой поездкой в Павловск. Грешен был мой дорогой папа, но при этом всегда был честен и правдив! Мог бы и скрыть что-то, но это был бы не он! Заканчивалось лето, а с ним и наше пребывание в Агафоновке, в Саратове. Наверное, Тане Белик там было скучновато, я как-то раз видела её плачущей на крылечке. Я не думаю, что моя умная мама взгромозила на неё всю хозяйственную сторону жизни, наверное, и хозяйка дома тоже помогала, ведь всегда был народ, всегда были гости. Как-то мы с мамой встретили Таню у дома, она шла в гости в чёрном платье, мама вернула её и заставила переодеться в розовое платье. Ей в ту пору было 26 лет, она только что разошлась с мужем, наверное, у неё была причина быть невесёлой...

И, чтобы окончательно покончить с Агафоновкой, ещё одно

воспоминание: я простудилась и заболела, почему-то говорили о малярии. Мне стали давать хину, как известно, это очень горькое лекарство. Его впихивали в мармелад, но я безошибочно выбирала мармеладку, в которой хины не было. Наконец, мне насильно впихнули хину в рот и заставили проглотить. Это было первое насилие, нянькины шлёпанья я всерьёз не принимала. Уезжали мы из Саратова на поезде, подробностей не помню. Помню только, что по приезде в Ленинград садились, выйдя из вокзала, на трамвай, который нас долго вёз по Невскому проспекту на Васильевский остров. Странно, что Москва не оставила никаких впечатлений. Скорей всего, мы вечером переехали с одного вокзала на другой, поэтому Москва в памяти не отпечаталась.

Осень и зима 1935-1936 гг. особенно ничем не запомнились. Ходили с Анатолием на каток, с папой в Русский музей, с дядей Павликом Беликовым в Геологический музей, который был неподалёку, на Среднем проспекте. По прежнему, занималась в группе французского языка с Гогой Каролем, Севой и Валей Бианки. Может быть, к этому времени начала играть в куклы, их было две – Оля и Ира (обе Борисовны), имена короткие, чтобы легче и быстрее вышивать метки на кукольных простынях. Таня Белик, к тому времени научила меня вышивать, и вообще, осуществляла женскую сторону моего воспитания. Впоследствии я назвала её своей второй матерью.

В зиму 1935-1936 гг. я менее стала развиваться интеллектуально, меньше читать, мы больше с Женей и Тamarой играли, бегали во дворе с дворовыми ребятами, ссорились, мирились и вообще, я стала меньше ходить на «профессорскую дочку», нежели до сих пор. Няня Маня стала как-то меньше заниматься мной, больше собой, строгая хозяйка отсутствовала, в квартире появился довольно молодой вдовец. Образовалась компания молодых людей: Маня, Павел Димитриевич – Женин и Тамарин папа, Анатолий и Катя. Они часто собирались на кухне, играли в «подкидного дурака», пили чай с тортом «пралинэ», который мне нравился ничуть не меньше, чем дорогие пирожные, которые покупал папа. Торт «пралинэ» они покупали в булочной, которая была в соседнем доме, и стоил он 55 копеек, в то время как пирожное стоило 1 рубль, насколько я помню. Ещё при маме

кошка родила четырёх котят. Мама дала им имена: Синус, Косинус, Тангенс и Котангенс. Позднее, когда я уже училась в школе, и, сидя у папы в кабинете, учила урок по зоологии, а у него в это время был аспирант, я услышала знакомые слова. Я прервала их беседу: «Папа, вы тоже кошек изучаете?» Могла ли я предполагать тогда, что термины: Sin, Cos, Tg, Ctg будут сопровождать меня всю мою жизнь! Так или иначе, после отъезда мамы, у нас остался только чёрненький Синус, который запечатлён на детской фотографии нашей французской группы. По-прежнему были «ёлки», дни рождения, именины, но всё это проходило не так весело и интересно, как при маме. Папа не умел организовывать детские праздники, маминого опыта у него не было. Правда, иногда на мои детские праздники приезжал Вавака на машине, чтобы покатать меня и моих гостей. Это был замечательный подарок! Машину ему давал отец – Николай Николаевич. Машины в те годы в Ленинграде были очень редки, так что можно представить, в каком восторге были я и мои друзья. В это время я подружилась с одним мальчиком из соседнего двора, Изей Рабиновичем. Он жил в первом этаже соседнего дома №42 со своими родителями Александром Исаковичем и Эсфирью Осиповной. Я любила ходить к нему. Он был очень добрый и очень хороший мальчик. У него было много хороших и интересных игрушек, и у них было такое правило: на празднике «ёлки» можно было взять с ёлки любую игрушку. У нас такого правила не было, вероятно потому, что наши ёлочные игрушки были ещё дореволюционные, может быть, ими дорожили, а может быть, в то время и опасно было кому-либо их предлагать. Во всяком случае, я с Изей с удовольствием дружила, он был мой ровесник, но более «продвинутый» в политическом смысле, собирал посылку с игрушками для испанских детей. У него была двоюродная сестра Деба, которую он очень любил, я даже немного ревновала. «Но ведь она сестра мне!» – говорил он. В его дворе нас дразнили «женихом и невестой», но это нашей дружбе не мешало.

Нижний ряд: Б.И.Извеков, Таня Извекова, Таня Беликова
Верхний ряд: слева – брат «Вавака» (старший брат), Оля Лукьяненко,
А.П.Беликов
1935 г.

Глава 5

«Прошла зима, настало лето, спасибо Сталину за это!» – такая поговорка была, но не дай Бог высказать её при жизни тирана. 10 лет – как минимум!

Но зима 1935–1936 гг. действительно прошла, и мы с Маней на этот раз собираемся к маме в Саратов пораньше. На это лето мама сняла дачу на 8-ой дачной остановке под Саратовым у сторожа. Его дом стоял первым от трамвайной линии, ведущей к 9, 10, 11, 12-ым дачным остановкам. Хозяин и хозяйка были поляками, и, как все поляки, были религиозны, так что все религиозные праздники ими соблюдались строго. Даже меня, помню, нарядили в белое платье, надели на голову венок, повезли в Саратовский костёл, и я должна была вместе с другими девочками подбрасывать цветы под ноги епископу. Для мамы это был театр, как впрочем, и всякая другая религия, а папы, поборника православия, в Саратове, по-видимому, не было в то время.

У наших хозяев был приёмный сын Борис, мой ровесник. Фамилия наших хозяев была Турковские. Мы с Борисом подружились, впоследствии он стал художником, членом общества саратовских художников, написал два моих портрета (один из них так и остался неоконченным), они висят в моей спальне после того, как 40 лет пролежали на антресолях в гараже. Мне было 25 лет, когда он писал мои портреты, и мне казалось, что я была красивее, чем он меня изобразил, но по прошествии 40 лет я уже была ими довольна. Ещё у меня висит его подарок – маленькая картинка, масло, стог сена. К сожалению, когда я пишу эти записки, его уже нет в живых, как, впрочем, и многих моих друзей.

В это лето было очень многолюдно на даче. Ведь прошел год после нашего отъезда в прошлом году и, естественно, при мамином общительном характере круг знакомых значительно расширился. Появились новые знакомые Кожевниковы – Евгений Петрович, Алла Григорьевна и их две дочери, Надя и Нина. Нина была моей ровесницей, а Надя была уже взрослой девушкой, я думаю, лет двадцати. Появилась очаровательная девушка –

мамина ученица Валечка Долникова, появилась вместе с родителями Лиля Астраханова (Астрахановы – ещё прошлогодние знакомые), которая была значительно старше меня, наверное, года на четыре. С Лилей я дружна до сих пор, она большое влияние оказала на мое филологическое развитие, если бы не она, не был бы моим любимым поэтом Сергей Есенин.

Итак, лето 1936–го года, мы живём на даче в Саратове, на 8-ой дачной остановке. Это было весёлое лето, всегда много народа, впрочем, где мама, там всегда люди.

В отпуск сюда приехали братья с Анатолием и папа. Как мама сумела организовать быт, диву даюсь! Ведь сама она в своей жизни ни одного обеда не сварила, ни одной пелёнки не выстирала, при четырёх-то детях! Так или иначе, было весело, молодежь крутила романы, папа, как всегда, страдал от нашествия народа и ходил со мной гулять по окрестностям, рассказывая мне обо всём, читая стихи Пушкина и Лермонтова, которые он очень любил и знал многое наизусть. Мы поднимались на «лысую» гору. Она так называлась потому, что при подъеме были перелески, а на самом верху она была голая. Оттуда открывался замечательный вид уже на 9-ую дачную остановку, всё внизу казалось игрушечным: маленький трамвай, маленькие домики, крошечные люди.

Мне всегда нравилась высота, «в детстве» папа часто меня ставил на каминную полку, и как же это было интересно смотреть сверху в папином кабинете на картины, мебель и на самого папу, стоящего внизу, страхующего меня. На «лысую» гору забирались обыкновенно мы с папой вдвоём, молодежь веселилась сама по себе. Саратовские девушки без ума были от моих холостых красавцев братьев: Валечка, по–моему, влюбилась в Алёшу, а Ваваку одолевала Надя Кожевникова, но безуспешно. Родители Нади и Нины Кожевниковых, зная, что на лето приедут сюда столичные женихи, специально сняли на 6-ой дачной дачу. Надя была уже «на выданье» и всё время норовила, что бы Вавака провожал её домой, а Вавака либо Анатолия посылал её провожать, либо провожал её с Валечкой Долниковой, и ничего у Нади не получалось. Ещё одно воспоминание, связанное с тем временем. На трамвайной остановке стоит деревянная зелёная будка для ожидающих трамвая, вся исписанная какими-то

словами. Как-то я зашла в эту будку, там сидели мужчины. «Девочка, ты читать умеешь?» – спросил один из них. «Конечно!» – ответила я, и прочла под их громкий хохот всё, чем была исписана будка. Конечно, смысл этих слов я узнала значительно позднее.

Итак, кончилось весёлое лето 1936-го года! Все вернулись домой в Ленинград, кроме мамы, конечно. Надвигался страшный 1937-ой год. И хотя жизнь текла без особых перемен по прежнему руслу, люди старшего поколения чувствовали усиливающуюся напряжённость. Я по-прежнему занималась в группе французского языка, бегала во дворе с ребятами, часто ходила в соседний двор к Изе Рабиновичу (его мама, Эсфирь Осиповна, очень любила, когда я приходила к ним; дело в том, что Изя плохо ел, а у меня был всегда завидный аппетит и, глядя на меня, он съедал больше, чем обычно). По-прежнему мы с папой часто ходили в Русский Музей, я стала играть в куклы в кукольном доме, обставленном мебелью, папа учил меня, как надо расставлять мебель в кукольном доме, чтобы было красиво и уютно. Эти советы мне пригодились и в дальнейшем, в моей взрослой жизни. Мои куклы, Оля и Ира, обе были по отчеству Борисовны, могла ли я тогда предположить, что имя моего будущего мужа будет тоже «Борис».

Соседка Женя перешла во второй класс, она интересно рассказывала про школу, теперь все игры были про школу, она изображала учительницу, а мы с её сестрой Тамарой были учениками. Папа купил и повесил над моей кроватью большую карту мира, два полушария; мир вокруг меня расширился, и появилась мечта – побывать в разных странах. Но во всех странах разные языки, как же общаться с разными людьми? Хорошо бы люди всего мира придумали один общий язык!

Папа показывал на точку земли в правом полушарии и говорил: здесь в стране Италия самый красивый город на земле – Венеция. Бедный папа, он никогда этого города не увидел! Да и не только он, даже Пушкин не смог осуществить свою мечту – побывать в Италии. А я, простой человек, ничего из себя не представляющий в общественном смысле, была почти во всех странах Европы и даже на других континентах!

С мамой я проживу до 1968 года, а папина жизнь оборвётся в блокаду 1942 г., поэтому я еще расскажу о папе.

Т.Извекова 1936 г.

Глава 6

Лучше всего, если я приведу выдержку из книги академика П. Я. Кочиной «Николай Евграфович Кочин» (стр. 54, статья «Сотрудники ГГО»):

«Первыми сотрудниками А. А. Фридмана были Я. Д. Тамаркин, Б. И. Извеков, потом Н. Е. Кочин. Одним из первых сотрудников Математического бюро был Борис Иванович Извеков. С самого поступления он начал заниматься исследованием условий динамической возможности движения вязкой жидкости, потом стал также рассматривать вопросы турбулентности атмосферы и задачу о превращениях лучистой энергии. Он был редактором нескольких книг, в том числе вместе с Кочиным двухтомной «Динамической метеорологии», причём написал в ней четыре главы. Б. И. Извеков составлял статьи для Большой Советской Энциклопедии, совместно с А. А. Фридманом и Е. И. Тихомировым он написал большую статью «Атмосфера».

Борис Иванович родился в Калуге, окончил Калужскую гимназию с золотой медалью, физико-математический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени. Сразу по окончании университета, в 1914 г., был призван на военную службу, которую проходил в тяжелой артиллерии в младших офицерских чинах сначала в Петрограде и Пскове, а потом на фронте под Ригой и Двинском. В 1916 г. он окончил автомобильную школу Северного фронта и до конца военной службы заведовал автомобильным парком 59-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В этой должности он оставался и после Октябрьской революции, в качестве выборного командира.

Осенью 1916-г. Б. И. Извеков поступил на службу в Павловскую (некоторое время она называлась Слуцкой) магнитно-метеорологическую обсерваторию, помещавшуюся в г. Павловске под Ленинградом. Там он работал в 1913 г., еще студентом, в качестве практиканта по земному магнетизму.

В 1920 г. Б. И. Извеков перешел в Главную физическую обсерваторию, в отдел климатологии, а в следующем году перевёлся в отдел Фридмана.

Как было принято среди математиков того времени, Б. И.

Извеков много преподавал: в 1919 г. в Военной воздухоплавательной школе, затем в Морском инженерном училище, некоторое время в Политехническом институте. Длительное время он был профессором Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова-Ленина. Он состоял на кафедре математики, которой руководил профессор Н. С. Кошляков. Состав кафедры был исключительно хорошим, в частности некоторое время ассистентами в неё входили ставшие потом известными академиками С. Л. Соболев и С. А. Христианович.

В 30-х годах Б.И.Извеков читал курсы гидродинамики и динамической метеорологии в Ленинградском университете на геофизическом цикле. Курсы по тем же специальностям он читал в Морской академии на гидрографическом факультете; кроме того, он вел специальный курс математики для аспирантов (адъюнктов). В ГГО он читал лекции по математике в группе рабочей аспирантуры.

Б. И. Извеков занимался общественной деятельностью, он был депутатом Ленинградского Совета депутатов трудящихся XVIII созыва, с 1931 по 1934 гг.

Он ездил в заграничные командировки: в 1925 г. на три месяца в Норвегию, к профессору В. Бьеркнесу (который в эти годы жил уже не в Лейпциге, а на родине, в Норвегии), и в 1928 г. на два месяца в Германию (во Франкфурт-на-Майне), в Геофизический институт, которым руководил профессор Г. Штюве.

Борис Иванович был большим библиофилом. Его можно было встретить у полок книжных магазинов, часто – в магазине старой книги на Литейном проспекте.

Его интересовали математика и литература, история и искусство. В его квартире все стены в комнатах, включая переднюю, были увешаны картинами. Здесь блистали Дубовской и Остроумова-Лебедева, Коровин и А. Васнецов, В. Маковский и З. Серебрякова. Со многими художниками он поддерживал знакомство».

На 55-ой странице папин портрет того времени. Конечно, я похожа была на отца: те же глаза, те же брови, тот же нос, рисунок его губ не виден под усами. Но это было раньше, к старости я стала

больше походить на маму.

Поскольку я уже отвлеклась от основной темы моего повествования, хочу передать ещё некоторые сведения о моём деде, Александре Яковлевиче Пассовере, и сделаю это, также ссылаясь на напечатанные источники.

Во время вёрстки этой книги в мои руки попала книга М. Г. Штейна «Ульяновы и Ленины» (семейные тайны), издательский дом «Нева», Санкт-Петербург, 2005 г., из которой наряду с полной информацией об истинной родословной В. И. Ленина (о которой ранее умалчивали), я узнала новые подробности, до сих пор мне неизвестные, о моём выдающемся деде А. Я. Пассовере. Оказывается, А. Я. Пассовер должен был защищать на суде А. И. Ульянова, родного брата В. И. Ленина. 18-летний А. Ульянов, как известно, был приговорён к смертной казни за покушение на жизнь царя Александра III. Согласие А. Я. Пассовера на защиту было получено по просьбе матери, М. А. Ульяновой, после её свидания с сыном, заключённым в Петропавловской крепости. Это свидание было лично разрешено Александром III. Судя по изложенному в этой книге, письма родственников, сообщающих о согласии А. Я. Пассовера на защиту, до А. Ульянова не дошли. И не дошли не случайно. Власть опасалась адвоката А. Я. Пассовера. Ведь если последний дал согласие на защиту, значит, он надеялся спасти 18-летнего юношу от смертной казни. Привожу цитату из книги М. Г. Штейна (стр.302): «Нет сомнения в том, что А. Ульянов согласился бы с кандидатурой А. Я. Пассовера в качестве своего защитника. Тем более, что именно на А. Я. Пассовере как адвокате остановилась М. А. Ульянова. А. Ульянов не мог не знать, что А. Я. Пассовер был одним из лучших судебных ораторов своего времени, который был известен не только в России, но и за её пределами. Он умел разбираться в самых сложных делах (политических, уголовных, гражданских), проявляя при этом удивительную глубину и тонкость анализа, неотразимую силу логики в сочетании с остроумием, красотой и изяществом речи. С ним советовались известные адвокаты Петербурга и России, судьи и сенаторы. В основу многих руководящих решений Кассационного сената были положены идеи, высказываемые А. Я. Пассовером. Многие правительственные учреждения, земства, города России считали за честь, если А.Я. Пассовер соглашался

защищать их интересы. Его речи в суде были обращены к уму и сердцу присяжных заседателей и судей. В этом заключался секрет А. Я. Пассовера-защитника.

Скорее всего это было причиной, по которой кандидатура А. Я. Пассовера в качестве защитника не устраивала П. А. Дейера, председательствующего на суде, и он порекомендовал жандармам не передавать письмо адресату (П. А. Дейер – Первоприсутствующий Особого присутствия прави-тельствующего Сената).

Положение А.Ульянова было сложным. А. Ульянов был, видимо, уверен в том, что адвокат будет убеждать его в необходимости хотя бы сделать вид искреннего раскаяния в содеянном ради спасения своей жизни и умолять о пощаде. Это А. Ульянова не устраивало. О том, что А. Я. Пассовер, избранный близкими людьми в качестве адвоката, не заставит его поступаться своей совестью, А. Ульянов не знал, так как письма не получил. Именно поэтому А. Ульянов решил себя защищать сам. Самозащита А. Ульянова на процессе устраивала П. А. Дейера, так как он сделал всё от него зависящее, чтобы публично не состязаться с А. Я. Пассовером в ходе судебного заседания. П. А. Дейер боялся потерпеть моральное поражение на глазах членов Государственного совета, сенаторов, министров и их заместителей, высших чинов полиции и жандармерии, присутствовавших на процессе в качестве приглашенных. Это могло привести к концу его карьеры. Поэтому он шел на нарушение этических норм».

На суде А.Ульянов открыто продемонстрировал свои взгляды, свою позицию. 19 апреля (1 мая) 1887 года был объявлен смертный приговор. 8 (20) мая 1887 года приговор в отношении А.Ульянова был приведён в исполнение.

Кто знает, как развернулись бы события дальше, если бы защита А. Я. Пассовером состоялась, и не было бы казни? Все мы знаем со школьной скамьи знаменитые слова Ленина, сказанные после казни брата: «Мы пойдём другим путём!» Может быть, никакого другого пути, который мы преодолевали 70 лет, и не было бы вообще!.. Но история не терпит сослагательного наклонения (если бы, да кабы). Во всяком случае, приведённый исторический факт характеризует моего деда как весьма востребованного адвоката.

И ещё из напечатанного источника:

М.М. Винаверъ.

НЕДАВНЕЕ

(воспоминания и характеристики).

Петроградъ.

1917.

Александръ Яковлевичъ Пассоверъ стр.101

(воспоминания и впечатления)

(1913).

Невысокая, худощавая фигура, съ продолговатымъ лицом, короткими, жесткими волосами, съ неправильнымъ очертаниемъ рта, съ кожею какой-то особенной прозрачности, белою, розовеющею въ моментъ возбуждения, желтою и мертвенною во время покоя, глаза большие, серые, глубокие, съ холодным, стальнымъ блескомъ, смежающиеся какъ разъ настолько, чтобы не показать изъ души больше, чемъ хотелось ихъ хозяину. А показать хозяину хотелось такъ мало. И за всю долгую жизнь его, едва ли кто-либо много въ нихъ вычиталь, – въ этихъ невесёлыхъ, своеобразно-красивых, серыхъ, холодныхъ глазахъ.

Онъ сошелъ въ могилу, неузнанный, неразгаданный никемъ; едва ли и будетъ когда-либо разгаданъ. Дисциплина воли, всё преобладающая, отдана была всю жизнь на служение горделивой замкнутости, сознательно не желавшей допускать никого въ святая святыхъ....

Einsiedler по природе, он былъ слишкомъ умёнъ, да и слишкомъ поздно родился на светъ Божий, для того, чтобы «удалиться въ пустыню» или просто повернуться къ миру спиною, – чтобы не видеть необходимости прокладывать себе дорогу въ условияхъ современного общежития. Но онъ прокладывал её по возможности въ сторонке, отдавая СЕБЯ въ минимальной дозе и не стремясь брать отъ общественности больше самой скромной пропорции. Дружба, интимность – какъ мы ихъ понимаемъ – были ему какъ бы отъ природы чужды. Не могу себе представить у Пассовера проявлений ласки и вообще внешней близости; онъ и руку подавал вне дома не иначе какъ въ перчатке. Когда кто-то на его юбилее изъ молодыхъ поклонниковъ бросился целовать его, на

лице Пассовера изобразилось нечто вроде нелюди́мага ужаса, голова подалась назадъ, и поцелуй повисъ на воротнике пиджака... Семьи онъ не завёл... Это не былъ, конечно, аскетизм – отнюдь нетъ, а стихийное отвращение отъ затягивания около себя узла, хотя бы въ виде самой маленькой, самой нежной общественной ячейки...

Во внешнем обиходе Пассоверъ былъ привержень ко всему английскому: пиджакъ английского покроя (въ сюртуке едва ли кто-либо его виделъ), жилетъ съ особыми отворотами; летомъ всегда безъ пальто, зимою въ самой лёгонькой барашковой шубке, не доходившей до коленъ; никогда палки въ рукахъ; на ногахъ одни толстые штиблеты безъ галошъ, хотя бы на дворе стояли самые лютые морозы. Очень много моциона – длиннейшие прогулки пешкомъ, а летомъ странствования по морямъ въ неведомыхъ никому направленияхъ. Было у него и много личныхъ связей съ Англией; говорили даже одно время, что онъ состоитъ адвокатомъ и въ Лондоне. Несомненно, во всякомъ случае, что онъ живаль въ Англии подолгу и заимствовалъ оттуда не только внешние навыки, но и общие культурные приёмы, свойственные джентльмену: строгую пунктуальность, неуклонную точность въ исполнении разъ принятыхъ на себя обязанностей... Можно думать, что английские влияния оставили следъ не на одной только его внешности и не въ одной только формальной исправности находили своё выражение. Влияние это шло глубже. Ему импонироваль и английский складъ мышления – трезвая деловитость, покоющаяся на уважении къ позитивному, къ факту, какъ таковому – импонироваль, несмотря на то, что глубоко былъ несроденъ основнымъ, самымъ сильнымъ элементамъ его ума...

Совершенно особое место в жизни и деятельности Пассовера занимаетъ отношение его къ конференции помощниковъ. Это было единственное дело съ оттенкомъ общественности, съ которымъ онъ связаль себя прочно и съ которымъ не разставался до смерти. Эта связь шла всё черезъ ту же умственную сферу, въ которой лежали все его истинные жизненные интересы: самое «дело» состояло въ общении мыслью...

Праздникъ мысли, особенный праздникъ – ЕГО праздникъ.»

Статья о А. Я. Пассовере кончается на 147-ой странице этой

книги, понятно, что я выбрала только некоторые места из 46 страниц воспоминаний о нём.

Еще несколько штрихов к портрету моего деда из воспоминаний юриста Корабчевского:

«В среде, где блистали Спасович, Герард, Потехин, Пассовер, Жуковский, Андреевский, раз зашла речь о русском еврействе, невольно в моей памяти воскресает светлый образ такого «русского еврея» как А. Я. Пассовера, страстно любившего Россию, её быт, её литературу. С предусмотрительной терпимостью он прощал ей её временные недочёты и твёрдо верил в мирный рассвет её светлого будущего. Он считал большой ошибкой со стороны самодержцев не дать всем своим подданным основных устоев равенства, широкой образованности и законности, что могло бы сразу изменить группировку революционных настроений империи. Поляки, финны, евреи благодаря своей жизненной закалённости, по его мнению, могли явиться гораздо более надёжной стеной против крайних революционных партий, нежели сами русские, вообще органически туго понимающие и воспринимающие культурность дисциплины. Он восторгался Герардом, который в 1904-1906 г. сумел в короткий срок добиться без диких репрессий умиротворения края. Деятельность революционных запевал в наших трёх государственных думах находила себе вполне отрицательную оценку у А. Пассовера. О Винавере он иначе не выражался, как о «хитроумном гомункулюсе», считая вообще всю партию кадетов «головастиками», совершенно не понимающими и не знающими России и её интересов. Накрахмаленный англоман Набоков «попал пальцем в небо» за фразу: « да подчинится власть исполнительная власти законодательной!». С. А. Муромцев требовал, чтобы придворная карета в Царском Селе подавалась ему, как представителю народа, но он не вызвал в нашей беседе с Александром восторга.

Я заметил Пассоверу, (он был отличный ходок): «Вы, Ася, наверное, пошли бы во дворец пешком?», на что он ответил: « А Вы думаете, что это не было бы куда эффектнее, нежели настойчиво и дерзостно выпрашивать милостину...»

И ещё из книги Винавера.

«В те годы, когда мне пришлось впервые вступить «в придель к храму судебных установлений», как Пассовер

любилъ называть кабинетъ Потехина, наиболее частыми заседателями за продолговатымъ столомъ были кроме хозяина, Пассоверъ и Люстихъ..... Вотъ уже пять летъ, какъ «придел» сталъ пустеть. Первымъ ушелъ наиболее своеобразный и наиболее частый посетитель – исчезъ худой человекъ, съ барашковой шапкой в руке, угловатую походкою сюда входивший, съ опущенною головою и мертвеннымъ лицомъ слушавший, раскидывавший затемъ обворожительные фейерверки речи, остроумной, находчивой, язвительной, и, стремительно схватив шапку, съ последнимъ словомъ срывавшийся съ места и вылетавший въ дверь, точно гонимый кем-то.

...Умер Пассоверъ...»

На этомъ кончаются все сведения, собранные мной о моёмъ выдающемся предке Александре Яковлевиче Пассовере.

Извеков Б.И., 1925

Извеков Б.И., 1916

Глава 7

Лето 1937 года, в отличие от предыдущего лета, было неинтересным и тревожным. Мама и на этот раз сняла дачу на 8-ой дачной остановке. Никаких особенных впечатлений это лето не оставило. По-моему, папа вообще в это лето в Саратов не приезжал, мама все дни проводила на работе. Как-то рано все с дачи разъехались, и мы остались одни. Почему-то в этот раз мы не спешили в Ленинград, и к 1-ому сентября мы ещё жили на даче. Может быть, моей маме захотелось побыть лишнее время со мной, может, были другие причины, не знаю. Так или иначе, она стала меня учить арифметике. Через какое-то время она решила отдать меня в школу, ведь в мае мне исполнилось уже 8 лет. Я помню, как она повезла меня на 5-ую дачную, там была школа. Меня посадили сразу в 3-ий класс. Всё бы ничего, но там спрашивали, сколько будет «семью восемь», а я знала таблицу умножения только до 50. Я с рёвом выскочила из класса, тогда меня пересадили во второй. Но в школе мне, по-видимому, делать было нечего, да и с дачи пора было съезжать, мы переехали в город. Дальше события развивались так: Маня уехала в Ленинград, наверное, так было нужно, уехала без меня, оставив меня с мамой. Мама в Саратове сняла на улице Мичуринской подвальное помещение, в котором мы с ней поселились. Сейчас я думаю, что мама боялась, что папу могут арестовать (начались репрессии 1937-го года), а меня могут отправить в детский дом. Она вообще очень боялась за папу, ведь он был сын священника, а таких забирали в первую очередь. Очень страшно жить было в то время! Черный «воронок» появлялся то здесь, то там. Уже в наш дворик приезжал «черный воронок» и забрал родителей мальчика Кима и его сестры Октябрины. За ними должны были приехать, чтобы забрать их в детдом, но что-то не приехали, и они ходили на базар продавать стул, чтобы купить что-нибудь поесть.

Как-то раз – был уже вечер – и я с ними и другими ребятами играла во дворе, когда с работы пришла мама. «Собирайся скорее, пойдешь ночевать к Вале Долниковой», – сказала она. «Я сказала не пойду – значит, не пойду!» – отпарировала я.

Моя мама спустила с меня штаны и при всём честном народе отшлёпала меня. Мне было ужасно стыдно не за то, что она

отшлёпала меня, а за то, что она сделала это, спустив с меня штаны при моих товарищах. Так или иначе, такого оборота речи – «я сказала не пойду – значит, не пойду!» – я за всю свою дальнейшую жизнь ни разу не произнесла.

Мама отвела меня ночевать к Валечке Долниковой, как будто «в воду глядела». Ночью меня Валя подняла с кровати, в прихожей стояла мама между двумя незнакомыми мужчинами. Она была арестована. Как ей удалось договориться на чёрном воронке заехать к Валечке, я не знаю, и очень себя корю за то, что никогда не спросила её о том, времени было предостаточно. Наверное, сказала, что с дочкой надо проститься, поэтому меня и подняли с постели для доказательства, но на самом деле, ей надо было передать своей студентке Валечке, чтобы Александра Михайловна Астраханова отвезла меня к отцу в Ленинград, что и было сделано.

Умница мама! Спасла меня от детдома, папа никогда бы меня не вызволил оттуда, ведь брак у них не был зарегистрирован.

Помню, как мы с Александрой Михайловной ехали в поезде из Саратова в Москву, и я обыграла соседа по купе 8 раз подряд в «подкидного дурака». В поезде из Москвы в Ленинград Александра Михайловна старалась почаще смотреть в окно, видно было, что дорога была ей мало знакома, и она не без удовольствия едет в Ленинград.

В Ленинграде нас встречал папа.

Из рассказа Александры Михайловны, переданного мне Лилей, её дочерью:

«В Ленинграде нас с Танюшкой встречал Борис Иванович. Этот статный красавец-мужчина плакал, обнимая своё сокровище». Да, всё могло сложиться по-другому.

Видно, меня прятали в Саратове, боясь, что при аресте папы я попаду в детдом. Мама, должно быть, считала, что раз она уже в ссылке, то её не тронут. Не тут-то было! Слава Богу, папа 37-ой год проскочил. Спасибо моей судьбе, спасибо Богу, который хранил и хранит меня до сих пор, что мои родители пострадали от советской власти не одновременно, а «по очереди». Это была осень 37-го года, это была страшная осень для всей интеллигенции вообще, а для ленинградской в особенности.

Мама после ареста сидела в саратовской тюрьме, затем её посадили в лагерь под Нижним Новгородом, в котором она провела более двух лет. Впоследствии, когда был напечатан рассказ Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича», мама

говорила, что на самом деле всё было гораздо тяжелее, вероятно, Солженицыну не разрешили написать всю правду до конца. Вернулась она в Ленинград только в апреле 1940 года, сначала тайком на один день, так как её освободили из лагеря без права жительства в Москве и Ленинграде. И только спустя некоторое время, после папиных и Н. Н. Костарёва хлопот в Москве, ей разрешили прописку в Ленинграде. В 1940 году мама получала новый паспорт. В старом паспорте было – русская дворянка, рождённая в Лондоне. Так как папа считал, что все мамины беды проистекают от такого паспорта, будучи сам (по дворянской традиции) немного антисемитом, умолил маму в новом паспорте записаться еврейкой, что мама и сделала. По получении мамой нового паспорта они, наконец, зарегистрировали свой брак в 1940 году, когда мне минуло 11 лет.

Мамины беды с еврейским паспортом не закончились: в 50-ых годах во время «космополитизма» её как еврейку уволили из Саратовского университета, но всё это было потом, а сейчас осень и зима 1937-1938 года, и папа в октябре ведёт меня в школу. Школа № 6 находится на 8-ой линии Васильевского Острова, ближе к Большому проспекту, а мы живём на 11-ой линии между Средним и Малым проспектами. Нужно перейти две трамвайных линии, чтобы добраться до школы.

Не знаю, может быть, ближе школы не было, может быть оттого, что мои братья ходили в эту школу, да и соседка Женя училась там же, папа повёл меня туда. Мы пришли в школу утром, но звонок уже прозвонил, и в учительской была одна, задержавшаяся учительница. Это была Антонина Николаевна Таппо, она забрала меня в свой класс, 2-ой «В». В классе ребята встали, приветствуя учительницу, а она, подведя меня к доске и дав мел мне в руки, велела написать фразу «мальчик пошел гулять». Я написала правильно, она меня похвалила и сказала, что я поступила во второй класс и буду учиться здесь. Я была посажена за четвёртую парту в среднем ряду с девочкой Олесей Минаковой, которая стала моей подружкой в течение четырёх довоенных лет. Второй моей подругой по школе была председатель класса Наташа Хлебникова.

Мама мне в Саратове заготовила нарядные с прошивками белые фартуки, и я в них ходила в школу, пока мне не вылили чернила из чернильницы на белый фартук. Потом, стала носить чёрные, как все остальные девочки. В школе самым любимым

делом было беганье после уроков по залам и коридорам с Олесей, пока за мной не приходила Маня. Ещё любили обмениваться фантиками и картинками, сам процесс учёбы как-то не запомнился. Однажды уроки кончились раньше обычного, и Наташа Хлебникова проводила меня домой и строго выговорила папе, что я должна ходить в школу без провожатых; папа, скрепя сердце, наполовину подчинился.

Теперь утром, когда темно, меня в школу провожала Маня, а обратно из школы я шла самостоятельно (строгая была у нас председатель класса!). После школы, придя домой, мы обменивались школьными впечатлениями с подружкой-соседкой Женей, которая была классом старше. Одной из папиных работ была Военно-Морская Академия им. Ворошилова, он там заведывал кафедрой математики, хоть и был штатским человеком. Эта Академия находилась на 11-ой линии возле Большого проспекта. Папа иногда водил меня туда, помню, там в столовой всегда был вкусный клюквенный кисель. Папу всегда все очень уважали и любили, и я хорошо помню, как эта доброжелательность его коллег и курсантов распространялась и на меня, маленькую девочку, так похожую на него. Его коллеги ничего не знали о маме, наверное, считали, что он вдовец, и поэтому папе приходилось не раз отбиваться от всяких сватовств.

Однажды, зайдя к нему в кабинет, я увидела его гостей: это были морской офицер и с ним две дамы – одна постарше (видимо, жена), вторая, расфранчённая и красивая, сказала: «Борис Иванович, ребёнку пора спать!», на что папа ответил, обнимая меня за плечи: «Этому ребёнку можно всё, что он захочет!». Больше этих людей я никогда не видела. Вообще, создаётся впечатление, что с моим рождением, действительно, главным в его жизни стала я, всё свободное время он старался уделить мне, и, по-моему, все дневные перерывы в работах (а это были ЛГУ – напротив нашего дома на 10-ой линии в здании Бестужевских курсов, Морская Академия и ЛЭТИ) он старался проводить дома, и я каждый раз с радостью бежала в переднюю, услышав его трёхкратный звонок. А уже после того, как он прощался со мной на ночь, начиналась его научная работа, картины, книги.

Глава 8

Итак, весной 1938-года я закончила 2-ой класс. К тому времени папа познакомился с Дмитрием Дмитриевичем Семеновым, дедушкой соседки Жени, и тот нас пригласил на лето в «свою» деревню Ануфриево Белозерского района Вологодской области. С той поры деревня «Ануфриево» плотно вошла в мою жизнь. Я с Маней, Женя и Тамара с бабушкой Анной Михайловной поехали в деревню. Сначала мы ехали поездом до Череповца, а затем по реке Шексне до Гориц, потом переправлялись через Шексну на пароме, и на подводе добирались уже поздно вечером лесом (километров восемь) до Ануфриева. Это воспоминание живо до сих пор ещё и потому, что мужик-возница замечательно пел песню «Шумел камыш, деревья гнулись». Запомнились непонятные по смыслу слова, но красивые: « и не одна трава помята, помята девичья краса». (Смысл этих слов был понят значительно позже, но как это важно – получить первое впечатление при хорошем исполнении). С тех пор для меня это одна из любимых песен, как бы её не опошляли.

И поскольку я коснулась роли искусства в жизни человека, забегу на полгода вперёд и расскажу ещё об одном большом детском впечатлении. Первый раз папа повёл меня в Мариинский театр, когда мне было 9 лет. До этих пор я была только один раз в Саратове в кукольном театре (мама считала, что, поскольку я ребёнок поздних родителей, мою нервную систему надо беречь). И вот я в Мариинском театре, в ложе бенуар, ближайшей к сцене, напротив меня ложа с голубыми занавесями, оторочеными золотыми кистями, жду не дождусь, когда там начнут показывать «Щелкунчика» (сказки Гофмана я давно прочла, так что содержание я знаю, только мне непонятно, что смогут увидеть те дети, которые на той стороне, рядом со «сценой»). И вдруг рядом со мной поднимается громадный железный занавес, которого я даже не заметила. За ним поднимается второй занавес – яркий, цветной, расписанный знаменитым театральным художником Головиным, и рядом, слева от меня, стоит большой

двухэтажный дом, почти в натуральную величину, на втором этаже в окне видна зажжённая ёлка (её хорошо видно, потому что вечер), а внизу проходят тепло укутанные гости и скрываются в подъезде. Последним проходит сгорбленный старичок с сундучком, который и будет показывать кукольное представление со щелкунчиком. Идёт снег, и вдруг стена дома опускается, и на сцене ярко освещённая большая комната с нарядной ёлкой в центре и много нарядных гостей. Я была ошарашена виденным. Потом, во втором акте, танцевала Уланова. Как она танцевала, особенно в последнем акте! А во втором акте, какие были крысы и крысиный король, в человеческий рост! В течение моей длинной жизни я много видела постановок «Щелкунчика», включая постановку Шемякина, но лучше того, что я видела в 1938-ом году, не видела. В антракте папа ушел за кулисы, он лично был знаком с Галиной Улановой. Как я, будучи уже взрослой, жалела, что папа не взял меня с собой за кулисы! Моя душа, душа 9-ти летней девочки, была навсегда покорена искусством этой непревзойдённой балерины. Каким счастьем для меня было бы пожать ей руку, как удалось моему брату Ваваке, тоже девятилетнему, пожать руку академику Павлову. Когда мы с папой вернулись из театра домой, я заявила, что хочу стать тоже балериной, на что мне папа ответил, что в таком случае мне придётся отказаться от моего любимого блюда (котлет с макаронами).

Итак, мы в деревне Ануфриево. Это настоящая северная русская деревня. Подворье состоит из двух домов: летней большой избы и маленькой «зимовки». «Зимовка» может примыкать к «летнему» дому, а может быть его продолжением через хлев. Между избами и хлевом – сени. В конце сеней «туалет». Хлев большой, в нём отдельное помещение для овец. Над хлевом большое помещение, называется «на сарай», в нём стоит небольшой сруб, называется «клеть». В клетки обычно стоят сундуки с добром, она с окошечком, в ней летом спать хорошо. Мы поселились у Ксеши в «зимовке» все впятером. Помню, спали на полу на сенниках, набитых сеном. Подружились с деревенскими девочками.

Очень любили играть в школу, Конечно, мы с Женей были

учительницами и учили грамоте и арифметике деревенских ребят. В Ануфриеве большое красивое озеро, если память мне не изменяет, на карте оно называется «Варбазомским». Мы бегали купаться всей оравой «на заглинку», так называлась окраина деревни, где уже не было домов, а стояли овины и сеновалы. Природа в Ануфриеве замечательная, на озере, говорили, 15 островов, со стороны нашей деревни видны три: «ближний», очень красивый «дальний» и остров «Воздвижения» с разрушенной белою церковью и кладбищем, на котором до сих пор хоронят деревенских. До чего же красиво озеро на закате, когда в зеркальной воде отражаются «кудрявые» острова! По берегам озера расположились деревни: Фетинино, Надкобово, Москвино, село «Здвиженье» (наверное, первоначальное название «Воздвижение»), Кукшево. С другой стороны от нашей деревни, от «заглинки» через залив – малюсенькая деревенька из шести домов «Волочёк», по суше на расстоянии 3 км. Радиально располагались деревни Рогачёво, Павлово, Стёпаново. Наша деревня Ануфриево была центром.

Здесь был сельсовет, почта, здесь был магазин, а через полкилометра в Фетинине были школа (5-ый, 6-ой, 7-ой классы) и клуб в разрушенной церкви. Четырёхклассная школа в нашей деревне стояла возле озера на «главной улице», наверное, такие школы были и в других деревнях, но в последующие классы на Фетинино пешком ходили ребята из всех окрестных деревень (я далеко не все их назвала). На Фетинине рядом со школой стоял дом директора школы. Директор вскоре умер, оставив жену Любовь Ивановну, учительницу русского языка и литературы, с тремя дочерьми. У них были экзотические имена: Земфира, Маргарита и Эмилия (они, как и все деревенские, были, конечно, белобрысыми).

Небольшая площадь была окружена школой, директорским домом, двухэтажным деревянным общежитием для дальних учеников и клубом. На каком-то празднике там были повешены большие четырехугольные качели. Я подошла к ним, когда они не совсем остановились, и сильно ударилась нижней губой. На всю жизнь остался след – маленький желвачок на нижней губе, слава Богу, заметный только мне. Если бы удар пришелся ниже, в кость подбородка, неизвестно, чем бы это кончилось. Помню

только, что меня откинуло, и было много крови. Маня не очень-то за мной смотрела, да и как тут усмотришь за 9-летней девчонкой в деревне!

Мы с Женей ставили в клубе пьесы: «Бим и Бом» и даже «Золушку». Женя играла Золушку в белом с серебряными блёстками платье, а я играла принца в Маниных голубых трико. Лето кончалось, пора было возвращаться домой.

В Ленинград мы возвращались водным путём, через Белое, Онежское и Ладожские озёра. На Ладожском был шторм и наш пароход, получив пробоину, дал течь, и вообще мы заплыли в финские воды (в 1938 году Ладожское озеро было у нас пополам с финнами). Я помню, как капитан парохода командовал нам, пассажирам, переходить на палубе с одного борта на другой. В Ленинграде нас встречал очень обеспокоенный папа, оказывается, об этом случае писали в ленинградских газетах.

Началась ленинградская жизнь, я в третьем классе. Возобновляются уроки французского языка, читаю В. Скотта, подряд все его романы, но понравился и запомнился только «Айвенго». Очарована романом Эберса «Дочь египетского царя», его же роман «Серапис» не понравился, наверное, ещё мала, чтобы понять борьбу язычества с христианством. Папа ведёт меня в оперу на «Сказку о царе Салтане» – я в восторге, затем на «Снегурочку». Хожу с Анатолием на каток, уже неплохо катаюсь. Папа ежемесячно посылает посылки маме в лагерь (вернее, папа собирает, Анатолий отсылает). В классе дружу с Олесей и Наташей и дома с Женей. Продолжается дружба с Изей Рабиновичем из соседнего двора.

Уже 1939-ый год, играем на улице с дворовыми ребятами в «лапту», в «буйный ветер» и в «штандер», а также в «классики» и в «ножички». (Вот и весна на пороге! Сейчас мода на галоши прошла, какое счастье было ходить по улицам без галош, какое счастье сменить зимнюю шубу и капор на весеннюю одежду! Это знают мои ленинградские ровесники). На лето у папы план вести меня на юг, слишком часто я болею простудными заболеваниями. Решено ехать нам с Маней в Анапу. О квартире в Анапе папа заранее договорился со своей знакомой художницей, у которой там собственная дача.

В Анапе впервые я увидела море, мне было 10 лет, я ещё не знала стихов Пушкина «Прощай, свободная стихия!». Я не знала ещё замечательных стихов Тютчева «Как хорошо, ты, о море ночное, здесь лучезарно, там сизо темно; в лунном сиянии словно живое, ходит и дышит и блещет оно!», я не знала ещё проникновенных стихов Надсона «Так вот оно – море! Горит бирюзой, жемчужною пеной сверкает!...», но я увидела настоящее море, не «Девятый вал» или «Бурю», что висят в Русском Музее, не папину замечательную картину Айвазовского, я увидела «живое», замечательно красивое зрелище. В Анапе я научилась плавать, не помню, чтобы в Саратове меня возили на Волгу. В Анапе я переболела корью, лежала в совершенно затемнённой комнате и всё-таки на три дня ослепла. В Анапе научилась раскладывать пасьянс «картинная галерея», который раскладываю и по сей день почти ежедневно.

В середине лета приехал папа, помню, я его встречала на пристани, вероятно, он приплыл из Новороссийска. Мы шли «высоким» берегом, потом спустились, и папа купался. В те времена водопровода в Анапе не было, вода покупалась за деньги, и её надо было носить из определённых пунктов. Пункт был неподалёку, но пока папа был в Анапе, носил воду он. Папа любил гулять со мной по Анапе; мы заходили в погребки, папа пил сухое вино, а мне выбиралась самая лучшая гроздь винограда и тут же в большой машине, похожей на мясорубку, давилась, и мне выдавался замечательный напиток. Ещё мы часто ходили в кондитерскую, там были очень вкусные пирожные с заварным кремом. К началу школьных занятий (я перешла в 4-ый класс) мы вернулись в Ленинград. Анапа пошла мне на пользу, я окрепла и реже стала болеть, поэтому с осени к занятиям французским языком прибавился немецкий. Я ходила заниматься немецким языком в группу на угол Съездовской линии и Среднего проспекта. На 3-ем этаже была квартира трёх сестёр-немок по фамилии Штегеман: Агаты Юльевны, Вильгельмины Юльевны и Елены Юльевны. Занималась в группе Вильгельмины Юльевны. Язык давался мне легко, помогало то, что я имела уже кое-какие навыки во французском языке. Занятия во французской группе продолжались. В школе ничего особенно запоминающегося не происходило.

Зато в нашей квартире случилось ЧП. Катя по секрету призналась тётё Клаве, что она беременна от Анатолия, тётя Клава сказала об этом папе, папа сообщил об этом маме в лагерь. Из лагеря пришла телеграмма: «В 24 часа жениться или вон из нашего дома!». А следующая сцена была при мне, я её хорошо помню. Папа пригласил Анатолия к себе в кабинет, и будучи крайне деликатным человеком, смущаясь, сказал: «Анатолий Александрович, здесь вот телеграмма, касающаяся Вас» и протянул Анатолию телеграмму. Результат был таков: Анатолий и Катя поженились, папа отдал им свою спальню, родился маленький Толик, я и Вавака были крёстными родителями при крещении (крещение происходило в церкви на Смоленском кладбище).

Таня, 1937 г.

Глава 9

Итак, зима 1939-1940 года. Я учусь в 4-ом классе, взрослою, нянчусь со своим крестником Толиком, мне уже 10 лет, я влюбляюсь в учителя русского языка, молодого красавца, каким-то ветром занесённого в нашу школу, в наш класс. Известно, когда женщина влюбляется, она начинает заботиться о своей внешности, тем более девочка. Папа застаёт меня плачущей. «В чём дело?» – спрашивает он. «Я некрасивая!» – хнычу я. Обескураженный папа (для него я самая красавица на свете) идёт к тётке Клаве и Тане Белик спросить их, правда ли, что Танечка некрасивая. Его успокаивают: «из десятка не выкинешь!»

Папе очень жаль меня, после того, как я рассказала о своей влюблённости, он идёт на «великую жертву», говоря: «давай пригласим твоего учителя к нам, и я ему дам книжку почитать» (до сих пор существовал закон: книга из дома не выносится). Вскоре молодой учитель перешел работать в другое место, и моя влюблённость прошла сама собой, тем более, что из октябрят пора было переходить в пионеры, так что не до любви.

Пионерская страда кончилась, в пионеры я принята, даже выбрана звеньевой. В чём заключались обязанности мои, я не помню, школьная жизнь шла своим чередом, домашняя тоже. Надвигались в нашей жизни большие события. Ближе к весне приходит папе телеграмма: «Буду один день. Оля». Папа созывает всех домочадцев – а это дядя Павлик, тётя Клава, Таня Белик, Маня, Анатолий, Катя, показывает им телеграмму, предупреждает о том, чтобы не говорили ничего мне (боится, что это какая-нибудь провокация), а сам срочно едет в Москву выяснять обстановку в соответствующих органах. Дня через два Маня приходит ко мне в школу, меня отпускают с уроков, мы идём домой, она по дороге рассказывает: «Звонок в парадной, мы с Женей одни в квартире, я открываю на цепочку, вижу, стоит шпана в кепке, ватнике, ватных стёганных штанах, в валенках. Я испугалась и закрыла дверь. Опять звонок, я опять открыла на цепочку, только по золотым зубам я узнала твою маму, так она изменилась за те два с половиной года, что я её не видела». Из рассказа Жени: «Она хочет пройти в кабинет, а я её не пускаю,

говорю, сюда нельзя, она мои руки отвела и говорит: « Я пришла к себе домой», и прошла».

Когда мы с Маней пришли домой и я, не раздеваясь, встала у порога в кабинет, то увидела такую картину: мама, сбросив валенки, во всей описанной одежде, в том числе и кепке, лежала на диване и читала английскую книжку. Она ещё не посмотрела на меня, как в этот миг ворвался папа, сбросив в передней шубу на пол (он только что вернулся из Москвы, узнав о том, что маму выпустили из лагеря без права жительства в Москве и Ленинграде), бросился к ней, упав на колени, целовал ей руки, ноги, а она, не шелохнувшись, по-прежнему в кепке, с английской книжкой в руках лежит, и только две слезы покатались на диванный валик.

Мы не видели маму два с половиной года, она всегда была полной женщиной, сейчас это была девочка. Маня раздела её и на руках отнесла в ванную. За всю почти 80-летнюю мамину жизнь, я видела всего два раза слёзы у этой сверхмужественной женщины. Второй раз это было в 1942 году, во время войны, в Ануфриеве, когда она узнала о папином аресте. Это были «злые слезы», она бешено закричала на меня, что я такая-сякая, бездельница и т. д., конечно, причину истерики я узнала значительно позднее.

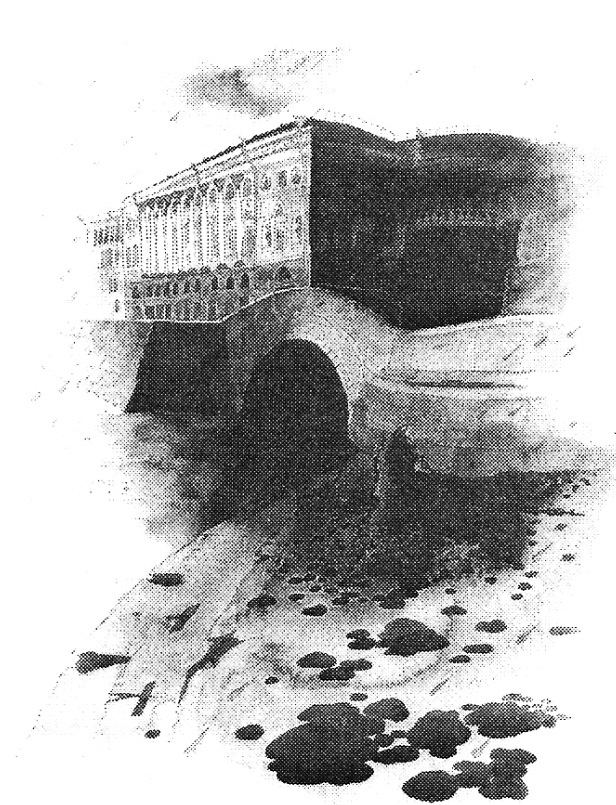
Маму мы проводили на другой же день, она, будучи уже «свободной», поехала в Саратов и в Самару. В Самаре в это время жил мой сводный брат Алёша. Папа же в это время поехал опять в Москву хлопотать в органах о полном освобождении, с правом жить в Москве и Ленинграде. Наверное, через месяц разрешение было получено, и мама возвратилась на постоянное жительство в Ленинград. Предстояло получение нового паспорта и регистрации брака. Папа умолил маму записаться в паспорте еврейкой, считая, что все её беды произошли оттого, что в прежнем паспорте было: дворянка, русская, место рождения – Лондон (другой причины ссылки и лагеря, по его мнению, не было, ведь суда и следствия в 37-ом, как правило, не существовало). Кстати, это обстоятельство дало право маме писать в анкетах, что под судом и следствием никогда не была, что вызывало удивление у тех, кто, знал, что 5 лет маминой жизни украдено (украдено у неё, у папы и у меня). Дай Бог,

чтобы это проклятое сотнями тысяч людей время никогда не повторилось, чтобы ни у кого, никогда не было ярлыка «дочери врага народа», которое мне было «присвоено» после ареста и гибели моего отца в 1942 году, скорее всего, расстрелянного по сфабрикованному политическому обвинению. Но об этом потом, а сейчас весна и лето 1940-го года.

Вернулась мама, и весь уклад нашей жизни «повернулся на 180 градусов». Если раньше всю мою школьную арифметику делал за меня папа, а меня в это время посылал на кухню «смотреть, как готовят суп» (я до сих пор помню белые, хорошей бумаги листы, исписанные красивым папиным почерком, с вопросами, действиями и ответами на письменном столе у папы, так как папиным кредо было «kinder, kuche, kirche» для женщины), то мама, наоборот, заявила, что литература не нужна, а математика необходима, и стала писать за меня заданные в школе сочинения. Получился полный «ералаш» в моей бедной голове, основ математики я уже не знала, я её «упустила», зато литературу любила и даже, подражая Пушкину, пыталась сочинять стихи.

Русский Музей – хорошо, но где Эрмитаж? Мама ведёт меня в Эрмитаж, мне очень нравятся белый павильон и малахитовый зал, но меня водят с познавательной целью в отделения Греции и Египта, а когда мы проходим залы с картинами и я прошу объяснить сюжет, например, картины «Сусанна и старцы», мама мне «бросает»: «отец тебя учит Священной Истории, пусть тебе и объясняет». Теперь я читаю мифы древней Греции, а папе вменяется в обязанность читать мне на ночь историю

Востока. Я вижу, что папе иногда бывает тяжело под маминым напором, мне тоже, я жалуясь папе, что мне очень трудно привыкать к маме, что мама почти чужой для меня человек, он хорошо меня понимает, успокаивает, говоря: «это твоя мама, она очень тебя любит, ты привыкнешь, всё будет хорошо». Разве это любит, если никогда не обнимет, никогда не поцелует, а иногда даже обзовёт «поповной». Но зато как здорово, что она придумала «четверги»! Теперь по четвергам я могу привести из школы друзей, приходит Гога Кароль, Изя Рабинович, Женя-соседка, дети папиных и маминых приятелей, словом, каждый раз набирается человек десять-пятнадцать. Сначала мы сидим за большим столом в моей комнате, и мама нас учит штопать носки. У нас в руках электрические лампочки и специально вырезанные круглые дыры на носках, мама нас научила двум способам штопанья, в своё время эти навыки пригодились. В то время, пока мы штопали (и мальчики, и девочки), мама нам читала «Вечера на хуторе близ Диканьки», а в следующем году повести Лермонтова. После этого был чай, очень скромный, с булочками из булочной, внутри намазанными джемом – и всё (предполагалось, что все придут пообедавшими). А после чая наступало главное веселье – игра в шарады. Открывались все сундуки (под роялем стояло два и один в прихожей), там можно было подобрать любой костюм – от ризы священника до костюма Маргариты из «Фауста». Использовались обе наши комнаты: моя и папин кабинет (папа не любил шумных моих «четвергов» и старался в этот день уйти к своим друзьям-коллекционерам). Но мама и его в «оборот» взяла. Мама решила пересмотреть почти все театральные постановки, которые она пропустила за 5 лет! Так что весна 40-го и театральный сезон 41-го года и, если, не считая моих четвергов, учесть, что в свободные вечера либо у нас гости, либо родители идут в гости, можно себе представить, какую светскую жизнь пришлось выдержать моему дорогому папе. Но папа был всегда в полном и безропотном подчинении у мамы, искренно признавая её превосходство. Мама проработала доцентом математики почти до 80-ти лет, ни разу не уходя на пенсию. Она гордилась тем, что никогда не получала пенсию от государства, а, следовательно, ничего ему не должна. И это был единственный год в её жизни, когда она не работала, и её кипучая

энергия должна была найти себе применение.

Перед своим днём рождения в мае 1940 г., обыскав в кабинете папины шкафы, убеждаюсь, что никакого подарка мне не заготовлено, как это всегда было в прошлые годы. Странно. Подходит моя дата – 4-ое мая, папа говорит: «Милый мой Малик, мой подарок ждёт тебя в деревне на озере». По приезде летом в Ануфриево бегу к озеру. На озере меня ждёт большая красивая голубая лодка, на носу красными буквами: ТАНЯ. Внутри два сидения, в середине одного из них дырка для мачты. Папа заочно заказал через Жениного дедушку, Дмитрия Дмитриевича, постройку этой лодки в Ануфриеве. Вот это подарок! (Я думаю, что если бы можно было луну с неба достать для меня, он бы это сделал. Как мне всегда понятна была любовь Сомса Форсайта к дочери Флёр!) Можно себе представить, сколько радости нам доставила эта лодка. В это лето мне ближе стал Валя Кузнецов-ленинградец, племянник нашей хозяйки Ксеши. Заранее накопав червей, часа в четыре утра он свистел под моим окном, я вылезала в окно, мы шли к лодке и уплывали к островам, там всегда был хороший клёв, часам к семи мы возвращались с рыбой (на уху хватало).

В середине лета приехали папа с мамой. В это лето мы снимали у Ксеши и зимовку, и «горницу» – парадную комнату в летней избе, мама ждала гостей. Сначала приехала Тамила, она уже училась в художественной школе, поэтому мы с Женей ей без конца позировали. Женю она нарисовала с граблями, а меня сидящей на окне с согнутыми коленями. Кто такая Тамила? В Петербургский университет в начале прошлого века поступали трое юношей: Н. С. Кошляков, Б. И. Извеков и Н. Н. Образцов. Последний рано умер, оставив жену Наталию Ивановну с двумя малолетними детьми Володей и Тамилей. С тех пор семьи Кошляковых и Извековых старались, как могли, помочь вдове. Много позже старший сын Кошлякова Володя женился на Тамиле, но вскоре, после рождения сына Коли, их брак распался. Тамила, закончив Мухинское училище, стала художником-реставратором по прикладному искусству. В течение десятков лет она работала реставратором высшей квалификации музеев Московского Кремля. Под её руководством восстановлено знамя Оружейной Палаты – реликвии Русского государства XVII века.

Под её руководством реставрировалась погребальная одежда Ивана Грозного. В настоящее время она живёт в Москве с сыном и двумя внучками. Володя Кошляков – академик, доктор физико-математических наук, живёт в Киеве. И с Тамилей, и с Володей у меня самые дружеские отношения. В Москве живёт родной брат Володи, Миша, товарищ моего детства.

«Мишенька» Кошляков теперь профессор М. Н. Кошляков, специалист по «вихрям» и турбулентности атмосферы. Когда я бываю в Москве, я встречаю у него и его гостеприимной жены Наташи самый тёплый приём. Миша мой ровесник, а Володя лет на десять старше меня. Когда-то, когда Володя еще был холостым, в шутку я сказала ему: «Володя, подожди, не женись, вдруг меня никто замуж не возьмёт, тогда я за тебя выйду!».

Итак, Ануфриево.....

По воде из Саратова к нам прибыли Астрахановы: Фёдор Иванович и Александра Михайловна. При встрече Александра Михайловна, посмотрев на меня, с обычной своей прямоотой сказала маме: «Надо же, как рано оформляется, а моя старше на три года, доска доской». Кстати, об оформлении.... Как-то я прибежала домой (в «зимовке» папа и мама), спрашиваю: «Правда это, что Васька говорит, что у меня титьки расти не будут, раз я не даю их «шарить»? Папа взвился: «Где этот мальчик? Я ему сейчас задам!», а мама стоит возле печки, скрестив на груди руки: «Борис, оставь, так полагается...» Этот эпизод – штрих к маминому портрету. Что касается Васьки, мы учились с ним вместе в 6-ом и 7-ом классах в деревне во время войны, обливали большое решето водой и катались зимой на нём с высокой горы, а потом, через годы, когда я уже со своей десятилетней дочкой поехала показать ей свою деревню, где во время войны я пасла коров и телят, мы с Катей гостили у него три дня, и дружба с ним и его женой сохранилась у нас на протяжении всей дальнейшей жизни.

К сожалению, ни его, ни его жены Саши, нет уже в живых, но дружба с его дочерью Валей, живущей в Череповце, продолжается, гостеприимный их дом сохранён, и я обязательно откликнусь на Валино приглашение ещё раз побывать в дорогом моему сердцу Ануфриеве.

Помню, как папа и мама купались в озере: папа в каких-то

Маниных панталонах, а мама голышом. У мамы вообще отсутствовал комплекс стеснения, может, оттого, что в лагере с заключёнными обращались как со скотом, в бане мылись мужчины и женщины вместе. Помню, какой-то мужик шел в воду за ними и, разводя руками, восхищался маминым задом (мама снова за полгода растолстела, но ей на всё было наплевать). Когда ей говорили: «Ольга Александровна, Вы одели вещь наизнанку», она, нимало не смущаясь, парировала: «Да? Значит, завтра будет «налицо». Я вспоминаю обо всех, может быть, нелицеприятных моментах маминого поведения, которые часто шокировали папу, а затем и меня, но мне хочется достоверно создать образ этой выдающейся женщины. Ещё один штрих к портрету моей матери. Вскоре после возвращения мамы из лагеря, приходил какой-то мужчина, который, кажется, работал вместе с мамой до её ссылки в Саратов. Маня «доложила» маме, кто её спрашивает (всё это было при мне, мы с мамой были в кабинете). Мама близко подошла к двери кабинета, ведущей в прихожую, где стоял этот человек, и сказала так, чтобы тот слышал: «Мэри, скажи этому человеку, что меня нет дома». Вероятно, этот человек был как-то причастен к маминой высылке в Саратов.

«Ура, ел жаренину!», «Для милого дружка семь вёрст – не крюк!» – так расписались Астрахановы на маминой скатерти. В Ануфриеве им понравилось. Мама вышила эти надписи, а заодно и свою: «Я люблю пасьянс. О. А. ». Такую «скатерть» завела и я в своё время: на ней «расписались» и сами вышили надписи мои студенты, пришедшие всей группой навестить меня во время болезни, но мама и я не были оригинальны; такую же скатерть я видела в музее в Абрамцеве, в бывшем имении Мамонтовых, где художник Серов рисовал знаменитую «Девочку с персиками».

Лето заканчивалось, мы часто ходили в лес за грибами. Ещё были плавания по озеру на острова, прогулки по окрестностям, красивые закаты. Но всё хорошее быстро кончается, и мы возвращаемся в Ленинград. Это было последнее счастливое лето моей жизни. С этим счастливым летом кончалось моё детство. Все-таки оно было счастливым, несмотря ни на что, и впереди ещё были осень и зима, которые я, может быть, впервые, но уже точно последние, проведу вместе с обоими моими родителями.

Осень и зима прошли очень насыщено, весело и интересно. К моим занятиям французским и немецким языками прибавились уроки музыки и танцев. Занятия музыкой начались ещё в прошлом году, и, как это ни странно, не имея музыкального слуха, я всё-таки делала какие-то успехи. Прозанимавшись полтора года, я освоила ряд вещей из «детского альбома» Чайковского. На этом моё музыкальное образование оборвалось. Мама же, вернувшись после ссылки и лагеря, по-прежнему играла Шопена с листа и аккомпанировала жене папиного приятеля коллекционера Удаленкова, когда та пела романсы. Танцы приходила преподавать пожилая полная женщина Надежда Петровна, учительница известной балерины Дудинской, приводила с собой мальчика Юру, который нам показывал «па». Танцевали две пары: Я, Гога Кароль, Юра и Олеся – моя школьная подруга. Первая половина занятия была «у станка» (1-5 позиции, большой, малый «батманы» и т. д.), а вторая половина занятия были танцы: «светит месяц, светит ясный», «цыганочка», «русская», «краковяк», «венгерка», «мазурка» и, конечно, вальс. Сама же Надежда Петровна сидела только за роялем. Занятия танцами проходили по воскресениям. Четверги с рукоделием, с читкой классики, чаепитием и затем с шумными шарадами, продолжались каждую неделю. Что касается немецкого языка, я перешла в старшую группу к Елене Юльевне, здесь мы уже учили стихи Гёте, Шиллера и Гейне. И, наконец, школа, 5-ый класс. У нас новые учителя по разным предметам, запомнилась только учительница географии Ольга Михайловна, она же классный руководитель. Поступил в наш класс новый ученик Саша Корнев, я его немного знала по немецкой группе у Штегеманов, только там он – Саша Гринберг. Много позже стало понятно, почему в школе у него другая фамилия. Так или иначе, он стал первым математиком в нашем классе. Учусь в школе средне, слишком много внешкольной жизни: Эрмитаж (мама водит меня туда изучать историю Древнего Рима), дома я выучила балладу Шиллера в переводе Жуковского «Торжество победителей», мне это интересно и знакомо из мифов Древней Греции. Память у меня хорошая, я выучила наизусть по-немецки балладу Гёте “Der Singer” и т. д. Теперь мама меня водит по театрам. Но билеты она покупает подешевле, и, сидя в 12-ом ряду

партера, я плохо воспринимаю «Горе от ума», хотя и заранее прочитала. Мама ведёт меня в оперу на «Евгения Онегина». Мы сидим в ложе во втором или третьем ряду. «Мама, почему у тебя глаза закрыты?» – спрашиваю я. «Если бы ты знала, в который раз я слушаю эту оперу!» – отвечает она. Очень интересно мама организует «ёлку», с соревнованиями и призами. В конце 5-го класса экзамены, я получаю единственную четвёрку по географии. «Почему?» – спрашивает мама. «Я не ответила на вопрос, какая промышленность в Горьковской области», – ответила я. – «И тебе не стыдно? Я там два с половиной года валила лес! Лесная промышленность, лесная!».

Извекова Таня,
1940 г.

Извекова О.А., Извекова Т, Извеков Б.И.
1940 г.

Глава 10

Вчера была с Люсей Грибоедовой в филармонии, слушали Шопена в исполнении грузинской пианистки Исо Вирсаладзе. Виртуозная игра, «россыпи алмазов»! Помню, как один из исполняемых ею вальсов играла мама, мы с папой, лежа на кровати слушали... «Малик, мы с тобой в подводном царстве», – шепчет папа (комната была оклеена зелёными обоями). Слушая вчера этот вальс, я опять «окунулась» в детство, и сейчас, когда мои довоенные воспоминания приходят к концу, мучительно не хочется расставаться с ними. Задержусь ещё немного на зиме 40-41-го годов, на последней счастливой зиме моего детства.

«Татьяна, русская душою, сама не зная почему, любила русскую зиму». Пушкинские стихи и про меня в том числе, самое любимое мое время года – зима. Очень весёлая «ёлка» была в эту предвоенную зиму. Надо отдать маме справедливость, умела она устраивать праздники весело и интересно. Откуда у неё это? Ведь росла она вообще без родителей (мать умерла, когда ей было всего 5 лет, об отце она узнала, что это её отец, только после его смерти, когда ей было 20 лет; воспитывала её тётка, о которой мы ничего не знаем; наверное, это её заслуга, но вроде бы она была «старая дева», откуда тут взяться весёлому нраву). Мама организовала «ёлку» следующим образом: детей было человек 20, в папином кабинете она расставила 10 игр, это были настольные игры: всевозможные рыбки, вытягиваемые магнитом, колпачки, выбрасываемые при помощи трамплина, биль-боке, игры с фишками (кто быстрее достигнет цели), домино, различные лото, карты, бирюльки и т.д.

Сначала все тащили билетки: у кого оказывались билетки с одинаковым рисунком и номер игры (игры были последовательно пронумерованы), те двое садились за свою игру, как только мама прозвонила колокольчиком. Через 5-7 минут снова звонил колокольчик, мама последовательно подходила с блокнотиком к игрокам, начиная с игры №1, и каждый, у которого было преимущество в игре, переходил к игре следующей по номеру. Звонил колокольчик, начинался 2-ой тур и т.д. Первый, кто прошел все 10 игр, получал 1-ый приз; второй – второй приз, а

третий получал «утешительный приз» – конфетку. После соревнований был чай со сладостями, а потом, как всегда, шумные игры в «верёвочку» (верёвочка протягивается через кольцо, все руками держатся за верёвочку, кольцо у кого-то в руке, стоящий внутри круга должен поочерёдно просить поднять руку, словом, кольцо должно остаться в последней руке), в другие интересные, уже более интеллектуальные игры, и, конечно, в шарады.

Ещё одно интересное воспоминание: забегаю к папе в кабинет, у него в гостях академик В. А. Фок, они весело смеются, даже хохочут (В. А. Фок – глухой, папа ему в трубочку говорит). Не в тот ли момент они сочиняли своё знаменитое стихотворение, которое я каждый раз, начиная практические занятия по теории вероятностей, декламирую своим студентам (студенты серьёзно слушают «условие» задачи, чтобы потом её решить, затем дружный хохот) :

«На дне глубокого сосуда лежат спокойно «п» шаров,
Поочерёдно их оттуда таскают двое дураков.
Заняты это им приятно, они таскают «t» минут,
И всякий взятый шар обратно они опять в сосуд кладут.
Ввиду условия такогодкак вероятность велика,
Что первый был глупей второго, когда шаров он вынул «к»?»

Об академике В. А. Фоке всплывает еще одно воспоминание. Это произошло в 60-ых годах. Мама имела обыкновение под Новый Год писать всем друзьям и знакомым поздравительные открытки. И вот, написав адреса и забыв написать содержание, попросила кого-то из своих учеников бросить пачку открыток в почтовый ящик. От В. А. Фока приходит открытка: «Дорогая Ольга Александровна, я получил Вашу открытку, кроме адреса там ничего не было, но я всё понял и поздравляю Вас тоже с Новым Годом». Но это было всё много-много позже, в «другой жизни». А пока ещё кусочек довоенной жизни.

У папы много друзей; в основном это коллекционеры и художники: Александр Павлович Ковылов, Максимовский, Удаленков, художник Оленев, у которого папа покупал картины и просил писать «дарственную» на обороте (для того, чтобы мама не ругалась, что папа много тратит денег на покупку картин). На мои «четверги» и праздники приводили детей: очаровательную

девочку, годом моложе меня, Музу Оленеву и сестёр – Наташу и Нину Ковыловых. Коллекционеры любили обмениваться картинами. Моя няня Маня смеялась: «как всё равно цыгане обмениваются лошадьми». Любимой темой разговора было обсуждение новых картин, выставленных на продажу в комиссионном магазине на Невском. Я даже нарисовала карикатуру на папу и написала: «Он замёрз, он голоден, но он всё же спешит на Невский 102!». Картины были папиной страстью. Как мне жаль, что он не побывал в тех музеях, в которых побывала я. Это и Лувр, и Прадо, и Метрополитен, и Лондонская Национальная Галерея, музеи Чикаго, Вашингтона, Филадельфии, Лос-Анжелеса, Питсбурга, Амстердама, Гааги, Копенгагена, музеи Нью-Йорка, в том числе и частные музеи. Изменилась жизнь, изменились условия жизни, рухнул «железный занавес», в одночасье рухнула советская власть, как колосс на глиняных ногах. Жить, может быть, стало и не легче (как кому, конечно), но свободнее, гораздо свободнее. Конечно, папа не видел того, что видела я, не видел самый, по его мнению, красивый город – Венецию, который я видела и которым, конечно, восхищалась. Но сознание того, что любимым изобразительным искусством для него было *русское*, несколько успокаивает меня. В его коллекции картин главное место занимал «Союз Русских Художников», правда, папа постепенно «левел», и «Мир Искусства» всё более и более отвоёвывал себе достойное место в его собрании картин.

Мучительно вспоминаю, что было ещё интересного в моей жизни в последние месяцы перед войной. Я уже писала, что до возвращения мамы папа всю мою домашнюю работу по арифметике делал за меня сам, отсылая меня на кухню «посмотреть, как варят суп» (кстати, он завещал мне не быть в будущем лётчиком, пожарным и... математиком). После своего возвращения из ГУЛАГА мама заявила: «литература не нужна, нужна математика» – и стала писать за меня сочинения...

Вот такое у меня было исковерканное воспитание! В результате получился: «ни в городе Богдан, ни в селе Селифан». Математику я никогда не любила, наверное, потому, что её с самого начала не знала (We don't like, that we don't know). Но пришлось всю свою жизнь заниматься математикой. До 1954-го года я считалась «дочерью врага народа», закончила школу в

Саратове в 1946-ом году, хотела идти на филологический факультет, но мама мне сказала, что дороги мне там не будет, и только в математике, если $a=v$, а $v=c$, то и $a=c$. Я послушалась «на этот раз» маму и поступила на механико-математический факультет Саратовского Университета.

Но всё это было позже, а сейчас канун войны, 1941-ый год, самый, наверное, счастливый год моей жизни (разумеется, до июня месяца). Вспоминаю себя, смотря на фотографию. На меня смотрит счастливая 12-летняя девочка с роскошными длинными косами, большими чёрными глазами, довольно хорошенькая, с живым характером, избалованная слепым обожанием своего отца. Да и вообще, если разобраться, то этот последний год перед войной был единственным сознательным годом моей жизни, который я провела вместе со своими родителями. Как же было весело и счастливо!

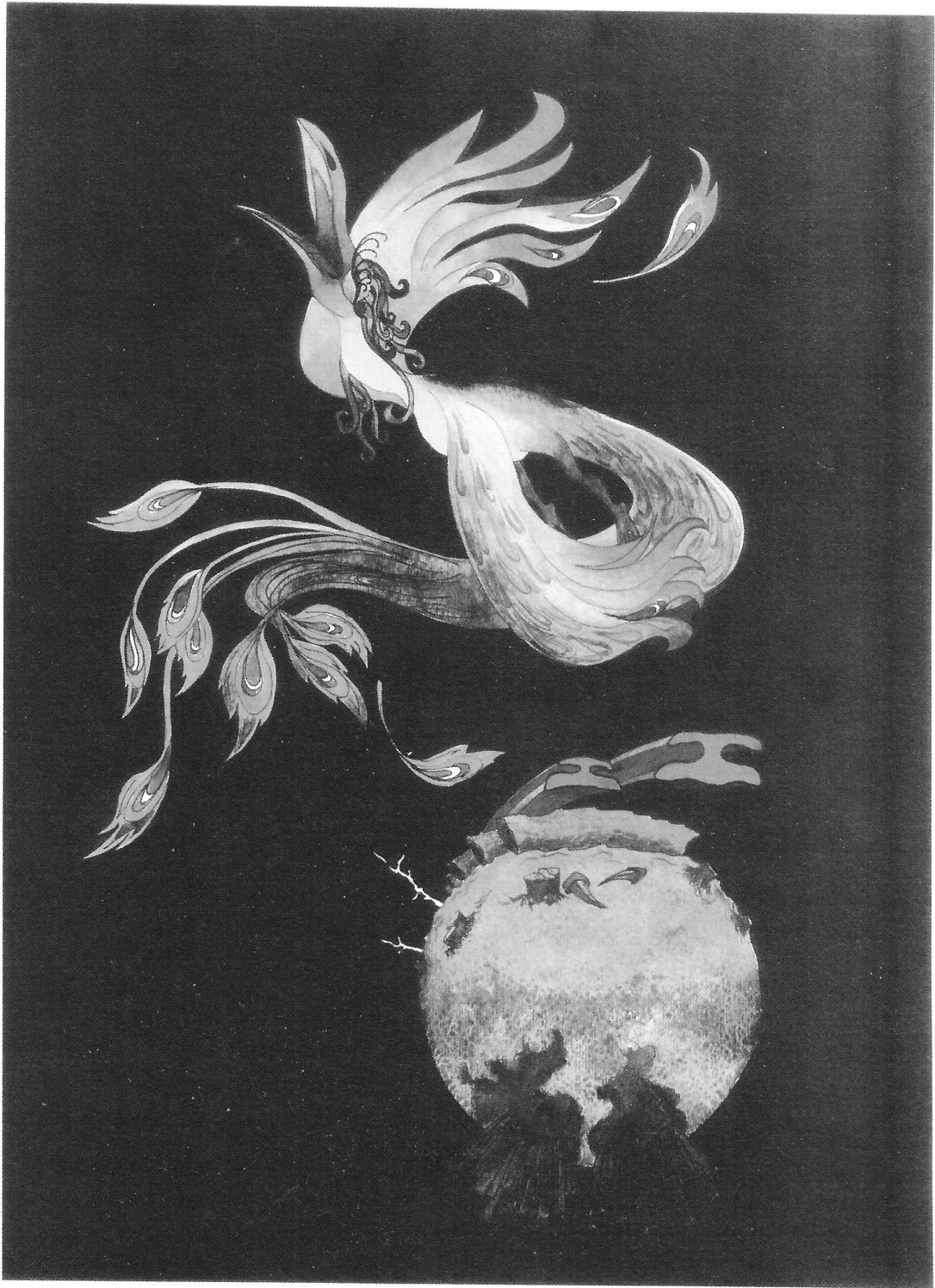
И как «это всё» в одно мгновение оборвалось.... 22-го июня 1941-го года была объявлена война. Моя жизнь раскололась на две части: «до войны» и «после войны». К началу войны мне минуло 12 лет. Я должна признаться, что не поняла всей трагедии начавшейся войны. Вероятно, в силу своей инфантильности я не восприняла её должным образом. Помню, что было досадно, что вовремя не уехали в Ануфриево, ведь там лодка ждёт. Куда-то нас с Маней отправили, как будто в Пеллу, там у хозяйки была корова. Смутно помню, что потом мама отправляла нас с Маней с большим трудом в Череповец. Народ осаждал поезд, билетов уже не было, мама подняла вверх руку с красненькой тридцатирублёвкой и проводник «загрёб» нас с Маней в вагон. В конце концов, мы добрались до Ануфриева. Поздней осенью в Ануфриево приехала мама с Гогой Каролем. Теперь, в деревне, его звали Игорем. Детство кончилось. Папа остался в блокадном Ленинграде. От него приходили регулярно денежные переводы маме и открытки мне. Всё это «до поры до времени». Четырнадцать адресованных мне открыток я храню до сих пор и до сих пор мне трудно их перечитывать. Зима 1942-года была очень тяжелой. Папа писал, что он страдает от голода и от холода, ест клей... Очень трудно об этом писать, хотя прошло с той поры 63 года. Отца своего я больше не видела. Самые светлые воспоминания о человеке, с которым я провела всего 9 лет сознательной жизни будут со мной до конца моей жизни.

Извекова Таня
1941 г.

Глава 11

В эвакуации в деревне Ануфриево мы оказались втроём: мама, я и Гога Кароль (моя мама его забрала из блокадного Ленинграда). Его мать Берта Петровна Кароль, как и мой отец, работала в Ленинградском Университете и они должны была эвакуироваться с Университетом. К тому времени Маня уже с нами не жила, уже было не до домработниц, и мама её рассчитала. Мы жили в маленькой, недостроенной избушке в полторы комнаты. Главная комната метров 14 и вторая комнатка метров 8. Изба стояла на самом краю деревни. Эта была самая бедная, самая неухоженная изба в деревне. Хозяина к тому времени то ли вообще не было в живых, то ли он был на фронте, как все мужики в деревне, словом, его не было, жила одна полуслепая старуха Татьяна, пастушиха колхозного стада коров. Своей коровы у неё не было, как, впрочем, и хлева. Да и сеней-то не было, было крылечко, затем помост в ширину избы, в конце которого было отхожее место. В середине помоста была дверь в избу. В избе, как всегда, центральное место занимала печь, в углу у входа кровать хозяйки Татьяны, под божницей стол в углу и по двум его сторонам вдоль двух стен избы лавки. За перегородочкой наши три кровати: моя у печки, Игоря и мамы напротив друг друга. Я занавешивалась от них какой-то занавесочкой. Летом 1941-го года и я, и Игорь работали на колхозной работе. Он научился запрягать лошадь, я ломала веники на зиму – корм колхозным овцам, дёргала лён, полола колхозные поля, работала на уборке сена, только что не косила (мы ещё были малы для косьбы). Маме в ту пору было 52 года, она была очень ослаблена после лагеря и физически работать не могла. Она взяла в эвакуацию нитки для вышивания и вышивала деревенским девушкам кофточки за молоко. Осенью мы с Игорем пошли в школу на Фетинино (это в полукилометре от нашей деревни), я в 6-ой, Игорь в 7-ой класс. На Фетинине была семилетка, она обслуживала более десяти деревень в округе. Десятилетка была только в Белозерске, в двадцати километрах от нашей деревни Ануфриево. В нашей школе сохранилась замечательная помещичья библиотека, никому не нужная в деревне. Я там

прочла всего Шекспира «от корки до корки». Как сейчас, вижу себя –13-летнюю девочку в красном сарафане, пасущую телят в обществе белой козочки, о которой речь пойдёт дальше (Эсмеральда из « Собора Парижской Богоматери» Гюго), с двумя длинными косами, с большим зелёным томом Шекспира подмышкой. Игорь Кароль говорил, что ему очень повезло, что математику в деревне преподавала моя мама, Ольга Александровна Извекова. У меня в 6-ом классе была другая учительница математики, я её не помню, как не помню и саму математику. В школе давали завтрак: немного каши и маленький кусочек черного хлеба, посыпанного сахарным песком (я пишу: кусочек чёрного хлеба, как будто был ещё какой-нибудь хлеб) Впервые я увидела белый хлеб в конце лета 1943 года. Это было в Горьком. Мне надо было учиться дальше, и мы с мамой и моим племянником Вовкой-Рыжиком переправлялись из Ануфриева в Саратов водным путём. Там на пристани нам выдали как эвакуированным по 400 г. белого роскошного кулича. Я эти 400 г. – четверть целого волжского кулича – вижу и осязаю до сих пор! Я просто не верила своим глазам. Разве такое может быть?! Неужели ещё будет какая-то другая жизнь, при которой будет такое чудо?!

Но я отвлеклась от основного своего повествования. Мы – я, мама и Игорь – в Ануфриеве. Мы с Игорем учимся в деревенской школе, мама – учительница в этой школе Это была зима рокового 1942-го года. Надвигалась самая ужасная катастрофа моей жизни: арест и смерть моего дорогого отца, моего святого для меня отца, которому я и посвящаю эти записки. Несколько раз садилась за компьютер, чтобы продолжить своё повествование, и не могла... (спазмы в горле, слёзы и рыдания..., а ведь прошло с той поры 63 года). Дети мои, внуки, правнуки! После полной реабилитации вашего деда и прадеда в 1954 г., после смерти проклятого Сталина появилась кое-какая литература, описывающая все ужасы, перенесённые моим отцом. Если вам захочется поподробнее узнать о судьбе России в годы правления выродка-Сталина на примере нашей семьи, обратитесь к материалам, которые я вам оставляю. Мне удалось в бывшем НКВД после папиной полной реабилитации в 1954 году взять копию сфальсифицированного дела 14-ти ленинградских профессоров,

якобы составляющих «антисоветски настроенную группу лиц, которая организовано ведёт работу против Советской власти и проводимых ею мероприятий, связанных с военной обстановкой в Ленинграде». Среди них Н. В. Розе, Н. С. Кошляков, Б. И. Извеков (ваш дед, прадед) и другие, ни в чём не повинные люди. За этим процессом шли следующие сфабрикованные процессы, и всё это вылилось в дело №555. Я оставляю вам журнал – «Огонёк» №5 за 1992 год, стр.16, статья известного журналиста Ярослава Голованова: «Палачи и жертвы «дела № 555» В «деле» ясно сказано: «Розе, Кошляков, Извеков, Журавский и ещё восемь учёных виновными себя признали. И сегодня встречаются люди, которые склонны осуждать узников, сломавшихся во время тюремных допросов в НКВД. Писатель Лев Разгон, великий мученик сталинских лагерей, пишет: «Никто не имеет нравственного права в чём-либо обвинять жертвы, а, следовательно, и оправдывать палачей». Далее из статьи Я. Голованова: «127 ленинградских учёных, многие из которых работали на оборону страны, арестованы в 1942 году в блокадном Ленинграде. Большинство из них погибли. Это не ошибка суда. Это – государственное преступление. Это – оскорбление человечества». В этой же статье пишется: «профессор ЛГУ Извеков умер на этапе в Соликамск». Думаю, что это не так. В деле действительно есть справка: «Извеков Б.И. 50 лет. Упадок питания. Миокардит. Ограниченно годен. Этапом: Может.» (февраль 1942 года). Вероятно, эта справка послужила поводом его сообщения о папиной смерти. Я в своё время писала Я. Голованову, откуда он получил такие сведения. Но он мне не ответил. Я получила в НКВД вместе с «делом» свидетельство о смерти моего отца с устным заверением, что он не был расстрелян, что он умер естественной смертью в тюрьме НКВД на улице Каляева. В свидетельстве дата смерти – 22-ое июня 1942 года, возраст 51 год, причина смерти – кардиосклероз. Но, скорее всего, он был расстрелян....

Итак, папа был арестован 3-его февраля 1942 года. Наверняка, вы спросите, по какой причине ваш дед и прадед, кристально честный человек, попал в сталинскую мясорубку. В октябре 1941 года в областном управлении НКВД по доносу стукача-осведомителя Е. Ф. Меркулова на члена-корреспондента

Академии наук СССР Игнатовского было состряпано дело о «контрреволюционной деятельности группы Игнатовского». И. Игнатовский и его жена, Артемьев, Чанышев, Лобов были расстреляны. В деле Игнатовского был шестой человек – профессор ЛГУ Страхович. Его не расстреляли. Морили голодом, били и мучили, пока не подписал, что зав. кафедрой аналитической механики и декан мехмата ЛГУ Н. В. Розе, известный математик, член-корреспондент АН СССР, Н. С. Кошляков, профессора А. М. Журавский, Б. И. Извеков и другие – враги народа. Других было много, и все вели «контрреволюционную агитацию». Так возникло «Дело № 555» В «деле» ясно сказано: «Розе, Кошляков, Извеков, Журавский и еще восемь учёных виновными себя признали». Да, подписывали, да, признали! А как же не подписывать всё, что тебе дают, если тебя бьют и мучат голодом?! Из статьи Голованова цитата Н. С. Кошлякова: «Так как я был голоден, я подписывал любой протокол, лишь бы что-нибудь съесть. Я находился в состоянии глубокого истощения и не обладал никакой волей». Следователь Н. Ф. Кружков не скрывал, что пытки голодом – весьма действенное средство фабрикации дел. И ещё стойка. Человек стоит часами. Следователи меняются. Могут лопнуть сосуды на ногах, но раньше упадёшь в обморок. Часто Кружков сам писал протоколы, надо было только подписать.

Суд по «Делу №555» состоялся 23-25 апреля 1942 года. Обвинение было такое: «ИЗВЕКОВ Б. И., являясь участником организации, ставил своей задачей свержение советского строя, установление капиталистической системы хозяйства и оказание активной помощи немецким оккупантам в их дальнейшей борьбе с советской властью. В условиях военного времени проводил контрреволюционную пораженческую агитацию, направленную к попытке ослабления военной мощи СССР в борьбе с фашистской Германией и срыву мероприятий советской власти по эвакуации научных работников. Кроме того, ИЗВЕКОВ, из своих антисоветских побуждений, свою научную работу строил так, что она была направлена против марксистско-ленинской теории.» Приговор по тогдашним меркам краток, прост и безыскусен: «подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелять, а лично принадлежащее им имущество конфисковать».

Председатель военной коллегии Верховного суда Ульрих и Главный военный прокурор Красной Армии Носов испрашивали у М. И. Калинина «санкционировать применение расстрела». Добрый «дедушка Калинин» «в порядке помилования» заменил расстрел 10 годами лагерей. Итак, 127 виднейших учёных Ленинграда, ни за одним из которых не было никакой вины ни перед прошлым, ни перед настоящим, были арестованы, и большинство из них погибли, в том числе и мой дорогой отец Борис Иванович Извеков. Это не промашка следствия, не ошибка суда. Это – государственное преступление. Вот так. У нас нет могилы его, куда можно было бы прийти, скорей всего, его останки покоятся на Левашовском кладбище, куда штабелями свозили расстрелянных и замученных в тюрьме НКВД на улице Каляева, теперь это улица Захарьевская. К сожалению, кроме меня в нашей семье никто его в живых не застал, да и я рассталась с ним в свои 12 лет. Но моя память о нём священна, а вам на память небольшое собрание картин, чудом уцелевших из его большой конфискованной коллекции. И ещё. Я хочу перепечатать вам из «дела» его показания. Они, в том виде, в каком он их написал, до суда не дошли. Следователь Кружков переиначил всё своими словами. Если кто-нибудь из вас заинтересуется, то всё найдёт в «деле». Но то, что папа пишет о себе в этих показаниях, это пишет он, и никто другой. И если вас что-то «покорёжит», вспомните про голод и «стойку», как обещанной миской супа вынуждали голодных людей признаваться в том, что они «враги народа».

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО

ИЗВЕКОВА Бориса Ивановича от 31-ого марта 1942 года.

Я родился в 1891 г., в гор. Калуге, в семье священника. Хотя мы были дворянами, но никогда никакого недвижимого имущества не имели. Отец и мать были люди консервативно-монархических убеждений и воспитание моё было в религиозном и консервативном духе. Благодаря влиянию старших братьев студентов, влияние домашней обстановки было буржуазно-демократическим. В 5-м классе гимназии я пережил революцию 1905 г., однако влияние революционного движения было преходящим и кратковременным. По окончании гимназии в 1909 г. я поступил на физико-математический факультет Ленинградского

Университета, который окончил осенью 1914 г. Будучи студентом Университета, я получал материальную помощь от брата, у которого жил, а также из дома (отец скончался в 1911г.) и, вообще, никогда не нуждался, а если и имел уроки и оплачиваемые занятия, то более для своего удовольствия и с целью иметь свободные деньги. Занимался я в Университете будучи вполне обеспеченным и, благодаря хорошим способностям, вполне успешно, и уже с 1913-го года начал заниматься самостоятельной научной работой в Павловской магнитно-метеорологической обсерватории и в Главной Геофизической обсерватории в Ленинграде, где у меня завязались личные знакомства и связи. В революционном движении, будучи студентом и после окончания, я участия не принимал. Обстановка, окружавшая меня была типичная буржуазно-интеллигентская обстановка с либерально-демократическими настроениями, но не с социалистическими и революционными. По окончании Университета мне пришлось поступить на военную службу. В это время уже началась империалистическая война и всякие освобождения и отсрочки стали весьма затруднительными. Служба моя проходила сначала в Ленинграде, а потом в Пскове, на северном фронте, под Ригой и под Двинском. Находясь в тяжелой артиллерии, я с 1916 года, будучи произведён в прапорщики, а потом к концу войны в подпоручики, заведывал автомобильным парком тяжелого артиллерийского дивизиона и находился в безопасности и сравнительно в лёгких и удобных условиях жизни. От солдатской массы я был, конечно, далёк, вращаясь в офицерской среде. Революционные настроения солдатских масс до меня не доходили и я им был совершенно чужд. С другой стороны кадровая офицерская среда также имела на меня мало влияния в смысле идеологии, которая оставалась не монархической, а либерально-демократической. Военная среда и военные традиции не прививались ко мне и я скучал, желая скорее возвратиться к интеллигентному образу жизни и научным занятиям. Февральскую революцию 1917 года я встретил растерянно и с опасением в дальнейшей судьбе, а выступлениям большевиков и Октябрьской революции я не сочувствовал и в глубине души относился враждебно, но никаких активных выступлений себе не позволял, выжидая и стараясь приноровиться к новым условиям. Когда открылась возможность окончания военной службы при начавшейся ликвидации фронта в начале 1918-го года, я возвратился в Ленинград и был демобилизован. Целью моей было устроиться в Ленинграде и заняться научной работой. Хотя по существу настроения мои были враждебными к Пролетарской революции и к диктатуре пролетариата, тем не менее, я не хотел переходить на сторону белых, во-первых, потому, что мне вообще надоела военная служба и хотелось поскорее вернуться к научным занятиям, а во-вторых, потому, что, осмыслив достаточно к тому времени положение и настроения широких масс, я не имел никакой веры в успешность контрреволюционных действий. Вернувшись в Ленинград, я

очень скоро устроился на службу в Павловскую Обсерваторию, где меня знали как способного научного работника и где я уже имел личные связи. Будучи сначала демобилизован, а потом снова призван к службе в Красной Армии, в качестве преподавателя военно-учебных заведений, я продолжал совмещать службу в Красной Армии с работой в Обсерватории и окончательно был демобилизован в 1922 году. Всё это время я вообще оставался чуждым советской идеологии человеком, по существу настроенным контрреволюционно, но активными контрреволюционными выступлениями не занимался, если не считать антисоветских разговоров, а, следовательно, контрреволюционной пропаганды в кругу близких мне по настроениям лиц. Элемента вредительства в свою прямую научную работу я не вносил, работая вообще хорошо, и достигая хороших научных результатов, однако от советской идеологии и советской общественности стоял далеко. В 1920 году я встретился с профессором А. А. Фридманом (умер в 1925 году), который оказал на меня и на многих других большое влияние в смысле направления моей научной работы. Фридман был крупным учёным в своей области (гидродинамика и динамическая метеорология), по своим политическим убеждениям буржуазным демократом, убеждения у него были антисоветские, но, благодаря своему уму и такту, а также благодаря своему научному таланту он хорошо умел приспособиться к условиям и требованиям советской действительности. Фридман был прекрасным организатором научной работы, в 1924 году он был назначен директором Главной Геофизической Обсерватории. В 1925 г. по испрошенной им для меня командировке я был в Норвегии, где под руководством известного специалиста по гидродинамике проф. Бьеркисса занимался углублённой проработкой некоторых интересовавших меня вопросов. В 1928 г. я имел вторую, также двухмесячную, заграничную научную командировку главного гидро-метеорологического управления, на этот раз в Германию во Франкфурт-на-Майне, где работал у проф. Штюве в Геофизическом Институте. В промежуток времени 1924-1930 г.г. вообще целый ряд советских метеорологов и гидрологов получили заграничные командировки (Фридман, Тихомиров, Мультиановский, Пуйте, Берёзкин, Гольцман, Розе, Костарёва, Извеков, Калинин, Молчанов, Визе, Каминский). Заграничные поездки расширили мой научный кругозор, познакомили меня с некоторыми крупными западными учёными и их методами работы, но на характер моей научной деятельности не повлияли. Они ещё более укрепили во мне симпатии к конституционно-демократическому режиму. Таким образом, они сделали меня ещё более отчуждёнными от советской действительности и советского строительства. Так как по своему рождению, воспитанию и влиянию окружающей среды я был чужд пролетарскому классу, то основным моим убеждением было то, что пролетариат не способен воспринять полностью высокую культуру, достигнутую развитием буржуазно-капиталистического общества, а

только в лучшем случае – технические знания и технические приёмы производства. Таким образом, культурный уровень, особенно в области науки и искусства, окажется сниженным в будущем коммунистическом обществе. Я плохо верил в творческие силы пролетарских масс, в силу принципов и практики социалистического соревнования и стахановского движения, и старался усмотреть в них черты бахвальства, раздувания успехов и саморекламы. Я считал вредным засилие партийного элемента в правительственном аппарате и малую роль, представляемую в управлении страной беспартийной интеллигенции. Плохо верил я также в успехи индустриализации страны, считая достигнутые результаты преувеличенными и раздутыми и не давал себе труда ближе подойти к изучению этого вопроса и проверить свои заключения на действительном материале фактов. Основная реформа коллективизации сельского хозяйства, упрочившая социализм в нашей стране, не была понята и продумана мною. Мне казались жестокими и несправедливыми репрессивные меры по борьбе с антисоветскими и кулацкими элементами в деревне. Среди людей, с которыми мне приходилось общаться, я встретил людей по большей части глубоко равнодушных, а чаще враждебных советскому правительству и идеям коммунизма, что, хотя, по большей части, скрывалось ими под маской лояльности, тем не менее, часто угадывалось и чувствовалось мною. Те из них, которые подчёркивали и выставляли вперёд свои советские взгляды и симпатии делали это фальшиво и неискренно, что для меня, знающего их, было совершенно ясно. Мне никогда не приходилось ближе сойтись и познакомиться с настоящими идейными коммунистами большого масштаба, строителями коммунистического общества. Несомненно, встречи и разговор с такими людьми во многом могли бы меня убедить и изменить мои трафаретные и враждебные точки зрения. С коммунистами я вообще не сблизился, да и для них, по-видимому, был мало интересен. Те же из них, с которыми я соприкасался, были по большей части небольшие администраторы с малым диапазоном и малым развитием, а иногда, как мне казалось, просто люди, приспособливающиеся, и мелкие карьеристы. В 1931 г. я был избран членом Ленинградского Совета XIII Созыва и имел полномочия около четырёх лет. Это своё новое положение я мог бы хорошо использовать в качестве школы советской общественности, мог многое по-новому понимать и многому научиться. Однако и в этом отношении я не сделал того, что мог бы сделать. Я принимал участие в различных беседах, преимущественно научных учреждений, делал по ним доклады, но всё это формально, не вдаваясь в существо дела. Таким образом, моя научная работа шла мимо и вне влияния советской общественности и коммунистического строительства. Внешне она развивалась вполне успешно, я преподавал в ряде ВУЗ'ов (Университет, Электро-технический институт, Военно-Морская Академия), читал курс

по различным отделам как моей специальности, так и соприкасающихся с моей специальностей и напечатал ряд работ, в которых получил некоторые ценные результаты. Последовательно, я получил степень доктора физико-математических наук и звание профессора. Свои антисоветские и контрреволюционные взгляды я высказывал только в среде своих близких знакомых, относительно которых я был уверен, что они единомышленники и солидарны со мною. Объявление войны, или, вернее, вторжение немцев на территорию СССР, застало меня в Ленинграде, где я решил оставаться и не эвакуироваться, по крайней мере, до окончания зимы. Основным мотивом моего поведения было сохранить осёдлость, квартиру, имущество и материальное обеспечение, что неминуемо должно было пострадать при эвакуации. Семью я отправил в деревню Вологодской области, в знакомую местность, где мы жили на даче уже несколько лет, опасаясь голодовки и бомбардировок города. Когда началось германское продвижение на сов. территорию, усилились провокационные слухи и антисоветские разговоры в среде интеллигенции, настроенной контрреволюционно, в частности – среди университетской профессуры. Сам я также в разговорах с людьми, одинаково со мной настроенными (проф. Розе, Страхович, Кошляков) высказывал резкие суждения о политике Сов. власти и военном руководстве Красной Армии. В разговорах этих я высказывал мнения, что то, что немцы слишком далеко зашли вперёд является непоправимым стратегическим промахом нашего командования, что их необходимо и возможно было задержать ранее, дальше от Ленинграда, на линии р. Двины, говорил, повторяя чужие голословные утверждения, о недостатках нашего вооружения и снабжения, о нехватке автоматического оружия, о недостаточной подготовленности и малом развитии младшего и среднего комсостава Красной армии, о головотяпстве и легкомыслии власти, проявленной, как тогда говорили, в городе при несвоевременной и беспорядочной эвакуации женщин и детей, когда их направляли в районы и области, которые потом подвергались бомбардировкам и даже занятию оккупантами, так что спешно и в беспорядке приходилось обратно вывозить их оттуда; о том, что снабжение города поставлено из рук вон плохо, что в городе неизбежна голодовка, что власти не позаботились своевременно обеспечить город на зиму топливом для нужд транспорта, освещения и отопления, что не собрали и не доставили в город своевременно запасы овощей из окрестных колхозов. Все такие разговоры, носившие несомненно контрреволюционный характер, расширявшие и облегчавшие разложение тыла и пути вражеской интервенции, я вёл с лицами, которых не опасался, причём всё время старался вести такие разговоры наедине, т.е. с глазу на глаз с собеседником. Когда (в ноябре) наступил особенно острый момент и немцы сильно продвинулись к Ленинграду, бомбардировки и артиллерийский обстрел усилились, среди наиболее

малодушной и антисоветски настроенной части населения усилились пораженческие настроения и контрреволюционные высказывания. В Университете среди антисоветски настроенной профессуры начался обмен мнений такого рода: если немцы войдут в город и им овладеют, каково должно быть к ним наше отношение. Вопрос этот в разговорах с глазу на глаз решался таким образом, что следует оставаться на своих местах, признать свержение Сов. власти и новое германское правительство и организовать работу в Университете, если это будет соответствовать видам германского командования. В таком виде сделано мне было высказывание проф. Н.В. Розе и я с ним молчаливо согласился, что им и мною было принято, как выражение единомыслия по этому вопросу. Розе высказал мнение, что нам откроется полная возможность работать под властью оккупантов, немцы нам ничего дурного не сделают, охотно сохраняют Университет и его кадры и даже пойдут нам навстречу в этом отношении. Таким образом, я сделался членом контрреволюционной организации, способствующей ниспровержению Сов. власти в Ленинграде и пособником германской интервенции. Никаких дальнейших поручений организационного характера мне не давалось и никаких дальнейших разговоров на эти темы не велось. Тогда я рассматривал этот разговор, как своё личное дело, плохо сознавая, что дело идёт именно о разветвлённой, глубоко уходящей корнями организации с большим числом членов, профессоров и научных работников, достаточно хорошо законспирированной. В настоящее время картина для меня ясна. Задумываясь над своею виной и своим участием в этом деле, я должен признать, что в решительный момент вражеской интервенции, когда я должен был напрячь свою моральную и физическую силу и проявить твёрдость и верность Родине, своему народу и Сов. власти, за которой пошёл советский народ во время войны, что для меня должно было быть ясно и несомненно, я оказался малодушным и легко соскользнул на путь пособничества вражеской интервенции и предательства. Я пытался в предыдущем изложении чистосердечно выяснить те причины, которые привели меня к моему преступному решению: условия среды и обстановки своего развития, среды односторонней, по существу, враждебной советскому строю, личную заинтересованность в сохранении материального положения в Ленинграде, наконец, сердечную болезнь, голодовку и нервное истощение, мешавшее мне решиться уехать своевременно из Ленинграда, что, конечно, никоим образом не может служить мне оправданием, а только некоторым объясняющим дополнением. Конечно, для меня теперь совершенно ясно, что будучи чуждым и враждебным пролетарской идеологии и коммунистическому строю, я не мог иметь правильного взгляда на события и поступки, как классовый враг пролетариата и сознательный контрреволюционер. Но и помимо этого, стоя на основе национального чувства, я должен был удержаться от ложного шага,

отбросить всякую мысль о сотрудничестве с немцами и встать на путь защиты Родины и своего народа от вражеской интервенции. Этого я не сделал, в этом я признаю свою тяжёлую вину, в которой сознаюсь и раскаиваюсь. Я знаю степень своей вины; знаю, что должен понести за неё заслуженное и справедливое возмездие и прошу суд, если мне будет оставлена жизнь, дать мне возможность принять участие в военных действиях против врагов моей Советской Родины и по усмотрению власти, хотя бы в трудном и опасном месте, на передовых позициях, чтобы мне можно было кончить свою жизнь в мире с самим собой и искупить свою вину перед народом и Сов. властью. Если мое здоровье не изменит мне, я обещаю выполнить свой долг до конца.

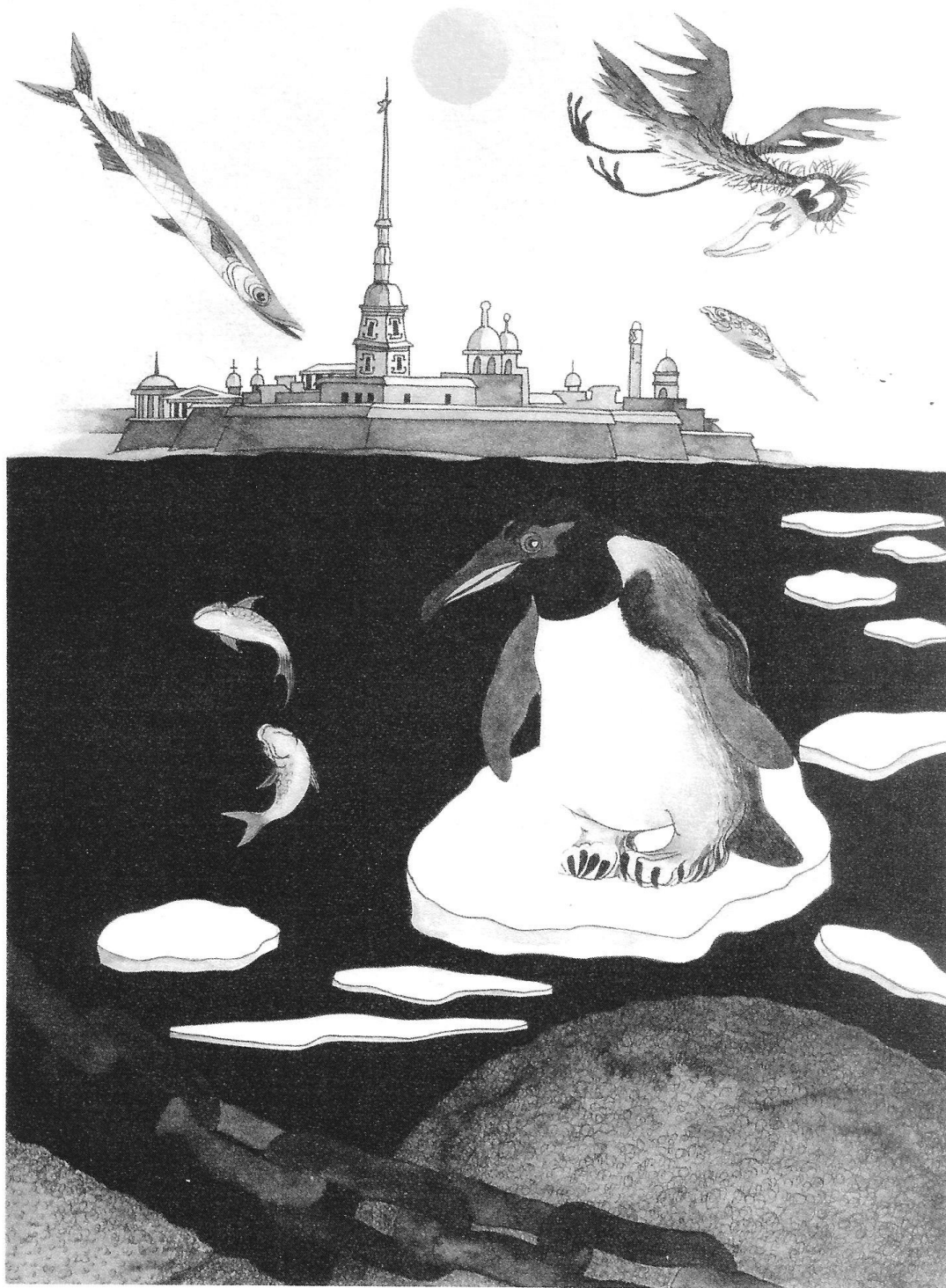
Б. Извеков.

Данные собственноручные показания отбрал:

*Ст.следователь КРО УНКВД ЛО
Мл. лейтенант госуд. безопасности
(Кружков)*

Все, кто прочёл эти показания, задумайтесь о том, под каким давлением они были написаны (голод, стойка), в каком состоянии был мой отец после бесконечных ночных допросов. Все допросы находятся в «деле» и с ними можно ознакомиться. Ленинградское общество «Мемориал» помогло мне получить в своё время «Личное дело Извекова Б.И.», за что я ему очень благодарна.

Глава 12

Продолжаю своё повествование. Весна 1942-го года. Голодно. Как эвакуированным нам дают паёк – 400г. хлеба, дают мукой, выпекает хлеб хозяйка Татьяна. Мама от своей пайки половину отдаёт мне (мне неловко перед Игорем). Мама меняет вещи на картошку, вышивает кофточки деревенским девушкам за молоко. Уже зимой перестали приходить письма и деньги от папы. Игорь, окончив в деревне 7-ой класс, собирается уезжать в Саратов, куда эвакуируется вместе с Ленинградским Университетом его мать, Берта Петровна. Мы остаёмся с мамой одни в деревне. Маме 53 года. Она – слабая физически, работать в колхозе не может. Ещё бы! Три года ссылки и два с половиной года тяжелого режима в лагере! Жить надо. Мама ходит по окрестным деревням (якобы проведать своих учеников, а на самом деле за подаянием). Меня берут на работу подпаском в колхозное стадо. Повезло! Начисляется трудодень в день. Это хорошая зарплата. Не всякий мужик даже на пахоте (а это очень тяжёлая работа) заработает трудодень в день. Дело в том, что работа пастухом в деревне – далеко не престижная работа, никто не хочет на неё идти, поэтому хорошо колхоз и платит. Мужики в деревне все на фронте, в том числе и наш хозяин, бывший пастух. Теперь его заменяла его жена Татьяна, хозяйка нашей избы. Наверное, она была еще нестарая женщина, хотя и выглядела старухой, но беда была в том, что она была почти слепая. Нужен был «зрячий подпасок», и вот почему. Шла война, нужно было молоко. Молоко, как известно, бывает только у «стельной» коровы, то есть у той, которая отелилась. Надо ли объяснять, что для того, чтобы корова отелилась, нужен контакт с быком. В стаде более 30 коров, нужно знать их всех по именам, чтобы в конце дня сообщить в правление колхоза за какой конкретно коровой «ухаживал» бык в этот день. Вот для этого нужен был «зрячий» подпасок, знающий по кличкам всех коров в стаде, и этим подпаском была я. Вектор жизни 13-летней девочки повернулся на 180 градусов. Балованная, единственная профессорская дочка в одночасье очутилась на последней ступеньке социальной лестницы!

Итак, ни одна корова не должна остаться яловой, то есть без телёнка. Что и говорить, я рано узнала правду жизни. И все-таки мне повезло: я не осталась без обоих родителей одновременно, а, следовательно, не попала в детский дом. «Спасибо» советской власти за то, что она последовательно отбирала у меня родителей, а не обоих сразу.

Зима 1942 года была очень тяжелой: голодной и холодной. О некоторых вещах писать крайне неприятно, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь». Приходилось есть дохлую конину, хотя мама уверяла, что лошадь в последнюю минуту закололи. Мыла никакого не было, появились белые отвратительные бельевые вши, а уж о головных вшах и говорить нечего. Я очень серьёзно заболела.

Мама, опасаясь сыпного тифа, обрезала мне мои великолепные косы. Вычесано было что-то около трехсот головных вшей. Маме запрягли лошадь, и она повезла меня в больницу за 20 км в г. Белозерск. Через три дня мы вернулись, тифа не было, но и кос прежних уже никогда не было. Вспомнился ещё один эпизод, связанный с лошадью. Маме не удавалось научиться запрягать лошадь, и однажды (как сейчас помню) страшный рыжий мужик выматюгал маму за то, что она неправильно запрягла. Мы с мамой стояли на крыльце и смотрели на него. Когда он закончил, наступила мамина очередь, и её тирада была раза в три длиннее и разнообразнее. Мужик раскрыл от удивления рот, он боялся что-то упустить из услышанного! – ведь это были новые словообразования, которые он никогда не слышал. Ну что там в деревне? Несколько примитивных матерных словосочетаний – и всё. Он же не получил «высшего» лагерного образования, как мама. После этого мама стала для него большим авторитетом, и он всегда запрягал ей лошадь, когда было нужно. Несколько лет назад Катиному американскому коллеге понадобились русские матерные слова (он их собирает – такое хобби). Катенька (моя дочь) обратилась ко мне, не знаю ли я более редких слов такого типа. Я сказала, что знаю, что помню мамину тираду, но пересказать её своей дочери не могу. Кажется, она отослала в Америку сборничек Ерофеева «Москва – Петушки».

Итак, жизнь текла своим чередом, военная, голодная, холодная. Валя, Валентин – мой друг, с которым мы ещё удили рыбу, ходили за грибами до войны – ушел добровольцем на фронт, он был тремя годами старше меня, было ему 16 лет. Стали приходиться от него длинные письма, «с жаровню», как подтрунивал Володька Николахин – деревенский парень, который мне нравился. Для Валентина я как бы стала его девушкой, и года три мы переписывались. Пачка его военных писем хранится у меня до сих пор. Когда я уже училась в Саратове, в 10-ом классе, я приезжала в Ленинград и мы встретились. Война к тому времени кончилась, но он остался кадровым военным. Он очень возмужал, военная жизнь ему далась нелегко, он тралил мины в Рижском море. Встретил меня как возможную невесту в своей квартире на Пушкинской, где жила его мать Наталья Александровна. Отец Валентина служил на флоте, был адмиралом, но родители были в разводе. Хотя мы и переписывались три военных года, встретившись, оказались совершенно чужими людьми. Он взрослый мужчина, а я совсем «зелёная» девчонка (он с поцелуями, а я ещё ни разу ни с кем не поцеловалась). Патефонная пластинка играла «Вальс цветов», мы танцевали, он был в красивой морской форме, его мама не знала как нас накормить, а я... мечтала о том, чтобы всё это поскорее кончилось. На другой день он провожал меня, я уезжала в Саратов. По прибытии в Саратов я Валентину написала: «Дорогой Валя, считай, что между нами ничего не было. Это не значит, что впредь ничего не будет, но сейчас... так!» (я написала что-то в этом роде). Переписка на этом наша кончилась. Наверное, я поступила правильно. Его рано заставила возмужать война, у него, вероятно, были серьёзные намерения в отношении меня, а я в свои 16 лет ко всему этому была не готова. Мы с ним встретились в 90-ых годах. Я была к тому времени уже вдовой, он был женат на милой женщине Нине Васильевне. Сам он – капитан 1-го ранга в отставке, детей у них не было, жили они на Литейном, возле моей работы. Я часто бывала у них, и, по-моему, водила к ним маленького Васеньку, если память мне не изменяет. Я очень им благодарна за многое. Кстати, старую истрёпанную книгу о А. Я. Пассовере переплёл своими руками Валентин. Это бесценный подарок от него. Сейчас его уже нет в живых, с его

женой я изредка перезваниваюсь.

Итак, я очень отвлеклась, и так будет часто в моём повествовании, хочется рассказать о всех «попутчиках» по жизни. Возвращаюсь к зиме 1942 года. Я тут упомянула деревенского парня, Володьку Николахина, который в ту пору был «героем моего романа». Мне 13, ему 15 лет. В деревне – «беседы» и гуляния. Гуляния преимущественно летом, в праздники, в разных деревнях по очереди, собираются парни и девки из окрестных деревень, гуляют по деревне (парни и девки отдельно), поют частушки под гармонь, позже расходятся парами. На гуляния меня мама не пускала, а вот на «беседы» я заскакивала иногда. «Беседы» проходили в избе, собирались парни и девки и под гармонь плясали и пели частушки. Пляска заключалась в «дроблении». Надо было уметь «выбивать дробь» ногами, и кто искуснее это делал, тот считался лучшим танцором. При этом еще надо было петь частушку. Я училась в 6-ом, Володька в 7-ом классе. Я выходила на середину избы и, приплясывая, пела (частушки сочиняли сами) :

Соловей перелетает с веточки на веточку,
Ягодиночка кончает в школе семилеточку!

Вылетает в круг Володька Николахин и «отвечает» мне:

Чернобровая сударушка, глазком не наводи!
Ты сама неладно сделала – сказала «не ходи»!

Тут надо пояснить слово «ягодиночка» – милый, то есть тот, которого я выбрала. «Глазком не наводи» значит не ревнуй. Ну а «чернобровая» я была одна на деревне, спутать с кем-то другим было нельзя. Вот так объяснялись в деревне.

Были и издевательские частушки: «Как на нашей-то деревне живёт Таня-пастушок, она ходит по деревне и разносит запашок». Приходилось терпеть. Мама говорила:

«Орлу бывает ниже кур спускаться,
Но курам до орла вовеки не добраться»

К зиме выдали зерно на заработанные трудодни. Я ездила вместе с другими бабами в город Кириллов на мельницу за 13 км от

нашей деревни. По дороге, в Горицах, на часть полученного зерна купила маленькую козочку по маминому совету. Горицы на Шексне, в 8-ми км от нашей деревни Ануфриево. Уже и я могла бы разобраться в том, что, если в округе нет козла, то молока у нашей козочки, когда она подрастёт, не будет. А моя умная мама, что она думала?

Наступал 1943-ий год, я учусь в 7-ом классе. Чтобы учиться дальше, из Ануфриева придётся уезжать. Ближайшая школадесятилетка в г. Белозерске в 20 км от Ануфриева. Но это ещё не скоро, а сейчас поздняя осень, вода в озере замёрзла, и как же здорово кататься на коньках по прозрачному толстому слою льда, пока его не замело снегом. А какие в лесу были грузди, пока не грянули холода! Они бело-желтые, растут семействами, спрятанные под опавшими, уже черными листьями.

На «святках» – ряженые, и я участвую в этом веселье, похожем на довоенные шарады. С хлебушком стало получше, да и часть зерна я собственноручно перемолола на жерновах на крупу, можно было кашу варить, словом, молодость взяла своё – «жить стало веселей». Козочка росла, всю зиму она прожила с нами в избе, беленькая, чистенькая, (фекалии – «горох» – легко подметались веником). Школьные уроки, если и готовились, то при лучине. Читать при лучине из-за неровного света очень трудно. Читала я много наступившей весной и летом, когда в колхозе меня перевели на другую работу. Вероятно, сочли, что прежние мои обязанности не очень-то подходят 13-летней девчонке. Меня перевели к телятам. Кроме того, что я должна была их пасти в поскотине (загон для скота), я должна была убирать стойла в хлеву, вывозить навоз, застилать чистую солому. За всё это мне начислялся трудодень в день. Это хорошая плата, на другой работе трудодень в день не заработаешь. Потому и приходилось «ниже кур спускаться». Зато летом, когда я пасла своих телят (их было 15-20), в то время, когда они, наевшись сочной травы укладывались переваривать пищу, я перечитала всего Шекспира от корки до корки. Дело в том, что в школе была отличная библиотека, вывезённая из «Березняка», бывшего помещичьего имения.

Ещё осенью 1942 г. из Ленинграда в Ануфриево приехали мать и сестра Н. Н. Костарёва с Вовкой-Рыжиком, моим племянником, маминым внуком от старшей дочери Сони. С ними,

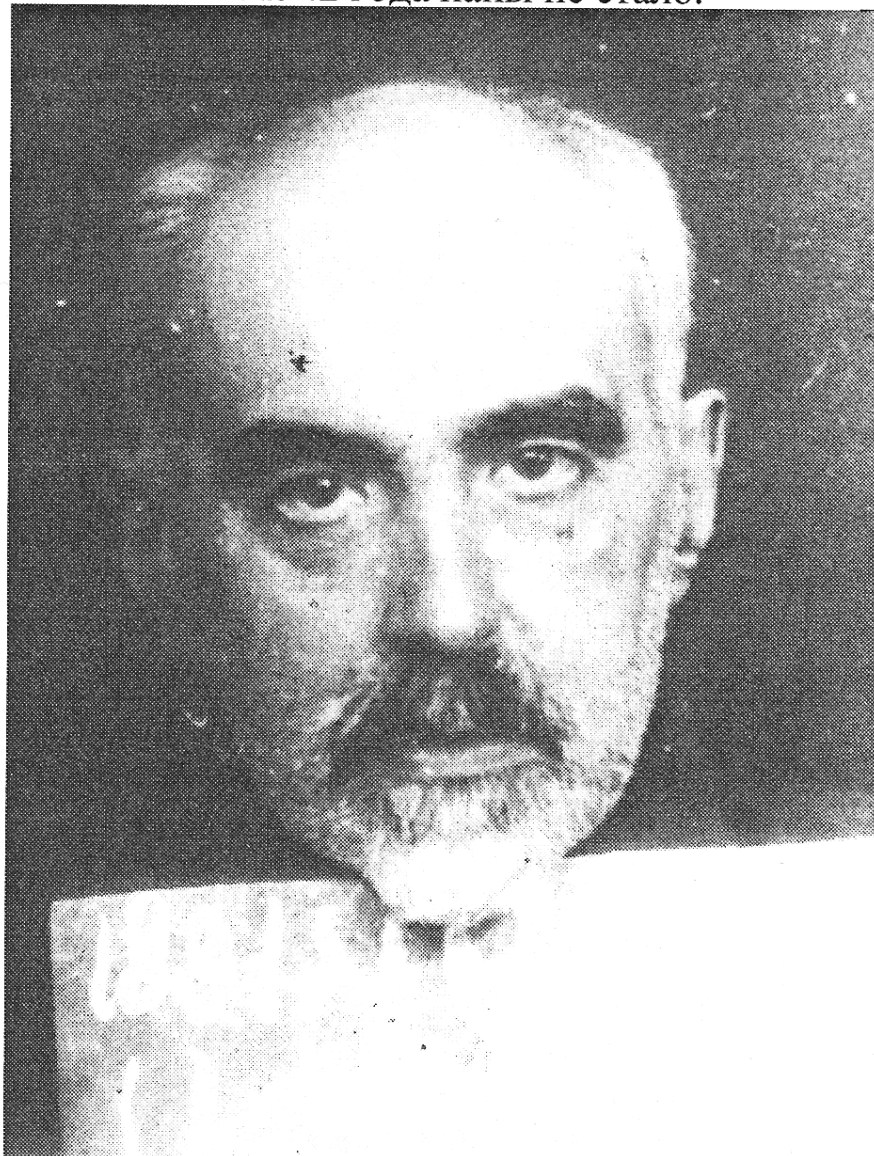
вероятно, пришло письмо о папиной трагедии. Я только помню мамину истерику со злыми слезами, мне она, конечно, ничего не сказала и очень правильно сделала. Это меня сломало бы, в том возрасте, в котором я была, на всю оставшуюся жизнь. Дети и внуки мои! Не было бы у вас жизнерадостной матери и бабушки Таты, была бы ваша бабушка, только с другим характером.

О всём этом я узнала значительно позднее, годам к 15-16-ти, и не от мамы, мама никогда на эти темы со мной не разговаривала. «Слухами земля полнится». Мама же сочинила свою версию. Она написала своим изменённым почерком себе же письмо, якобы от Павла Даниловича, мужа тёти Клавы, который жил и умер в нашей ленинградской квартире во время блокады. Это письмо сейчас перед моими глазами, в нём пишется, что Борис Иванович умер от сердечного приступа на руках Павла Даниловича, не на Васильевском Острове, а на Красноармейской (надо было как-то заметить следы). На самом деле папа был арестован в своей квартире на Васильевском острове (Анатолий был очевидцем всего происходящего) 3-его февраля 1942-го года.

Скончался папа 22-го июня 1942 г. в тюрьме НКВД на улице Каляева, недалёко от Литейного проспекта. Тема отца будет всегда со мной на всём протяжении моего повествования. Сейчас, перебирая его открытки, писанные им в блокаду в Ануфриево (они чудом сохранились в количестве 16 штук), читаю почти в каждой из них: «Милая Танечка! Будь умна и послушна, не забывай папиных советов и наставлений». Да разве я когда-нибудь забуду всё то, о чём ты когда-либо говорил мне! Ты погиб, не дожив ровно одного месяца до 51 года. Мне скоро 77 лет. Я пережила тебя более чем на 25 лет. Но, через всю свою долголетнюю жизнь я пронесла большую любовь к тебе, и этот отчёт о своей жизни, который я делаю по просьбе своих внуков и детей, я посвящаю тебе, мой дорогой, мой любимый отец!

Итак, лето 1942-го года. Этой весной Гога (Игорь) уехал (уплыл) в Саратов к своей матери Берте Петровне, которая эвакуировалась с Ленинградским Университетом в Саратов. Моему отцу – профессору Ленинградского Университета – не дали такой возможности. Он к тому времени, уже находился в тюрьме НКВД по сфабрикованному на него (и еще на 127 ленинградских профессоров и доцентов) делу № 555. «Враги народа» в апреле

1942-года были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Впоследствии, приговор был заменён 10-ю годами лишения свободы, но 22-го июня 1942 года папы не стало.

Б.И.Извеков в тюрьме, за 3 месяца до смерти

Дети и внуки мои! Я ещё раз напоминаю вам, почитайте журнал «Огонёк», № 5 за февраль 1992 г., стр. 16-19, статью журналиста Ярослава Голованова «Палачи и жертвы «Дела № 555», вам всё станет ясно!

Итак, Игорь уехал, Вовка-Рыжик, мой племянник, приехал осенью 1942 г. Я закончила 6-ой класс и пасу коров с подслеповатой Татьяной – пастушкой коров в колхозном стаде. Об этом я уже подробно писала. Вспоминается такое событие: поздней осенью заболела мама. У неё на ноге у щиколотки открылась незаживающая язва, размером с пяточок. Ничего не

помогало. Я услышала, что в селе Воздвиженье живёт эвакуированная врач из Ленинграда. До «Здвиженья» – так в деревне называли это село для краткости – было по берегу километров пять, а по озеру километра три. Понимая, что пешком врач к нам не придёт, мы с Вовкой поплыли на лодке. Погода была плохая, на озере были волны – «беяки». Вовка испугался, и мне его пришлось высадить у деревни Надкобово. Вовка моложе меня на год, потом, будучи в армии, он служил на флоте. Водный путь я продолжала одна. Было что-то вроде бури, ветер и дождь. Я одна посреди большого озера (Варбазомское озеро, оно есть на карте!), мне 13 лет, но я должна привезти маме врача, у мамы высокая температура, мама может погибнуть из-за заражения крови. Я догребла до «Здвиженья», я нашла врача, погода успокоилась, и я привезла врача к маме. Я сейчас не помню, как врач добиралась обратно, кажется, с почтой на почтовой лошади её отвезли обратно в «Здвиженье». Беда была в том, что и советы ленинградского врача не помогли.

Бабы мне посоветовали обратиться к бабке-заговорщице, такая жила в пяти километрах от нашей деревни в деревне Рогачёво. Я сходила за ней. Я сама лично видела, что эта бабка делала с мамой. В деревне эта «операция» называется «с пупа сдёргивать». При этом бабка творила какие-то заклинания над мамой. Так или иначе, через некоторое время гнойная язва на маминой ноге зажила. Хотите верьте, хотите нет. Деревенская зима уже мною описана, а летом по окончании 7-го класса я продолжала работать в колхозе, но пасла уже телят, впрочем, я уже об этом писала. Передо мной лежит справка:

СПРАВКА

Дана Булах Татьяне Борисовне
Проживает: Ленинский пр. 124 – 109
В том, что он(она) действительно работал(а) в колхозе «Красное знамя» в дни летних каникул с 01.06.1942 по 01.09.1942
с 01.06.1943 по 01.09.1943

Данный период работы вошел в общий трудовой стаж при расчёте пенсии.

Основание: Протокол опроса свидетелей. Настоящий документ

Находится в пенсионном деле 337311

Печать. Две подписи.

Этот документ помог мне получить некоторую прибавку к пенсии по указу Ельцина.

Глава 13

Сегодня 14 декабря 2005 года, я в Америке. Добралась с приключениями, в результате которых вылетела из Франции на три часа позднее, опоздав на последний самолёт из Нью-Йорка в Питсбург. Ночевать пришлось в Нью-Йорке у подруги (нет худа без добра – повидалась с друзьями). 12 декабря праздновали Катин день рождения, пили вкусное розовое шампанское, подарила Кате четверостишие:

*Знать, не зря тогда я постаралась,
Труд вознаграждён мой во сто крат!
Ты – моё неоценимое сокровище
В бесконечное количество карат!!!*

Читатель уже знает, кто такая Катя. Катенька – моя дочь, живёт она в Америке с мужем Володей под городом Питсбургом, а два их сына – мои любимые внуки Антон и Вася – живут и работают в Калифорнии. В своём повествовании я перепрыгнула на 62 года вперёд.

Я пробуду в гостях у Кати и Володи до середины января, затем вернусь в Петербург, где у меня сын Андрей и многолетние друзья. Я уже в пятый раз прилетаю в Америку на Рождество и Новый Год, так как это единственная возможность повидать всех сразу (внуки съезжаются на праздники к родителям). Позвонила в Калифорнию своему хорошему знакомому ещё из той, довоенной жизни. Лет шесть тому назад я гостила у него в г. Чико, где повидалась с его женой, моей дорогой Таней Белик. Ей было тогда за 90, она была не совсем "в себе" и всё-таки я чувствовала по тому, как она меня обнимала, что она меня смутно вспомнила. Дорогая моя Таня Белик, тебя уже нет среди нас, спасибо тебе за всё, что ты сделала для меня, память о тебе для меня священна. Муж Татьяны Павловны Беликовой – Георгий Рудольфович Лоренц, Юрочка, как Таня его называла, заинтересовался моими записками, и я хочу их ему передать. В связи с этим я кое-что хочу добавить из воспоминаний довоенного времени, а так же нырнуть в 60-ые годы прошлого столетия. Юре сейчас, на пороге 2006 года, 96 лет, и пусть он простит меня за некоторые

нелицеприятные воспоминания, но "из песни слова не выкинешь!", как говорится в русской поговорке.

Вот довоенный 1940-ой год. Мама вернулась из лагеря. Беликовы живут в нашей квартире: Павел Данилович, Клавдия Владимировна и часто ночует Таня, хотя у неё есть комната на Петроградской. То ли Танин день рождения, но скорее наши с ней именины – Татьянин день, 25-ое января. Почему-то Юрочка пришел в этот раз не один, а с молодой женой-студенткой. Полный стол гостей: Можевитиновы – Шура с Леночкой, мои братья Вавака и Алёша, Николай Петрович Богородицкий с Наташей Калачёвой, Танины родители, Юра Лоренц с молодой женой, мама, я – это те, кого я помню за столом. Видно, моя мама рассаживала гостей за столом, так как в конце стола сидела сама, по разные стороны от неё сидели молодая жена Юры Лоренца и я – 11-ти летняя девчонка, тоже именинница. Девушку звали Леночкой, позднее, году в 1965-ом, я снова встретилась с ней, Еленой Павловной Калугиной, сотрудницей моего мужа по кафедре математики Электротехнического Института им. Бонч-Бруевича. Моя мама, Ольга Александровна, очень любила Таню, больше чем родную свою дочь Соню. Она говорила: "Мне стоит только подумать, а Таня это сделает", в то время как со своей родной дочерью Соней она всю жизнь не ладила. Маме было обидно за Таню, ведь Юра ухаживал за Таней и вдруг неожиданно женился, и она постаралась высмеять бедную студентку. Это она умела! Сидя рядом с мамой, девушка спросила: "Почему за столом о Вашингтоне говорят как об одушевлённом предмете, ведь это – город?" Мама промолчала, продумывая, вероятно, убийственный ответ. Но последовал от бедной девушки второй вопрос, адресованный маме: "Вы читали такого английского писателя Диккенса?" Мама встаёт во весь рост за столом так, чтобы все обратили на неё внимание, и говорит: "Что Вы спросили? Читала ли я английского писателя Диккенса? Нееет, никогда не слышала о таком имени!" Не понимая всех тонкостей, я очень удивилась маминому ответу, ведь даже я уже прочла Давида Коперфильда! Бог маме судья, но уж очень она любила Таню Белик, и всегда очень переживала за неё. Надо сказать, эта любовь была взаимной. Когда через 25 лет наши жизненные пути вновь пересеклись, и я угадала в

сотруднице своего мужа ту самую незадачливую студентку, я ей не открылась. В то время Юра Лоренц был уже снова с Таней, и у них было пятеро детей, но они были далеко от Ленинграда. Я всегда удивлялась тому, что моя умная мама, проработав много лет на одной кафедре с Еленой Павловной Калугиной, так её и не распознала. Думаю потому, что о своей жизни Елена Павловна подробно рассказала только мне, в один из зимних вечеров у себя на даче в Горьковской под Ленинградом, когда мои дети и муж крепко спали после лыжной прогулки.

Итак, ныряю обратно в 1943 год. Летом 43-го года мама, я и Рыжик, продав лодку и козу, уплываем (конечно, в четвёртом классе, самом дешёвом) в Саратов сначала по Шексне, затем по Волге со всеми возможными пересадками. Самое яркое впечатление от путешествия – это город Горький. Впервые с довоенных времён я увидела белый хлеб. Это был паёк – 400 г белого, пышного волжского калача, это было настоящее чудо. Это было невероятное чудо!

Почему мы двинулись в Саратов? Из Ленинграда нас вышвырнули, имущество конфисковали. Куда-то ехать надо было. В Ануфриеве я закончила семилетку, а ближайшая десятилетка была в 20 км от нас, в г. Белозерске. Я уже писала о том, что в 1934-ом году мама была выслана из Ленинграда в Саратов. За три года, проведённых в ссылке, она обзавелась друзьями и знакомыми. По её просьбе, в тяжелое военное время, нам был выслан вызов её друзьями, Астрахановыми и Кожевниковыми. По приезде в Саратов мы оказались в крайне бедственном положении, у нас не было денег даже выкупить вещи из камеры хранения. Хорошо, что Рыжика забрали к себе Астрахановы, им нужен был "мальчишка на побегушках" (забыла написать, что мать Рыжика, мою сводную сестру Соню, посадили в лагерь на 10 лет за то, что где-то в общественном месте она сказала, что её мать напрасно выслали на три года в Саратов и затем посадили в лагерь строгого режима на два года). Так что Рыжик был пристроен, ну а мы с мамой хорошо помыкались!

Крова над головой нет, никакого официального статуса у мамы нет, Саратов не Ануфриево – без соответствующих документов и в начальную школу не устроишься. У мамы же два документа, один другого лучше: паспорт с еврейской

национальностью и справка лагерная. На руках двое детей – 13-летняя дочка и 12-летний внук. Спасибо, что пока внук пристроен. Маме 53 года. Теперь, ставя себя в её обстоятельства, диву даюсь; какой же невероятной жизнеспособностью и энергией надо было обладать, чтобы выжить, не потерять себя, не отчаяться. Ведь нет не только крыши над головой, документов, денег, нет самого главного – доброго имени, мы – семья «врага народа», мы – изгои.

Сначала мама устраивается работать в прачечную при 2-ой Советской больнице, в бухгалтерию, но жить нам негде, а снимать угол не на что. Я мыкаюсь по маминым знакомым из той жизни, когда она была в Саратове в ссылке. Вдвоём не удобно, мама устраивается на другую работу так, чтобы быть всё время в разъездах по Саратовской области. Это организация "Сортсеменовощ". Мама развозит различные семена по Саратовской области, я же поступаю в 8-ую женскую школу в 8-ой класс. Это довольно привилегированная школа, я учусь в одном классе с Ниной Кожевниковой – дочкой наших знакомых. Её мама Алла Григорьевна Кожевникова – старший бухгалтер 2-ой Советской больницы, она помогла нам с вызовом из Ануфриева. Мама снимает мне угол, неподалёку от школы, где я живу с хозяйкой – воспитательницей в детском садике.

Зато какой праздник – суббота и воскресенье! Мы с мамой проводим эти дни у наших дорогих Нюры и Васи Желваковых, тех самых, которые дали маме первый приют в 1934-ом году, когда маму сослали в Саратов. Я бы с удовольствием жила у них, но они живут "на горах", это слишком далеко до моей школы. Мама что-то уже зарабатывает, и Нюра готовит обед на наши деньги. Это, как правило, щи из кислой капусты. Навсегда я их полюбила! Мама купила спорок с ватного одеяла на базаре, и Нюрина соседка Лида шьёт мне из него платье, чтобы "обернуть моё брренное тело".

Школа производит странное впечатление на меня после деревни. С одной стороны, я, конечно, провинциалка, с другой стороны я выше всех своих одноклассниц на голову по начитанности и интеллекту. По литературе я первая ученица в классе, но вся учёба какая-то несерьёзная. Девочки, видно, из благополучных семей, все хорошо одеты. Никто учиться не

думает, разговоры все только о мальчиках и о нарядах. У многих на руках часики, модные меховые шапочки-кубанки. Я – белая ворона среди них, они по сравнению со мною «сильно продвинутые», уже заводят романы, у них много знакомых мальчиков, ведь ещё в прошлом году были общие школы. Я их смущаю и стесняю своей деревенской целомудренностью.

На своей квартире я чуть не устроила пожар, подливая в коптилку керосин, не потушив последнюю. В угле мне было отказано, пришлось маме искать другой угол для меня. На новом месте меня хозяйка нещадно обворовывала. Мама привозила крупу мне из своих поездок, но половина моих запасов куда-то улетучивалась. Всё продолжалось до тех пор, пока, перепрыгивая через канаву, я не повредила себе колено. Что-то случилось с коленной чашечкой, из неё вытекла положенная ей жидкость, и меня положили в больницу, во 2-ую Советскую. В больнице я пробыла месяц, навещала меня Валечка Долникова, бывшая мамина студентка, приносила вкусный кисель. Я поправилась, пора было выписываться, приехала мама из командировки и пошла к профессору Рабиновичу, который курировал хирургическое отделение. Далее, со слов мамы, приблизительный её разговор с Рабиновичем: "Ты еврей и я еврейка, ты наверху, я на дне, ты выписываешь мою дочь из больницы, а мне её взять некуда. Подержи её ещё месяц в больнице, я раскручусь. Я тебе буду потом переводить медицинские статьи с английского, французского, немецкого языков". Исаак Моисеевич продержал меня еще месяц в больнице и стал большим другом моей матери в дальнейшем. После больницы меня к себе забрали Кожевниковы. Семья Кожевниковых состояла из 4-х человек: Евгений Петрович, юрист-консульт на спиртном заводе, Алла Григорьевна, главный бухгалтер 2-ой Советской больницы, и две дочери Надя и Нина, о которых я уже писала. С Ниной я училась в одном классе, а Надя была химиком и училась в аспирантуре. Ленинградский Университет был эвакуирован в Саратов и полностью влился в Саратовский Университет. Среди Надиных гостей бывал красивый молодой человек, тоже аспирант-химик, Юра Самсонов, эвакуированный из Ленинграда. Запомнился его красивый баритон, когда пели за столом "Из-за острова на стрежень, на простор большой волны". Надя очень старалась его

"захомутать", но у неё этот номер не выходил. За ней ухаживал пожилой вдовец, доцент Ленинградского Университета, историк Дмитрий Максимов (отчества не помню). У него было два сына – Юра и Ася (полное имя Аскольд). Юра старше годом нас с Ниной, Ася наш ровесник. Обоим нам нравился старший, Юра. Кто из нас нравился Юре, неизвестно. Но зато достоверно известно, что в меня был влюблён младший – Ася. Об этом я неоднократно была осведомлена 40-45 лет спустя. Аскольд Дмитриевич Максимов, профессор, доктор физико-математических наук, пришел в качестве заведующего кафедрой математики, к нам на кафедру в Ленинградский Текстильный Институт, где я работала с 1965 по 1998 годы. Очень часто на застольях кафедры он вспоминал о своей детской влюблённости, о том, как мы с Ниной были у них в гостях, пока их папаша был у Нади, и как, чтобы принять нас, они предварительно делали тайком из отцовского табака папиросы и продавали их на базаре, чтобы купить что-нибудь к чаю. Золотая пора отрочества! Я хорошо помню этот наш визит, втайне от взрослых. Мы во-время успели вернуться домой, никто ничего не заподозрил. С Ниной этот эпизод уже не вспомнишь. Она умерла от рака лет 30 тому назад.

Наступает весна 1944-года, окончен 8-ой класс. Летом еду работать на подсобное хозяйство университета с Надей. За счёт меня ей уменьшат количество необходимых рабочих дней на подсобном хозяйстве. Судьба сводит меня с Юрой Самсоновым. Мы с ним возим капусту на арбе, управляя двумя волами. Как это делается, мы не знаем. Мы кричим "цоб-цобэ", волы это слово знают, но почему-то шарахаются то влево, то вправо. По синусоиде! Позднее мы узнали, что «цоб» – влево, а «цобэ» – вправо. Зато сколько Юра рассказал мне интересного, милого моему раненому сердцу! Тогда я не знала всю правду о папе. ЛГУ – здесь, но папы здесь нет, а ведь ЛГУ – это одно из мест его работы, может, он эвакуирован в другой город и не может найти нас. Я не допускаю мысли о смерти его в блокадном Ленинграде. Оказывается, Юра Самсонов – папин студент. Профессор Извеков читал ему курс высшей математики на первых курсах химического факультета ЛГУ. Я без конца просила Юру повторять всё, что он помнит о папе. Юра вспоминал, в чём папа

был одет, как входил в аудиторию, как клал свой портфель, как начинал читать лекцию. Юра был очень воспитанным, интеллигентным молодым человеком, и хотя мы с ним были «на ты», для меня он был взрослым. Я даже дала ему прозвище «без двадцати пяти минут», наверное, имея в виду, что вид у него почти профессорский. Судьба сведёт меня с ним году в 70-ом, через четверть века, когда подружатся наши дети, и тогда дружба наших семей будет продолжаться долгие годы, пока трагические смерти не оборвут её.

Так или иначе, необходимое количество дней было отработано в подсобном хозяйстве университета в Елшанке, и мама забрала меня оттуда. К тому времени она уволилась со своей разъездной работы и устроилась работать сторожем на бахче – подсобном хозяйстве 2-ой Советской больницы, конечно, не без помощи Аллы Григорьевны Кожевниковой, главного бухгалтера этой больницы. Во-первых, мы были вместе и была крыша над головой – брезентовая палатка, во-вторых, мы не отягачали никого своим присутствием, в-третьих у мамы появилось свободное время, чтобы в городе налаживать связи, давать уроки английского языка, так как сторожихой, на самом деле, была я. В основном она была в Саратове и ночевала у Валечки Долниковой. Зря время она не теряла, старалась налаживать связи с людьми, с которыми работала и общалась до своей ссылки в Саратов. А это были академики Николай Евграфович Кочин, Владимир Александрович Фок и Владимир Иванович Смирнов. Она просила их помощи в восстановлении своих документов. И вот за подписями трёх академиков ушло ходатайство в министерство высшего образования. Они писали, что в разное время они работали с Ольгой Александровной Извековой и просят восстановить её в должности доцента по специальности физики и математики. Я уже упоминала о том, что в 1934-ом году её выслали из Ленинграда перед защитой диссертации, за которую ей должны были дать докторскую степень, минуя кандидатскую. В результате у неё не было никакой научной степени, только должность доцента. Что-то в это лето и с жильём налаживалось, с нашим общим жильём. То ли мама сумела прописаться, то ли снять угол в «доме коммуны» на Провиантской улице, дом 7. Ведь до сих пор мы не были

прописаны нигде! Ленинградской прописки мы лишились сразу после папиного ареста, из квартиры нас выписали, имущество конфисковали, мы, по-современному, бомжи (то есть без определённого места жительства). Так или иначе, надвигались кое-какие перемены в нашем существовании. А пока я на бахче, у нас палатка, в которой мы спим на полу, едим на ящиках, но в основном я одна, без мамы. Метрах в 200-х от нашей палатки стоит другая палатка, там обитает Алим – сторож бахчи, принадлежащей госпиталю. Алим – пожилой солдат, то ли казах, то ли чеченец, словом, «нацмен». Он очень хороший человек, у него на своей родине есть свои дети, и мама в своё отсутствие поручает меня ему. Он мне помогает готовить пищу на костре, выбирать спелую тыкву на бахче, заpastись хворостом и т. д. Метрах в 200-х течёт речка с крутыми, заросшими растительностью берегами, мы там берём воду, но саму речку не видно, она в овраге. Кругом необозримая степь, и на ней бахча. Где-то в километре, наверное, есть деревня, в которую ходит автобус, ведь мама как-то добирается сюда, но я там не была, не знаю. Однажды мимо прошли трое молодых солдат, они у меня задержались, перекусили своими продуктами и меня накормили. Один из них, совсем молодой парнишка, доверительно разговорился со мной. Помню, он сказал такую фразу: «В армии белое называют чёрным, а чёрное называют белым».

Кто они такие были, куда шли? Может быть, были беглыми, как теперь их называют, только вряд ли, время было военное. Так или иначе, они оставили у меня хорошее впечатление. Я была одна, среди бескрайней степи, 14-ти летняя девчонка, три солдата не надругались надо мной, не обидели, а накормили. Сейчас, когда в городе-то опасно выйти вечером, в такое верится с трудом. Зато когда в конце нашего пребывания на бахче приехали сотрудники 2-ой Советской больницы за урожаем, а с ними и главный врач больницы, маленький толстый человек, произошел следующий эпизод. Пока все занимались сбором урожая, он попросил меня провести его к речке. Мы пошли по степи и спустились в овраг к речке, здесь пытался он меня изнасиловать. Я столкнула его в воду. Когда мы вернулись, на вопросы своих сотрудников он отвечал, что оступился, поэтому мокрый. Об этом инциденте я никому не рассказала, даже маме,

мне было стыдно. Теперь, с высоты своего возраста, анализируя эти два случая, думаю, кем я была для этого главного врача. Всего лишь дочкой сторожихи? А он – власть имущий, и работу-то мама получила благодаря ему, так почему же не воспользоваться случаем. Вот она, власть, в миниатюре! И те, трое честных ребят! Теперь, когда жизнь моя подходит к концу, я с большой убеждённостью констатирую: хороших людей, встречающихся в жизни, неизмеримо больше, чем плохих, как поёт и Гурченко в «Карнавальной ночи».

Может быть, мама ещё продолжала работать в «Сортсеровощ», а работу на бахче сторожем она взяла в свой летний отпуск, так или иначе, был снят угол на Провиантской улице, и я была переведена в другую школу, школу №1, в 9-ый класс. Эта школа стояла в самом центре Саратова возле консерватории, в начале Кировского проспекта, рядом с городским парком Липки, где был стадион, на зиму превращаемый в великолепный каток.

Глава 14

Итак, новая школа, новые подруги, новая жизнь! Сажу за партой с Дифой Брусилловской. Мы обе новенькие в этом, 9-ом классе. Она тоже эвакуированная, с Украины, из Киева, тоже без отца, только с матерью. Впереди сидят Валя Шишкина и Верунька Баум. Девочки учатся врозь с мальчиками, таков порядок. Литературу нам преподаёт замечательная учительница – Вознесенская Александра Степановна. Моё мировоззрение, моя любовь к литературе, как, впрочем, и у всех остальных девочек в классе, выпестовано ею, нашей дорогой Александрой Степановной. На первых порах мне в новой школе с литературой не повезло. В прежней школе я считала себя первой ученицей по литературе, а когда пришла сюда, стала получать двойки. Что значит разные уровни преподавания! Как важно в жизни иметь хорошего учителя! Проходили "Мёртвые души" Гоголя, писали на эту тему сочинение. Я показала своё сочинение Веруньке Баум, она его просмотрела, сказала, что написано коряво, и предложила мне написать сочинение за меня. Дома я показала своё сочинение маме, она, указав мне на место, где было написано «содержимое Чичикова», сказала: «содержимое может быть ночного горшка». Я была посрамлена. Но зато когда уже в 10-ом классе Александра Степановна, собрав из нашего и параллельного классов сочинения на свободную тему, отдала просмотреть их своему мужу – профессору филологического факультета Саратовского Университета Е. Н. Покусаеву, он выбрал два сочинения, сказав, что в них что-то есть. Это были сочинения Наташи Гуковской и моё. Такое соседство с Наташей мне очень лестно. Она в дальнейшем оказалась известной писательницей – Н. Г. Долининой.

Учительницей математики была Елизавета Никоновна, фамилии не помню. По математике, как и по всем другим предметам, я была весьма средней ученицей. Вообще, мне никогда не хотелось достигать каких-либо вершин, в чувстве тщеславия мне было отказано с самого начала, да и способности то у меня были самые средние. По-видимому, в какой-то степени я была некоторым передаточным пунктом переноса генов от моих способных родителей моим детям. Словом, я училась неохотно и

поэтому плохо. Дети мои, в отличие от меня, учились охотно и хорошо. Я по своей жизни наблюдала такую мутацию: у красивых родителей вырастали некрасивые дети, у способных родителей, подчасую, вырастали никчёмные дети. Ну, а таланты, как правило, не передаются вообще! Мой хороший знакомый, Гриша Баренблатт, высказал такое предположение: способности передаются от тестя к зятю. Вероятно, он имел в виду самого себя, он – зять академиков Кочиных. Гриша и сам академик, преподаёт в Америке, в Беркли.

Блестящей ученицей в классе была Дифа Брусиловская, моя ближайшая подруга. Будь то литература – речь, как из рога изобилия, по выражению Гали Завельской, будь то математика или физика – всё на самом высоком уровне. Однажды она сдавала экзамен по физике за одну из наших одноклассниц в мединституте, сама она перед этим успешно сдала экзамены на физический факультет университета. Когда подошла её очередь экзаменоваться, экзаменатор спросил: «Девушка, почему Вы у нас, в мединституте, вы так хорошо знаете физику». Бедная Дифка чуть не завалила всё дело, увлечшись своей физикой, она очень многим рисковала, не говоря уж о подделке документа, рисковала не только она. Но такая она, Дифка! Кристально честная, но ради своих друзей готовая рисковать своим благополучием. Самая блестящая из всех нас! Золотой медали она не получила, в аспирантуру её не взяли, думаю, из-за еврейства. Бедная, глупая наша страна! Как она сама себе навредила, как сама себя оскопила, при этом исковеркав судьбы многих способных людей. Дифка, Юдифь Семёновна Брусиловская, проработавшая всю жизнь в Киевском Планетарии, живёт в Киеве, получает мизерную пенсию, очень одинокая, несмотря на наличие двух внучек.

Возвращаюсь в школьную жизнь. В школе бывают вечера, на которые приглашаются мальчики, в основном из 18-ой МСШ (мужская средняя школа). По-видимому, до отдельного обучения 1-ая женская и 18-ая мужская были одной общей школой, поэтому такая традиция. На вечерах обращает на себя внимание постоянная пара. Они восьмиклассники – Серёжа Фёдоров и Юля Закова. Они будут моими друзьями на протяжении всей моей жизни. Юля дочь известного саратовского врача-рентгенолога, в будущем сама врач-рентгенолог. Серёжа живёт с матерью, очень симпатичный

интеллигентный мальчик, по уши влюблённый в Юлю. Пожалуй, только Юля и еще Валя Шишкина из нашего класса — «отецкие дочки», остальные мои новые подружки, и я в том числе, сплошная безотцовщина. Помню, была общая школьная экскурсия саратовских школ в Москву, наверное, за какую-то плату (иначе все бы поехали). Там в Москве «продвинутая» девочка, не из нашей школы, обратилась к Серёже Фёдорову с такими словами: «Нельзя ли Вас ангажировать на-время в Москве?» Что за слово «ангажировать», что оно обозначает, я не знала, но поняла, что она, по теперешнему молодёжному жаргону, «клеится» к Серёжке. Я в ту пору уже была ближе к Серёже и Юле (моя мама давала уроки английского языка Юле), видя смущение Сергея, выручила его, сказав: «Он уже ангажирован телефоном с номером 1-55». Серёжа благодарно на меня посмотрел, это был номер Юлиного телефона. Эта продвинутая девочка, Сима Местецкая, была с родителями эвакуирована из Киева, она еще не раз будет упомянута в моём повествовании.

К сожалению, у меня не осталось ярких воспоминаний о Москве, и это очень странно, тем более, что по настоящему я была там впервые. Жизнь в школе шла своим чередом, наступала зима, в Липках на стадионе был залит великолепный каток. Лиля Астраханова дала мне свои коньки, и я с упоением каталась, тем более, что кое-какие навыки у меня уже были, недаром меня братья поставили на коньки чуть ли не в три года. На катке меня заметил тренер, собирающий команду, и пригласил в команду. Война шла, с продуктами было тяжело, а поскольку нас специально тренировали перед соревнованиями, то кормили один раз в день обедом в Парткабинете на Первомайской улице. Вот это был обед! Настоящий! Как будто и войны никогда не было. Даже шоколад давали. И так кормили целый месяц. Потом были соревнования конькобежцев Поволжья (четыре города соревновались: Саратов, Сталинград, Куйбышев и Ульяновск). В результате чемпионкой оказалась я, правда, до финиша докатилась на спине.

Меня выдвинули на всесоюзные соревнования, которые проходили в Ленинграде, но на них я не попала. Только что была снята блокада Ленинграда, и нас продержали в Москве в санпропускнике 10 дней, так что на соревнования мы опоздали, но лыжная команда успела на свои соревнования в Кавголове. Я очень

благодарна судьбе за эту поездку в Ленинград. Нас, четырёх девочек, разместили в номере-люкс в гостинице «Англетер», чуть ли не в том номере, где трагически оборвалась жизнь Есенина. Я увидела блокадный Ленинград. Каждый третий дом на Невском пострадал. Анатолий в это время был в Ленинграде, мы ходили с ним на Знаменскую к Николаю Николаевичу Костарёву и много бродили по Ленинграду и конечно же подходили к нашему родному дому. Он уцелел, но по нему прошла большая трещина. Рядом не было дома №42, в котором жил Изя Рабинович (перед самой войной Изя переехал в Максимильяновский переулок с Васильевского Острова), он был разбомблен. Эта поездка была еще для меня знаменательна и тем, что в лыжной юношеской команде был мальчик из 19-ой МСШ Ленька Куликов. Ленька, лёжа на верхней полке в поезде, читал наизусть Надсона. Это было мне незнакомо, это было здорово. После этого я стала поклонницей Надсона, многое выучила наизусть и, чего греха таить, и Лёнькиной поклонницей тоже. Мы с ним часто встречались по пути в наши школы, только никогда не разговаривали. Так или иначе, в связи с соревнованиями я пропустила в школе целый месяц. По математике были без меня пройдены логарифмы. Эта тема до сих пор является одной из уязвимых тем в моём преподавании математики.

Ну, а живём мы с мамой на Провиантской улице, которая плотно войдёт в мою биографию. Дом №7 по этой улице называется «дом коммуны», построен он в 1929-ом году, в разгар НЭПа. Говорили, что архитектора расстреляли, наверное, не за этот дом, а вообще... для порядка. Так или иначе, дом этот был очень странный. Со стороны улицы он был пятиэтажным, со стороны двора – 9-ти этажным, с торцов тоже неодинаков. Внутри коридорная система: три коридора – нижний, средний и верхний. В каждом коридоре по разные стороны от центрального входа по 20 квартир. Всего в доме 120 квартир. Каждая из них двух или трёхэтажная. На 20 квартир одна общая кухня, в которой три газовых плиты и одна водопроводная раковина. Приходится стоять в очередь, чтобы занять одну конфорку. А если забыл ложку или соль, то на три этажа, пожалуйста, вниз, а затем на три этажа вверх, да ещё по коридору туда и обратно.

В трёхкомнатной квартире первая комната с высоким потолком, из неё идёт вторая, из второй идёт третья комната, у обеих потолки в два раза меньше, чем в первой комнате. Так вот, мы с мамой занимали закуток между лестницей и окном в первой проходной комнате, около 8 кв.м. Стояли две кровати и стол, раковина с водой была в конце комнаты возле двери во вторую комнату. В квартире, кроме нас, жила старуха с двумя взрослыми детьми, сыном и дочерью, которые поочередно отсиживали срок по уголовным делам. Все-таки, хоть и угол, но он был наш, и мы с мамой были вместе. Сейчас спросить не у кого, снимался ли этот угол или мы были прописаны в нём. В этом доме я прожила 21 год, здесь у меня была первая любовь, здесь было моё замужество, здесь родились мои дети.

Приближалась весна 1945-го года, а вместе с нею и окончание войны, которая принесла столько горя в наши семьи. И вот наступило 9-ое мая, день Великой Победы. Какой это был праздник! Конечно, занятия в школе отменили, саратовский цирк давал представления прямо на улицах, на грузовых машинах. Незнакомые между собой люди обнимались на улице, поздравляя друг друга. Царило ликование на улице и в душе. И хотя этот праздник был со слезами на глазах, всё-таки радость самой победы захлестнула горе военных утрат. Я веселилась со всеми вместе от души. Уже год назад вернулся домой Ленинградский Университет, Гога Кароль, экстерном сдав экзамены за 9,10-ые классы в Саратове, поступил на 1-ый курс механико-математического факультета ЛГУ, уже всё потихоньку возвращалось на круги своя, но мы с мамой, как, впрочем, и многие-многие другие, хотя и по разным причинам, остались без крова над головой и без средств к существованию. Повидимому, эта весна и лето оказались для нас очень тяжёлыми, так как моя гордая мама решила попросить помощи у сыновей. Вавака в это время работал в Сибири на оборонном заводе, он что-то прислал, а от Алёши давно не было никаких известий. Последнее, что она о нём знала, то, что он в Куйбышеве, но на её письма ответов не было.

Весной маме от «Сортсемовощ» дали два земельных участка по 2 сотки в разных местах. Один участок был на Сазанке, (на другой стороне Волги), другой за Крекингом –нефтяным заводом. Мама на этих участках ни разу не была, я одна их вскопала, сама

засадила, прополола и к осени сняла незатейливый урожай в виде мелкой картошки и гороха. Летом, взяв мне билет 4-го класса на пароход, мама послала меня в Куйбышев разыскивать Алёшу. У меня из вещей был рюкзак с кое-какой провизией и с «выходным» платьем. Народу было очень много, спали на полу, мне было как-то неудобно тщательно завязывать мешок, казалось, что я этим оскорбляю соседей, подозревая их в нечестности. Словом, меня обокрали – ни еды, ни платья у меня не осталось. Хорошо, что деньги на обратный путь были у меня зашиты на груди. В Куйбышеве я сошла, нашла по адресу Алёшино местожительство, но к сожалению, Алёшу я там не застала, он был на фронте (потом у мамы были с ним крупные разногласия, мама крепко обиделась на него, тем более, что военный аттестат он высылал отцу, в то время как мы так бедствовали). Меня скромно накормили – суррогатный кофе и пару кусочков хлеба – его соседи, две пожилые женщины, посочувствовав мне, и я отправилась назад, «не солоно похлебавши». Сейчас, с высоты своего возраста, я думаю: как хорошо, что не было войны, когда подрастали мои дети и внуки, как хорошо, что у моих детей и внуков были хорошие, сытые детство и юность. Сравниваю свою жизнь с жизнью моей дочери Кати в этот период. Что было с Катей по окончании 9-го класса? Это 1967-ой год, мы уже три года как перебрались из Саратова в Ленинград. В это лето нам с Катей моя мама, Ольга Александровна, подарила две путёвки по Прибалтике (Эстония, Латвия, Литва). Мама проживёт еще два года, проработав в должности доцента Электротехнического Института им. Бонч-Бруевича до своих 79 лет, ни разу не уходя на пенсию и гордясь этим. Ну, а я в свои 16 лет по окончании 9-го класса занимаюсь огородами, домашним хозяйством, езжу с подругами купаться на Зелёный Остров. Однажды, уже поздно возвращаясь с огорода, придя домой и открыв дверь, увидела сверху, как крысы бегают по столу и нашим кроватям. Так я и просидела на верхней ступеньке квартиры до маминого позднего прихода. Крысы всегда вызывали у меня ужас.

Понемногу стали возвращаться мужчины с фронта, появился новый сосед – Юрка Школьников, лет 25, симпатичный молодой человек, но не «герой моего романа». Герой моего романа появится позднее, когда я буду учиться в 10-ом классе. Он появится, как

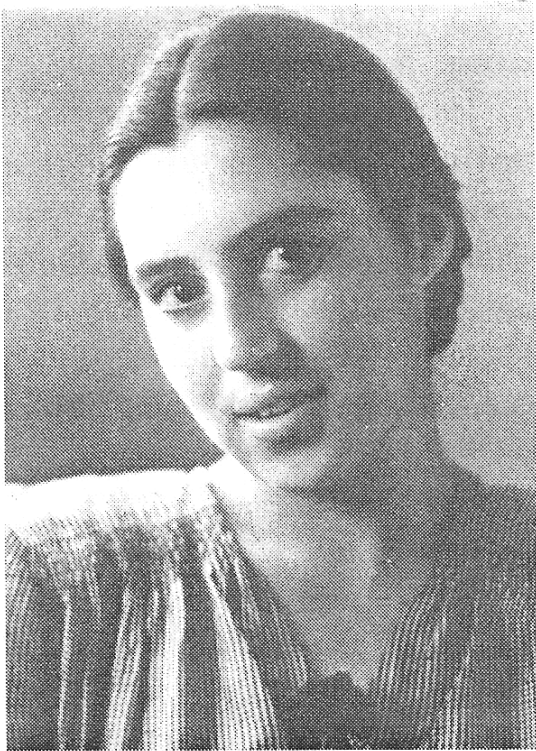
вихрь, как тайфун, сметающий всё на своём пути, в лице 25-летнего парня, бежавшего из плена, семья которого живёт в нашем же доме, и с которым когда-то мы жили на одной даче на 8-ой дачной остановке. До встречи с моей «первой любовью» произошли очень важные перемены в моей жизни. Самое главное событие: мама получила документы, подтверждающие её в должности доцента по специальности «геофизика». Она стала работать в Саратовском Университете на механико-математическом факультете, получать зарплату и, главное, паёк в соответствующем распределителе. Как сейчас помню, как на сахарные талоны я взяла печенье «курабье», до сих пор это самое моё любимое печенье. И, ещё... Мама выписала к нам свою подругу детства, Евгению Степановну Великомскую, из Кирова (Вятки), куда та была эвакуирована из Ленинграда, потеряв сына и мужа в блокаду, оставшись совершенно одна. Она прожила всю оставшуюся жизнь возле нашей семьи, сняв с меня заботы по хозяйству во время моей юности, помогая мне растить детей в моём зрелом возрасте и умерла, любимая моими взрослыми детьми, ставшими её внуками, в возрасте 91 года, пережив мою маму на 13 лет. В квартире где мы жили, произошли тоже некоторые перемены: хозяйка, старая женщина, померла, сын её находился в тюрьме, оставалась дочь, которая пользовалась последней, непроходной комнатой, так что мы, уже втроём, могли неофициально пользоваться двумя проходными комнатами. «Жить стало легче, жить стало веселей!» Начали бороться с крысами, завели рыжего кота, но толку от него было мало. Кроме того, у него было хобби – гадить нам на кровати. С последней крысой было очень трудно справиться, тётя Женья даже относила ей корочки от сыра наверх, лишь бы та вниз не спускалась. Потом, общими усилиями, мы всё-таки её изловили. Я начала учиться в 10-ом классе. Наш класс находился теперь на первом этаже, (было удобно убегать с уроков через окно). Однажды мы с Дифкой прогуляли в мае три дня подряд: 4-ое, 5-ое, 6-ое. Были вызваны к директору; я объяснила: 4-ое – мой день рождения, 6-ое – Дифкин, ну а 5-ое – день рождения Карла Маркса. Директорша, вызвав маму, сказала ей: «Я не представляла себе, что эти глаза могут врать». А разве я врала? Время шло, на зимних каникулах я опять побывала в Ленинграде. К тому времени Вавака с семьёй вернулся из

эвакуации в свою квартиру на Таврической улице. В Сибири у них с Зиной родился второй сын Витя, позднее вернулась Зинина мама, Анна Фёдоровна (отец Зины – Григорий Александрович – скончался в эвакуации). Я остановилась у них на Таврической. В этот свой приезд я повидалась со своими довоенными школьными подругами: Олесей Минаковой и Наташей Хлебниковой. Я заходила в свою Ленинградскую квартиру, виделась там с Женей, прежней соседкой по квартире, скрепя сердце заглянула в бывший папин кабинет, увидела там в совершенно пустой комнате одинокого человека на железной кровати, в прихожей еще висели какие-то рисунки... я поспешила поскорее уйти. В Ленинграде я встретилась со своим одноклассником Сашей Коренёвым (Гринбергом), он пригласил меня в театр им. Ленинского Комсомола и, наконец, встретилась с Валентином Кузнецовым, встречу с которым я уже описывала, эта страница была перевернута.

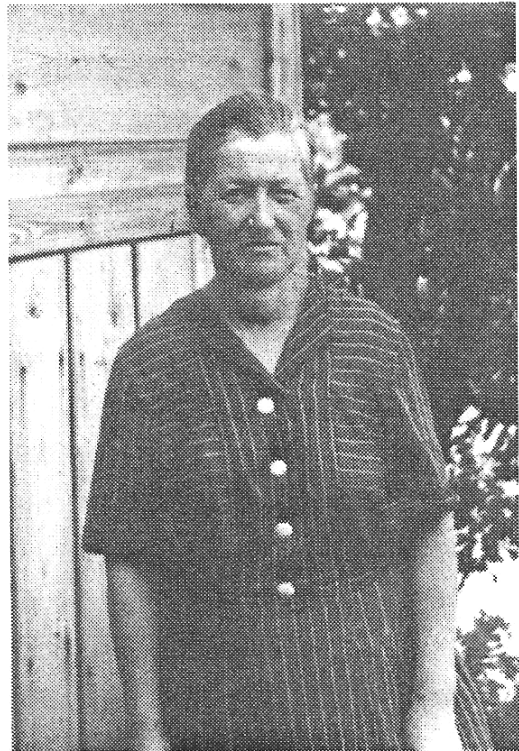
Еще запомнился один эпизод из этой поездки в Ленинград. У Николая Николаевича, отца Ваваки, праздновался день рождения. Конечно, были приглашены Вавака и Зина, но им неудобно было оставить меня, свою гостью, и они попросили у хозяев разрешения взять меня с собой. Разрешение было получено, и я, надев своё выходное лиловое бархатное платье, перешитое из мамино, с золотым маминым медальоном на шее, отправилась в гости. Там было очень много народа, мы с Вавакой не уместились за общим столом и сидели отдельно за маленьким столиком. Потом, перед чаем, все перешли в другую комнату и на какой-то момент мы с Николаем Николаевичем, (маминым первым мужем) остались одни. Он узнал мамин медальон, возможно, и мамино платье, и попросил меня открыть медальон. Он знал, какие фотографии в этом медальоне, там действительно были фото Николая Николаевича – гимназиста и маленькой Сони – моей сводной сестры. Я отказалась раскрыть медальон, сказав, что там совсем другие люди, хотя это было не так. Мне было обидно за маму. У него богатый дом, нарядная жена, изысканная еда на столе, много гостей. А мы с мамой в чужих проходных комнатах стараемся избавиться от крыс. Он, конечно, не виноват в нашей доле, я даже в какой-то степени к нему была привязана с детства, и всё-таки обидно за маму. Какая же тяжелая жизнь ей выпала на долю.

Рожала меня, чтобы мужа удержать, мужа не удержала, а меня теперь надо поднимать на старости лет.

Т. Извекова, 1946 г.

Великомская Е.С., 1943 г.

Извекова О.А., 50-е годы

Глава 15

Наступает _великое событие моей жизни! Моя первая любовь... Мне жаль людей, не испытавших чувства первой любви. Видов любви много: и материнская, и родительская, и дружеская, и всякие виды влюблённости. Есть настоящая любовь, когда ты уверена: «он, и никто другой» – счастлив тот, кто её обрёл, а если она еще и взаимна, то это и есть настоящее счастье. К сожалению, такие совпадения случаются редко, но случаются. Первая любовь, как правило, несчастна. Она наступает в 16 лет приблизительно, человек ещё не окреп физически и духовно, не говоря уж о материальной стороне дела. По тем или другим причинам она, как правило, распадается... вряд ли кто-либо женился или выходил замуж по первой любви, а если это и случалось, то, в конце концов, брак оказывался непрочным. И, всё-таки, какое это великое счастье – пережить чувство первой любви! Я его испытала. Моим «предметом первой любви» был Юрка Соловьёв. Мне было 16, ему 25 лет. Он только что вернулся с фронта, бежал из плена, словом был герой. Много ли надо девчонке в 16 лет?! Я была влюблена по уши. До войны он был студентом сельскохозяйственного института, он попробовал влиться снова в этот институт, но у него ничего из этого не вышло, несмотря на мамину помощь по математике. А пока у нас была любовь, как говорится, на «полную катушку». Обо мне и говорить нечего, ну а он, хоть и взрослый мужчина, увлёкся тоже. Как весело и счастливо мы проводили время. Ходили на каток, катались на санках с горы по нашей Провиантской улице. Гора была крутая, санки мчались вниз с Мичуринской улицы, пересекая Чернышевскую, спускаясь к Волге. По-видимому, в школе у нас была вторая смена, так как я в перемену выпрыгивала часто в окно к нему на свидания. Вот в театр мы не ходили, не в чем, наверное, моё бархатное платье было позже, обыкновенно сидели на скамеечке возле батареи и считали, сколько новых дырок появилось на моей юбке. Был мой первый поцелуй, и хотя Валентин целовал меня до этого, я поняла, что такое поцелуй, когда любишь. В 9-ом классе проходили по литературе «Что делать?» Чернышевского. Там Вера Павловна говорит: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

Правильно говорит. Те, кто целуются без любви, обедняют свою жизнь, обкрадывая самих себя. Думаю, что Юрка всё-таки любил меня, иначе зачем он это говорил мне, зачем он говорил мне, что дальнейшая наша жизнь будет зависеть только от меня. Был такой смешной эпизод. Как я уже упоминала, был еще один Юрка, наш сосед, Юрка Школьников, который тоже был ко мне неравнодушен. То ли из ревности, то ли из-за плохого солдатского воспитания, он спросил у Юрки Соловьёва, «тискает» ли он меня. Соловьёв был оскорблён за меня и за себя, и они жестоко подрались на лестничной клетке. Тётя Женя налила ведро воды и сверху вылила на них. Юрка Соловьёв под большим моим давлением рассказал о причине драки, конечно, никаких вольностей по отношению ко мне он никогда себе не позволял. Тётя Женя вспомнила, что это была вторая дуэль, при которой она присутствовала. Первая была, когда моей маме было 17 лет, и в Гатчине, возле бани, дрались два молодых человека. Это были мамин поклонник Отто и будущий мамин муж Коля, мама же в это время, сидя в помещении бани, решала задачки и плакала, выбрав, в конце концов, из них двоих Николая Николаевича.

Всё было хорошо, я «замирала», едва услышав его тяжелые шаги в солдатских ботинках по коридору (он жил на нашем же этаже), как вдруг всё изменилось... Я знала, что у него есть женщина в нашем доме, он мне сам об этом сказал, что будто бы она сама ему себя предложила, но не в этом было дело, я её знала и к ней совершенно не ревновала. Это ещё раз подчёркивает, что первая любовь – это наваждение чисто духовное, не связанное с сексом. Моя ревность взорвалась тогда, когда я увидела его из окна с моей знакомой девочкой из соседнего дома, идущим с ней под руку. Я и раньше его немного к ней ревновала, она была дочерью нашего управдома. Как-то Валя подвернула ногу на катке и Юрка провожал её домой, тогда они и познакомились. Но сейчас, когда я увидела их вместе, а Юрка стал что-то реже приходить, я хотела выброситься в окно с 5-го этажа. Разрыв! Но почему разрыв? Без всяких объяснений! После всего того, что он говорил мне! «Знать, не любил он, нет, не любил он, нет, не любил он меня», как поётся в романсе в «Бесприданнице». Эта кинокартина с Алисовой в главной роли прошла только что с

бешеным успехом. Гордость мне не позволяла вызвать его на объяснение. Так? Значит так! Будем считать, что ничего не произошло. Всё пустое. Бедная девочка! Только через лет сорок я узнала правду о нашем разрыве от своей школьной подруги Гали Завельской. Оказывается, моя мама ходила к нему и просила его меня оставить, так что его «измена» была просто инсценировкой по маминому заказу. По-видимому, мама убедила его, что будущего у нас нет и не будет. Наверное, она правильно сделала, но как жестоко. Это ещё один штрих к портрету моей матери. Юрка вскоре женился на своей довоенной однокурснице и уехал в Кемерово на родину жены. Много лет тому назад около меня пролетело какое-то дуновение, напомнившее мне о Юрке. Почему-то я решила тогда, что Юрка умер, и его душа прощается со мной, с человеком, которого он любил. Так или иначе, несмотря на все мои страдания, я благодарна судьбе за то, что она не обошла меня «первой любовью».

Понемногу я стала приходить в себя, молодость брала своё, школа шла своим чередом, дома, с приездом тёти Жени, стало легче, мама получала доцентскую зарплату, жить стало веселей. Пора было подумать о предстоящих выпускных экзаменах, о том, куда поступать учиться дальше, но думать не хотелось, хотелось безудержно веселиться. У Вали Шишкиной был брат Леонид, он заканчивал техникум и тоже собирался поступать в Университет, он был годами двумя-тремя старше нас. Мы часто бывали у Вали и завели там дневник, куда в ироничной форме записывали всё, что с нами случалось. Валя и Леонид были редакторами. К сожалению, дневник куда-то пропал, а было бы интересно сейчас его почитать. В нашем классе очень хорошо умела свистеть Лариска Симонова, причём по выражению её лица нельзя было догадаться, что свистит именно она. Мы не любили нашу химичку, и уговорили Лариску свистеть на уроке. На вопрос химички, кто свистит, мы говорили, что это сверчок за печкой. Она всё-таки заподозрила Лариску и подошла к ней. Бедная Лариска вынуждена была продолжать свистеть, иначе она бы себя обнаружила. Хулиганский номер удался. Какое-то время Дифка жила у нас, пока её мать была в командировке. Мы решили подшутить над Юркой Школьниковым. У нас была общая уборная с его квартирой. Мы на ночь положили на

стульчак бумажки, намазанные мёдом (лампочка в уборной перегорела). В результате, вместо Юрки пострадала тетя Клава, приехавшая погостить к нам из Москвы. К выпускному экзамену по химии писали шпиргалки на ногах повыше колена, под капроновым чулком всё хорошо видно, если сдвинуть юбку, сидя за партой. Занимаясь этим делом с Симкой Местецкой, мы не заметили, как наступила ночь. Чтобы разогнать сон, придумали такую шутку: чтобы попугать Юрку Школьникову, мы обернулись простынями с поднятой одной рукой вверх, получилось высокое «привидение»; если руку поднимать и опускать, то получается, что «привидение» кланяется. Постучали в Юркину квартиру, не повезло – вместо Юрки разбудили его отца, сначала он остолбенел, потом догадался. «Я вам юбки-то задеру!» – крикнул он и захлопнул дверь. Что-то с Дифкой мы писали на радио, якобы от пятилетних девочек, с просьбой пропеть какую-то песенку, не дождалось, наивными слишком были. Шутки, конечно, все глупые, но на то и молодость!

Время шло, прошли выпускные экзамены, прошел выпускной вечер. На выпускной мне было сшито новое, не перешитое, голубое в мелкую клеточку шелковое платье. Весь вечер я танцевала с мальчиком из 18-ой МСШ, Югаем по фамилии, имени не помню. Танцевали и танго под пластинку «Я понапрасну ждал тебя в тот вечер, дорогая». Пора было подумать, на какой поступать факультет. Валя Шишкина, золотая медалистка, подала документы на филологический факультет, туда же и Лариска Симонова. Мне тоже хотелось идти на филологический, но мама была решительно против. Она считала, что мне, как дочери «врага народа», дороги там не будет. Надо идти на математику. Там легче спрятаться от политики. Если $a = b$ и $b = c$, то всегда и для всех будет: $a = c$!

Таким образом, судьба моя была решена, я подала документы на механико-математический факультет, со мной подала документы туда же Верунька и Валин брат Леонид со своим товарищем по имени Нинель (Ленин наоборот). Дифка подала на физический, Галя Завельская и Сима Местецкая – в Медицинский институт. Вскоре начались вступительные экзамены. Из обмена впечатлениями выяснилось, что на физическом факультете очень мало девочек и сплошь красивые

видные парни. Мой же ответ был таков: на моём механико-математическом факультете не на кого взгляд положить, есть, правда, один, да и тот, как коромысло с двумя вёдрами. Дети и внуки мои! «Коромысло с двумя вёдрами» был не кто иной, как ваш отец и дед – Борис Булах. Почему «коромысло»? Потому что он был высокий и какой-то согнутый, сутулый (Юрка Соловьёв, как-то встретя меня на лестнице, бросил : «Что это за огурец около тебя увивается?»). Почему «с двумя вёдрами»? Борис жил в танковом училище, отец его был военным, школу он кончал общую, поступал в университет с двумя своими одноклассниками и всегда находился на первых порах в их обществе. Случилась курьёзное происшествие: был очень большой конкурс на наш факультет и приёмная комиссия решила усложнить задания по математике, чтобы легче произвести отсев. Мама была в приёмной комиссии и я, конечно, знала задачи, поэтому написала на пятёрку, остальные же, в том числе и Борис Булах, с заданием не справились, пришлось приёмной комиссии все двойки переделать на тройки. С Борисом Булахом мы учились в разных группах, группы делились по иностранным языкам. Я выбрала группу с французским языком, Борис и Верунька – с немецким. Школ с английским языком тогда было мало, английский язык только-только входил в моду. Первый вопрос, с которым Борис обратился ко мне, был такой: «Какие бранные слова ты знаешь на французском языке?». Мой ответ его не удовлетворил, я не знала бранных слов на французском языке. Со мной в одной группе училась Тамара Пискарёва, я её немного знала по предыдущей моей школе, 8-ой женской. Мы сразу же подружились и дружим до сей поры, только сейчас мы в разных городах; она в Саратове, я в Петербурге.

Начались лекции и практические занятия, а вместе с ними вечера на всех факультетах, которые мы с Тамарой не пропускали. С учёбой обстояло дело хуже; никто с тебя ничего не спрашивает, полная свобода – «гуляй Вася!». На лекциях сидим с Тамаркой – ничего не понимаем. Ну, ладно, до сессии ещё далеко. Зато поклонников у нас «пруд-пруды!»! Чтобы Тамарку пригласить на танец, очередь стоит. У меня их не так много, как у Тамарки, но всё же хватает. Кастерин делает за меня чертежи по начерталке (начертательной геометрии), Юматов

помогает по высшей алгебре. Тут вот, по аналитической геометрии задали по Адамару векторным образом теоремы доказать, сижу на лекции рядом с Борисом Булахом и пытаюсь что-то сделать. «Что, не получается?» – он спрашивает. Да меня на осине повесь, я ничего никогда не сумею доказать, думаю я. «Давай сюда» – говорит он. Моментально все теоремы были доказаны. Я с восхищением посмотрела на него. Вот это да! Бывают же такие умные! То ли я искру сумела заронить в его душу, то ли просто пожалел он меня, только когда я ухитрилась провалить все три экзамена в сессию, он подсел ко мне в Горьковской аудитории и сказал: «Гони всех своих поклонников к чёртовой матери, я один буду заниматься с тобой по всем предметам!» «Ну, хорошо, – сказала я. – Пойдём ко мне заниматься». Это был первый визит его ко мне. Мы действительно сели работать. Пришла мама, она уже знала, что я завалила и последний экзамен. Увидев у меня нового парня, она пришла в бешенство и выгнала его вон. Мы ушли вместе. По дороге он спросил меня, что ему делать, дескать, он воспитан в офицерских понятиях, а его выгнали из дома. Я сказала: «Ну что ж теперь, стреляться, что ли? Придёшь в другой раз». Борис, конечно, пришел и в другой раз, и стал ходить часто. Мама, видя, что мы действительно занимаемся, сменила гнев на милость. Я же отвела Бориса к Вале Шишкиной, попросив ту заняться им, довести до кондиции, то есть научить его танцевать и вообще ввести его в нашу компанию. Сохранилась фотография с одной нашей вечеринки: все наши мальчишки (Леонид, Нинель, Володя Юматов) в белых рубашках с галстуками, а Борис в серой тольденоровой рубашке, в кирзовых сапогах. Валька сетовала: «Вот связался черт с младенцем», имея в виду меня, «он мне все ноги отдал своим сапожищами», но танцевать она всё-таки его научила. Я всю жизнь с удовольствием танцевала с ним вальс, причём крутил он в вальсе в обе стороны, так что голова никогда не кружилась, а тут ещё открылась в Университете школа бальных танцев, мы с ним и туда ходили танцевать. Из него получился хороший танцор, и танцы прочно вошли в нашу жизнь.

Несколько слов о Володе Юматове. Он был постарше нас, первокурсников, был аспирантом на кафедре упругости и моим поклонником. Однажды, провожая меня домой, он признался мне такими словами: «Танечка, я не люблю Вас, я Вас обожаю!». Моим «героем романа» был, наверное, кто-то другой в это время, да и Володя вскоре уехал в Москву. Встретилась я с ним только через 50 лет, случайно узнав у Веруньки его московский телефон. Я была в Москве проездом и позвонила, сказав: «Володя, здравствуй! Звонит Таня Извекова, я в Москве проездом, сегодня поздно вечером уезжаю в Ленинград. Если хочешь повидаться, приходи на Ленинградский вокзал, поезд номер такой-то, вагон такой-то. Он пришел на вокзал за пять минут до отхода поезда, мы поговорили. Прощаясь, я смеясь спросила его: «Ну как, я изменилась за 50 лет?» «Чуток!» – улыбнулся он. Подсаживая меня в вагон, спросил: «Какова судьба того беленького мальчика, который перешёл мне дорогу?» Я ответила: «С этим мальчиком я прожила 40 лет!» С Володей я встречаюсь в Москве, когда там бываю, он сопровождает меня в московских музеях, водил меня в усадьбу Василия Васнецова, кстати, она в центре Москвы, присылает на праздники поздравления. Он доцент Московского Политехнического Института и, по-моему, до сих пор работает. Еще у меня были две встречи через 50 лет, о которых я расскажу позже.

Итак, сессия была пересдана во-время, так что я получила первую стипендию. Это были свои собственные деньги, и мы с Галей Завельской пошли в фотографию и сфотографировались. Это была первая нелюбительская студенческая фотография. К весне к нам приехал брат Алёша с женой Женей и маленьким сыном Колей. Коля был очаровательным мальчиком. Как-то к нам пришли с жалобой соседи и принесли со двора конверт с Колиной какашкой. Оказывается, Колины родители ленились подняться этажом выше до уборной и выбрасывали «это» в окно с 9-го этажа во двор. Отречься было невозможно, на конверте был адрес: Саратов, Провиантская, дом №7, кв. №87, Извековой Ольге Александровне.

Курс «с грехом пополам» был окончен, и мама в награду за мои мытарства купила мне путёвку в Одессу, в санаторий «Аркадия». Странно, многие мои подруги были гораздо

состоятельнее меня, например, Нина Кожевникова или Лиля Астраханова, но их родителям даже в голову не приходило отправить их куда-нибудь подальше от себя самих. В этом, наверное, и заключается провинциализм: сами из Саратова, за исключением редких случаев – поездок в Москву, никуда не ездили, поэтому и детей старались держать при себе. Другое дело мама, сама побывала во многих местах, приятных и неприятных, как-то: в Швеции, Норвегии, Германии, Украине, на Кавказе, в Крыму и... в лагере, и ей хотелось, чтобы и я побольше «окрест себя» увидела.

Итак, я в пригороде Одессы в Аркадии и мой санаторий называется «Аркадия». Как будто бы в это время у меня был неполадок с легкими или со щитовидкой, а, может быть, просто возрастное, не помню, но мама сочла, что покататься в Чёрном море мне будет не вредно, а Одессу посмотреть – тем более. Это было здорово! Второй раз я на Чёрном море. Здесь куда более живописно, нежели в Анапе. Половина Анапы – степная, и только с середины города начинается высокий берег – начало Кавказского хребта. Здесь же гористая местность, высокое плато, куда мы компанией ходим гулять, живописное побережье с большими валунами на берегу и в море, на которых мы загораем. А компания большая, только в нашей палате пять девушек, в основном местных, и одна женщина средних лет. Ну а там, где девушки, вестимо, и молодые люди. Все молоды, всем весело. Одна девушка, одесситка Соня, пригласила нас остальных к себе в Одессу на день рождения. Это была, судя по застолью, богатая еврейская семья, но видно было по всему, университетов здесь никто не кончал. Походила я и по самой Одессе, по знаменитой Дерибасовской, была в замечательном Одесском театре, гуляла по Потёмкинской набережной. В санатории мимо моего стола часто проходил крупный красивый парень и как-то нагло смотрел на меня в упор. Это был, как позднее выяснилось, украинец Лёня Попко, аспирант Львовского Политехнического Института. Как-то он пригласил меня вечером погулять, мы пошли на плато, гуляли, разговаривали. Наверное, он предполагал завести со мной очередной курортный роман. Мне было 17 лет, и к такого рода отношениям я готова не была. На следующий день он пригласил другую девушку, видимо, этот

вариант для него оказался удачнее, тем не менее меня он в покое не оставил и продолжал настойчиво ухаживать, но уже на моих условиях. Время мы проводили вместе и к концу пребывания в санатории обменялись адресами. Мы переписывались года полтора, письма его были содержательны и интересны. За это время он закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию.

Лето кончилось, начались занятия в Университете, на 2-ом курсе. На какое-то время занятия были перенесены на улицу Чернышевского, близ моего дома и, конечно, Борис стал чаще у меня бывать. Кроме того, мы с ним стали частным образом заниматься английским языком с американкой Дорой Яковлевной, маминой знакомой. К сожалению, эти занятия скоро прекратились, у неё был рак легких, и она вскоре скончалась в жестоких мучениях. Мама, обеспокоенная частыми посещениями Бориса, послала по почте открытку родителям Бориса, приблизительно такого содержания: (сверху было написано «совершенно секретно») «Ваш сын Борис целыми днями пропадает у нас. В результате у него будет воспаление мочевого пузыря, так как, находясь у нас, в туалет ходить стесняется. Довожу до Вашего сведения : у моей дочки голова набита только жеваными тряпками. Результат сессии будет более чем сомнителен» – О. А.Извекова.

В. Кузнецов
1946 г.

Извекова Татьяна, Завельская Галина
1946 г.

Глава 16

Моя будущая свекровь говорила, что эта открытка с надписью «совершенно секретно» обошла оба танковых училища, прежде чем попала к ним. Конечно, родители Бориса были очень обеспокоены, танковые училища расположены были за городом, трамваи вечером ходили плохо, пешком надо было идти через кладбище. А тут ещё один раз Борис и вообще не пришел ночевать! Возвращаясь поздно от меня и проходя мимо продуктового магазина, он попал в милицию по подозрению в краже (там в это время ловили воров, замели и его заодно). В «кутузке» просидел всю ночь, позвонить некуда, (телефонов нет ни у нас, ни у его родителей). Да ещё такое послание от мамы, причины для беспокойства были...

Родители Бориса попросили его привести меня к ним, хотели посмотреть, из-за кого их сын «пропадает». И вот после занятий мы отправились к нему. На мне было старенькое платье, перешитое из мамино, внизу по шву порванное и зашитое «через край», но шубка, хоть и тоже перешитая из маминой старой плюшевой шубы, выглядела на мне неплохо, тем более, что такая же шапочка, отделанная двумя кусочками норки, остатками от воротника, была очень даже мне к лицу. Мы зашли с Борисом в прихожую, родители Бориса были на кухне, пахло пирогами. «Раздевайся!» – Борис говорит, а мне хочется, чтобы родители увидели меня в шубке, в ней я лучше выгляжу, чем в платье. Но пришлось раздеться, видимо, родители не заметили нашего прихода, занятые на кухне. Познакомились, пробыла я там до вечера, отведала вкусных пирогов, словом, принята была ласково. Познакомилась с его сестрой Надей, школьницей пятью годами младше его. Его мама Ольга Ивановна мне очень понравилась, мне показалась, что она открытая, искренняя женщина. Потом Борис проводил меня домой. Наутро в университете я спросила его, понравилась ли я его родителям. «А ты не обидишься, если я скажу?» – спросил Борис. «Нет, говори», – сказала я. «Они сказали, что ты – такая же дура лопоухая, как и я». После того, как они меня увидели, уже так, как прежде, за сына не беспокоились.

Ну, а время шло своим чередом, и на зимние каникулы мы с Борисом поехали в Москву. От Саратова до Москвы – «рукой подать», вечером садишься в поезд, в полдень на другой день в Москве. Трудно было всегда с билетами – много желающих, не то, что сейчас, когда дорога стала очень дорогой. В Москве Борис остановился у подруги своей мамы, тети Капы, милой женщины, в то время, как с моим местом пребывания произошли осложнения. Я должна была, как всегда, остановиться у Бориса Павловича Беликова. Он меня встретил, но отвести к себе не мог по причине карантина по полиомиелиту, и отвёз меня на квартиру к Пелагее Яковлевне Кочинной, где я провела несколько дней. По окончании карантина Пелагея Яковлевна попросила Бориса Беликова меня забрать, что мне было очень неприятно и обидно. Как же так, думала я, они с покойным Николаем Евграфовичем приезжали до войны к нам в Ленинград и, наверное, останавливались у нас, да и папа в Москве всегда останавливался у них, а я помешала. Но хотя и было мне уже 17 лет, многого я недопонимала.

Это был 1948-ой год. Пелагея Яковлевна Кочина была к тому времени членом-корреспондентом Академии Наук, «государственным человеком» (в 1958 году была выбрана академиком), жила в академическом доме, где следили за теми, кто приходит в академические квартиры. За мной несколько раз заходил туда Борис, вероятно, это послужило причиной моего переезда. П. Я. Кочина умерла в июле 1999-го года в возрасте 100 лет! Случайно я была проездом в Москве, когда урну с её прахом подхоранивали в могилу мужа Н. Е. Кочина на Новодевичьем кладбище. Походила по кладбищу, как по музею, свежая могила с фотографией Галины Улановой напомнила мне довоенный спектакль «Щелкунчик» в Мариинском театре.

На протяжении всей моей жизни прослеживалась связь нашей семьи с семьёй Кочиных. Началась эта связь с моего детства. Я уже рассказывала о домашнем спектакле «Лиса, Заяц и Петух», рассказывала о том, что муж Пелагеи Яковлевны, академик Кочин, помогал в восстановлении маминых документов. Однажды, когда я была ещё школьницей, Пелагея Яковлевна, плывя до Астрахани на пароходе, заходила к нам на Провиантскую во время стоянки парохода в Саратове и оставила

мне книги по математике, принадлежавшие папе, с пожеланием ознакомиться с ними со временем. Книги, которые я не открыла (читатель знает, как я «любила» математику), с её письмом до сих пор лежат у меня на полке, как память об отце. Интересно, что сейчас я только что звонила в Бёркли своему приятелю – Грише (Григорию Исаковичу Баренблатту), чтобы уточнить дату смерти его тётки – Пелагеи Яковлевны Кочиной. Я всегда ему звоню, когда бываю в Америке. Через полтора года ему будет 80 лет, но он полон энергии. Он – профессор Университета в Бёркли и, по моему, академик нескольких академий в Америке. Сегодня он рассказал мне, что два месяца назад, в ноябре 2005-го года, получил во Флориде медаль им. Тимошенко – знаменитого русского математика-механика, причём из российских математиков-механиков только он один получил эту медаль. Он друг моего покойного мужа и мой друг, который нам очень помог в трудную минуту, но обо всём этом будет написано позднее. К воспоминаниям о П. Я. Кочиной я еще вернусь (не хочется нарушать хронологию моего повествования).

Каникулы в Москве мы провели хорошо, побывали в Большом театре на галёрке. Видели спектакль «Лебединое озеро» с балериной Семёновой в главной роли, слушали оперу «Князь Игорь» с Лемешевым. Сейчас трудно представить себе, чтобы студенты так запросто могли купить себе дешёвые билеты в Большой или Мариинский театр. Жизнь изменилась не в лучшую сторону. То ли слишком людей стало много, то ли хозяйствовать не умеем. По возвращении домой начался мой третий семестр в Университете. Господи, как же мне тяжело и не интересно было учиться! Как Борис ни старался что-то вбить в мою несчастную голову, всё это оказывалось безнадёжным, ведь «азов» математики я с самого начала не знала и не хотела знать. «We like that you know and we don't like what don't know»! (Мы любим то, что мы знаем, и не любим того, чего не знаем!). Почему-то эта английская поговорка мне запомнилась.

Начался 1948-ой год. Новый Год, как всегда, встречали у Тамары, у неё 30 декабря день рождения (несколько дней назад, 30-го декабря 2005г., я ей звонила в Саратов из Америки, куда я последние пять лет приезжаю из России на Рождество и Новый

Год, поздравила с 77-летием, в мае этого года и я буду отмечать эту дату, если доживу).

На Новый Год, 1948-ой, получила трогательное поздравление от Бориса, оно сохранилось: « Дорогая Ходенька! Я хочу, чтобы наступающий новый год был бы для тебя ещё лучше и счастливей, чтобы наша любовь стала ещё больше и прочнее. Я хочу, чтобы ты была бы самой счастливой на свете. Я очень хочу, чтобы у тебя было бы всё в порядке с лёгкими и чтобы ты была здоровой жизнерадостной девушкой, которая бы никогда не разучилась смеяться. Я желаю тебе, Ходенька, не иметь неприятностей с экзаменами. Я желаю, чтобы в твоей семье всегда было спокойно, и ты бы не имела неприятностей с мамой и тётёй Женей. И ещё одно нескромное желание, чтобы ты меня любила если не всю жизнь, то хотя бы половину». До нашей свадьбы оставалось два с половиной года. Это была середина второго курса, женились мы после четвёртого.

Учебный процесс как-то плохо отпечатался в моей голове. Помню, делала я доклад на семинаре о кривой Риано, будто бы эта кривая могла заполнить собой некоторую площадь. Аналитическую геометрию нам читал доцент Пензов. Во время сдачи экзамена, увидев у меня шпаргалку, он сказал: «Рыцарь на час». Что это могло означать? Думаю, ничего хорошего. Профессоров на факультете было всего двое: заведующий кафедрой геометрии профессор Вагнер и заведующий кафедрой теории упругости профессор Лехницкий. Позднее появился профессор Фалькович – заведующий кафедрой механики. Но все эти трое были настоящими профессорами, «не то, что нынешние». Забегая вперёд, скажу : мой будущий муж защищал докторскую диссертацию в Москве в 1962-ом году; за год до него защищался наш друг юрист Игорь Лукашук в 1961-ом году, так он «пустил» такую шутку: «1961-ый год – год великого перелома, в докторантуру пошел середняк».

Нынешнее поколение может не усмотреть «соли» в этой шутке. В начале советской власти годом великого перелома назывался год, когда в колхоз пошел «середняк», «кулаки» были ликвидированы «как класс», в колхозе до этого была одна беднота. Конечно, это шутка, но, как всегда, в каждой шутке есть доля правды. Саратов в сороковые годы – не Петербург начала

XXI века, но всё-таки профессоров расплодилось слишком много, на одной только нашей кафедре высшей математики бывшего текстильного института (теперь Университета Легкой Промышленности и Дизайна) пять профессоров.

Так или иначе, с великим трудом я дотянула до конца 2-го курса, бедный Борис ухитрился залезать на деревья, чтобы я могла увидеть через окно его подсказку. Наконец, мама, видя, что «не в коня корм», отпустила меня на все четыре стороны. Правильно папа мне говорил в детстве: «Не будь лётчиком, пожарником и математиком!» Значит, два года из жизни вычеркнуто. Вся вымученная двухгодичная математика соскользнула с меня, как будто бы её никогда и не было.

После окончания 2-го курса механико-математического факультета я поехала в Ленинград начинать новую жизнь. Я решила поступать в Институт Иностранных языков на немецкое отделение и отнесла туда документы. До экзаменов было ещё далеко, в Ленинград приехали развлечься Нина Кожевникова и Наташа Серебренникова, мамина студентка. Они остановились в Вавакиной квартире на Таврической. Вавака с семьёй жил на даче в Лисьем Носу под Ленинградом. Это была государственная дача, полагающаяся Николаю Николаевичу, как ректору Заочного Политехнического Института. Вавака в ней занимал со своей семьёй 2-ой этаж и пригласил нас с мамой туда же. Мне, конечно, на даче жить было не интересно и я всё время проводила с Ниной и Наташей в городе. Каждый день мы втроём ездили на Невский обедать в кафе на углу Невского и канала Грибоедова, сейчас там метро. И это было совсем недорого, вполне доступно. Попробуй сейчас пойти пообедать нормально в кафе или ресторан! У нас в стране живётся хорошо только богатым. А может, так и всегда было в России. Как-то заехал за мной Анатолий на мотоцикле и мы поехали с ним в Гостилицы – пригород Ленинграда в районе Петергофа. Гостилицы – родина Кати, жены Анатолия, их старший сын – мой крестник. Там я набрала много малины, моей любимой ягоды. По возвращении в город решила сварить варенье, но перепутала сахар с солью, пришлось всё выбросить! А между тем, время шло, и я готовлюсь к вступительным экзаменам, но тут приходит письмо от Бориса, длинное, на четырёх страницах, с большим количеством ошибок.

Смысл такой: « Милая Ходенька! Вернись! Кончу я за тебя этот дурацкий факультет!» Помню, я подчеркнула ошибки красным карандашом, отослала письмо обратно и... вернулась.

Нижний ряд: Извекова Татьяна, Закова Юля
Верхний ряд: Борис Булах, Тамара Пискарева, Сергей Федоров

Глава 17

Вернулась то я вернулась, но надо было что-то менять в своей жизни, так продолжаться не может. И я устала, и факультет от нас с Тamarой устал. Мы с Тamarой переводимся на физический факультет, тем более, что нам всё засчитывается, мы, ничего не теряя, переходим на 3-ий курс. У меня, конечно, настроение неважное; если в школе в математике я немного разбиралась, то в физике я ни «бум-бум».

А что делать? На филологический меня уже и не приняли бы, даже если бы я и попыталась, «поезд ушел». Мама утешает: надо перевалить только через 3-ий курс, дальше проще будет, пойдешь на геофизику. На прощание со старым факультетом я уговорила Тамару поиграть в... чехарду, пока никого в коридоре не было. Бедная Тамара, мало того, что на занятиях французского языка я ей подсказывала склонение (je sui jīmá), так тут я не сумела перескочить через неё, сев на её спину. Она полминуты постояла «в позе» и рухнула, и я вместе с ней.

На физфаке мы попали в Дифкину группу, ребята нас приняли хорошо. Контингент был совсем другой; мало девочек, много мальчиков. В то время все увлекались кинокартиной «Тарзан», поэтому «ходил» такой анекдот: «После жизни в джунглях Тарзан, Джени и обезьянка Чита оказываются в цивилизации. Тарзан поступает учиться в институт физкультуры и спорта, Джени в институт иностранных языков, а Чита на физический факультет. Они через некоторое время встречаются и обмениваются впечатлениями. Тарзан говорит, что он чемпион по всем видам спорта, Джени говорит, что она сталинская стипендиатка, а Чита сказала, что особенных у неё успехов нет, но зато она самая интересная девушка на факультете».

На моём 60-летию Юра Альтшуллер, который в ту давнюю пору был на физфаке аспирантом, рассказал: «Прибежал в лабораторию Штромбергер и говорит : пойдём посмотрим, там на третьем курсе две хорошенькие девчонки появились». Себя я хорошенькой никогда не считала (другим видней), а что касается Тамары , то да... Когда весной выбирали по всем факультетам самую красивую девушку, которая бы олицетворяла Весну, то выбрали её. В связи с этим вспоминаю первое впечатление,

которое я произвела на Бориса (об этом он мне поведал, когда мы были уже женаты). Мы ходили всегда втроём: Верунька, я и Тамара. Борис, про меня: «Как она не понимает, что рядом с этими красивыми девушками она много теряет». Позже Верунька у него спросила: «Борис, мы всегда были втроём, почему ты выбрал Татьяну?» Он ответил: «Потому что вы с Тамарой – рыбы».

Я у читателя моих записок прошу прощения, если я где-нибудь повторяюсь. Очень трудно этого избежать при моём «нырянии» из настоящего времени в будущее и в прошлое. Мы жили, как я уже писала, втроём: я, мама и тетя Женя, мы все были «бомжи», ни у кого из нас не было постоянной площади (тетя Женя была еще до войны выслана из Ленинграда в Вятку(Киров). И вот, благодаря маминой неуёмной энергии, мы официально получили отдельную двухкомнатную квартиру. Так как денег на взятки у нас не было, а манна с неба, как известно, не сыплется, то я думаю, немало мама дала бесплатных уроков по математике и английскому языку.

Свершилось великое чудо. Квартира была в этом же доме по среднему коридору. Мама с тетей Женей жили в большой комнате с высоким потолком, а я «на антресолях» с низким потолком, но это было вроде отдельной комнатью. На самом деле, это была однокомнатная трехэтажная квартира. Но это было *своё!*

Зимой к нам приехала в гости мамина подруга детства Ольга Матвеевна Бер. Её отец служил у Пассовера поверенным, поэтому девочки дружили с пяти лет. Оказывается, у мамы было в детстве прозвище «Зая», так её Ольга Матвеевна всегда и звала. Её приезд совпал с моей первой сессией на физфаке. Из трёх серьёзных экзаменов я всё-таки один завалила – электродинамику доценту Ковнеру. Дома я рыдала во весь голос. Я очень хорошо это помню.

Я рыдала не потому, что мне было стыдно, а потому, что мне надо опять карабкаться на эту «отвесную стену». Меня даже мои домашние жалели, а Ольга Матвеевна подарила мне аметист в красивой серебряной оправе, чтобы только я утешилась. Готовясь к переэкзаменовке, я иногда прислушивалась к разговору трёх женщин, находящихся на восемь ступенек ниже

меня. Как слышно было из разговоров, Ольга Матвеевна очень была обеспокоена моим будущим. Она внушала маме, что я должна выйти замуж так, чтобы «возвратиться в прежнюю грядку», и у неё есть для этого подходящий жених для меня. Жених этот не кто иной, как Миша Лозинский, сын известного поэта-переводчика, ему 38 лет, он – доктор физико-математических наук, профессор, заведует кафедрой в военно-воздушной академии, живёт в огромной квартире на Петроградской вместе со своим знаменитым отцом и матерью. Родная его сестра Наташа замужем за Никитой Толстым, сыном писателя Алексея Толстого (сама Ольга Матвеевна была приятельницей стариков Лозинских.)

Экзамен я в конце концов пересдала, наступали зимние каникулы, и мы большой кампанией (человек семь-восемь) собираемся в Ленинград. Я заранее получила разрешение у Анатолия поселить мальчиков (Бориса, Тольку Иванчука, Володьку Заграфова) у него на улице Петра Лаврова, а нас, девочек - меня, Тамару, Дифку, Юлю Закову – в комнате моего брата Алёши на Кирочной, которая в это время была свободна. Обедать мы должны были приходить на Таврическую к Ваваке. Но вдруг Борис (студент 3-го курса) заболевает скарлатиной и его кладут в больницу, в палату с маленькими детьми. Сосед его, маленький мальчик, очень быстро стал его звать папой. Родители ребёнка были очень довольны и спрашивали меня, не курит ли мой молодой человек, хотели принести ему в презент папиросы. Итак, Борис отпадает, но остальные-то все собрались и, если я не поеду, все планы остальных рухнут. Это я всех пригласила, и для них это первая встреча с Ленинградом. Значит, я должна ехать, и Борис тоже так считает. И мы поехали.

В Ленинграде к нам присоединились мои ленинградские друзья: Изя Рабинович, Миша Кошляков и саратовский Юлин друг Серёжа Фёдоров – курсант военно-морского училища им. Дзержинского. Итак, нас 9 человек, заведует общей казной Толя Иванчук, гуляем все вместе, знакомимся с достопримечательностями моего родного города. Были всей компанией в гостях у Изи, его родители очень тепло нас приняли. Миша пригласить к себе нас не мог, но одна я всё-таки к нему заскочила. Я уже писала о том, что его отец, член-корреспондент

Академии Наук Н. С. Кошляков был арестован вместе с моим отцом. Его отец выжил, но в настоящее время был в заключении под Москвой, проработав предварительно в Соликамске 8 долгих лет. Так как он был инвалидом и на тяжелых работах работать не мог, ему уготовано было место уборщика в бараке. Вместо просторной довоенной квартиры у площади Льва Толстого, семья ютилась в подвальном помещении в одной комнатёнке на улице Куйбышева. Екатерина Арсеньевна была больна туберкулёзом, в комнате вместо стола была большая длинная доска, с одной стороны к которой была приверчена мясорубка, на другом конце старший брат Миши писал кандидатскую диссертацию. Но один раз в месяц в оставшееся время до окончания 10-летнего срока заключения им разрешали свидание. С материальной помощью академика Владимира Ивановича Смирнова (царствие ему небесное!), друга Н. С. Кошлякова, они ездили в Москву на свидания. В 1951 году Кошляков вышел из заключения, его восстановили в звании члена-корреспондента Академии Наук, дали хорошую квартиру в Москве на Соколе, вверили институт, даже какой-то орден дали, но вышел он совершенно больным, и не прожил на воле и двух лет. Нашу с ним встречу я опишу позднее.

Итак, мы весело проводили время в Ленинграде, Мише очень понравилась Тамара и он шутливо предлагал ей руку и сердце и 4 кв.м площади (он был отдельно прописан в 8-метровой комнатке). По вечерам мы собирались у нас, девчонок, на Кирочной, и я, от нечего делать, предложила игру – хохму. Я рассказала ребятам, как маминой подруге не терпится выдать меня замуж за Лозинского, которого я в глаза не видела, и мы решили пошалить. Мы в справочном узнали его телефон, а от Ольги Матвеевны я слышала, что в эвакуации он был в Йошкар-Оле. И вот, я ему позвонила и наплела, что мы, дескать, с ним виделись в Йошкар-Оле и хорошо бы встретиться в Ленинграде, куда я приехала на неделю. Он стал меня расспрашивать, кто я такая, но я отшучивалась, встретимся, мол, узнаете (мы решили назначить ему свидание у «Медного всадника», посмотреть на него, но себя не обнаружить, словом, хулиганили). Он не соглашался на такое свидание, говоря, что несколько раз был обманут. Между прочим, Ольга Матвеевна рассказывала, что у

Серёжи очень плохой характер, что он завидный жених в Ленинграде, что ему без конца назначают свидания, что родители очень хотят, чтобы он поскорее женился и т. д. В общем, мы несколько вечеров проговорили впустую, скоро уезжать, уже все мои родственники знают о моей безобразной выходке, надо интригу как-то заканчивать. И вот, наступает решительный разговор, я звоню с Таврической в присутствии Зины, жены моего брата. Передаю разговор. Я: «Здравствуйте Сергей Михайлович (не трудно было сообразить, что отчество его – Михайлович)! Я хочу Вам открыться. Мы с Вами ни в какой Йошкар-Оле не встречались, просто я знала, что вы там были в эвакуации. Дело в том, что одна наша общая знакомая, я не буду называть её имени, очень хочет, чтобы я вышла за Вас замуж. Согласитесь, я должна была посмотреть на Вас, поэтому и были мои предложения насчёт «Медного всадника». Конечно, Вы были правы, я бы себя не обнаружила, простите меня». В трубке молчание..., потом ответ: «Вы – интересная девушка, я хочу с Вами познакомиться. Только на свидание я все-таки не пойду, приходите Вы ко мне». Я: «А Вы меня с лестницы не спустите?» Он: «Нет, обещаю!» Я: «Я уезжаю послезавтра, я могу завтра в 5 часов». Он: «Я жду Вас, адрес такой...»

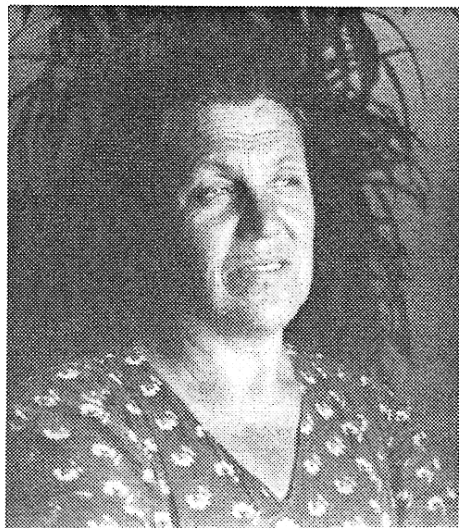
На другой день у нас были билеты в Мариинку на балет «Красный мак», начало в 8 часов. Заранее приготовившись к театру, я надела недавно сшитое светло-серое шерстяное платье, повесила на шею аметистовый кулон и была «ничего себе» в свои 18 лет. Всей саратовской кампанией из 6 человек (Серёжа и Изя должны были подойти прямо к театру, не помню, ходил ли Миша с нами в театр) мы отправились на «моё свидание». Все ленинградцы знают этот дом на Петроградской, на нём мемориальная доска в честь поэта-переводчика М. Лозинского, к сыну которого я шла. Ребята остались внизу «болеть» за меня, всё-таки мы вместе дурачились, а отвечать сейчас мне одной придётся. Я поднялась по лестнице и позвонила в указанную квартиру. Дверь открыл мне высокий человек в форме полковника с удивительно знакомым голосом (ведь неделю до этого мы почти каждый день разговаривали с ним по телефону). Он снял с меня пальто и предложил мне пройти в его кабинет. Это была большая комната с мебелью красного дерева, вся

установленная книжными шкафами. Посреди вдоль комнаты стоял большой письменный стол, сзади которого было рабочее кресло, а перед столом стояли друг против друга два глубоких мягких кресла и то ли торшер, то ли большая настольная лампа. (Я описываю кабинет так подробно, вдруг моим внукам захочется опубликовать мои записки, так чтобы писательница Татьяна Толстая узнала кабинет своего родного дяди, даже если его фамилия будет изменена). Надеюсь, что у внуков хватит чувства юмора, чтобы понять, что я пошутила насчёт Татьяны Толстой, я просто хочу показать в какой обстановке проходил наш разговор. Сергей Михайлович предложил мне занять кресло, сам сел в другое, взяв лист бумаги и карандаш. Ну, сейчас начнется допрос, труханула я. «Как Ваша фамилия?» – спросил он. «Извекова» – ответила я. «Вы не родственница известному профессору Извекову?» – спросил он. «Я его дочь», – ответила я.

Он с интересом посмотрел на меня, извинился и вышел из комнаты. Ну, думаю, сейчас позвонит в милицию и меня заберут. Нет, возвращается с подносом, на котором две чашки чая, пастила, мармелад и приглашает к маленькому столику. Мы пьём чай и болтаем. Я ему говорю: «Я уже Вам сказала, что общая наша знакомая, имени её я не назову, ну просто очень хочет, чтобы я за Вас замуж вышла, мне было интересно на Вас посмотреть, но Вы не беспокойтесь, у меня есть жених, правда, он сейчас скарлатиной болеет, но у меня в плане выйти за него замуж». Он захохотал: «Как это скарлатиной болеет, сколько же ему лет?» Я ответила: «Он мой ровесник – студент 3-го курса механико-математического факультета Саратовского Университета, во время переболеть скарлатиной не успел». Рассказала ему, что живу и учусь в Саратове на 3-ем курсе физического факультета, приехала на зимние каникулы в Ленинград. А сейчас я должна извиниться, поблагодарить его за чай, я сегодня иду в Мариинский театр на балет «Красный мак». «Могу ли я проводить Вас в театр?» – спросил он. «Вы знаете, там внизу у Вашего дома меня ждут шестеро моих саратовских друзей, которые приехали со мной и мы вместе идём в театр», – ответила я.

Он проводил меня в переднюю, подал пальто, попросив: «Дайте мне слово, что когда Вы приедете в следующий раз в

Ленинград, Вы мне позвоните». Я пообещала, но обещания своего не выполнила. Это была шутка юности, может быть, даже в какой-то степени неприличная, но на то и юность человеку дана, чтобы не только благоразумные поступки совершать. С С. М. Лозинским у нас ещё скрестятся дороги, но это потом, в дальнейшем моём повествовании.

О.И. Булах, 1950 г.

Л. Попко и Т.Извекова, 1949 г.

Глава 18

По приезде в Саратов я застала выздоравливающего Бориса дома. К сожалению, не обошлось без осложнений, ревмокардит. Всё-таки детскими болезнями предпочтительней переболеть в детстве (недаром меня сознательно заражали корью в 10-летнем возрасте в Анапе). Борису я всё рассказала, секретов от него у меня не было, тем более, что по окончании 2-го курса у нас возникла мысль пожениться, но родители, конечно, восстали. И правильно сделали! Начались занятия, лабораторные работы, словом, студенческая жизнь закрутилась. На физфаке, хоть и было много интересных парней, никто за мной не ухаживал, я считалась уже как бы «занятой». Всё свободное время мы проводили с Борисом и, конечно, были влюблены друг в друга.

Как-то мы с Борисом решили покататься на лодке по Волге. Лодку взяли у нашего спуска к Волге, недалеко от нашего дома. Это была вторая половина дня, я была в хорошем платье и в туфлях на высоких каблуках, и Борис был соответственно одет. До сих пор у нас были прогулки в основном на яхтах, в нашей кампании Нинель и Леонид были яхтсменами и водили яхты вверх по течению к Зелёному Острову. Мы же с Борисом сели в лодку значительно ниже по течению.

К Казачьему Острову мы никогда не плавали и не знали, что в этом месте очень сильное течение. Поначалу было всё ничего, но потом мы попали в сильное течение и никак не могли выгрести к берегу острова. Борисовы брюки лежали на носу лодки. Я не помню, что произошло, но лодка перевернулась, брюки понесло по течению. Я как была, в платье, на каблуках бросилась вплавь «догонять» брюки. Туда было плыть по течению легко, обратно с брюками еле-еле. Лодка была тяжёлой, перевернуть обратно мы её не смогли, и всё, что мы могли сделать, так это плывя к берегу острова, подталкивать её. Наконец, почувствовав дно под ногами, мы почти волоком у самого берега острова перевезли её в тот край острова, с которого (с учётом силы течения) мы могли бы, сев в лодку, кратчайшим образом добраться до того места, где начался наш безумный маршрут. Помню, что трусы у Бориса в результате «кораблекрушения» порвались, тащил он лодку спереди, а я сзади,

мне оставалось только делать вид, что я ничего не замечаю. Слава Богу, что всё благополучно закончилось.

С Лёней Попко переписка продолжалась, но надо было как-то не вводить его в заблуждение, а я не решалась с ним поступить, как поступила в своё время с Валентином. В последнем письме он мне написал, что летом поедет подлечиться в Евпаторию, а мама мне купила путёвку в Ялту, не столько подлечить мои лёгкие, сколько посмотреть Крым. Сдала сессию на тройки (квантовую механику сдала на твёрдую четвёрку, и вот как это было: я взяла хорошие прошлогодние лекции у Коли Сидорова, мужа Лили Астрахановой, и разобралась в них; получив билет у доцента Шехтера и подготовившись к ответу, я нарочно опустила некоторые дополнения с надеждой, что он о них спросит – так и получилось, он даже призвал ребят послушать, как я отвечаю, но на каком то пустяке я срезалась и он поставил четвёрку).

В конце июня я вылетела в Симферополь и автобусом прибыла в Ялту. Нет слов, чтобы рассказать, в каком восторге я была от Крыма! В Ялте я встретила двух знакомых, с которыми поочерёдно проводила время. Это были научный сотрудник физфака Штромбергер и Лёнька Шехтер, племянник доцента Шехтера. Мне хотелось проводить время втроём, всем вместе, но не получалось, они как одинаковые полюса магнитов отталкивались друг от друга. Лёнька был курсом моложе меня и, возможно поэтому для Штромберга Лёнька был будущим студентом, а я его вакуумную лабораторию уже «сдала». Так или иначе, обоим хотелось находиться в моём обществе. Мы объехали (поочерёдно) все интересные места южного берега Крыма. Срок моей путёвки в Ялте истёк, Лёнин срок в Евпатории продолжался. Мы предварительно в письмах договорились о встрече: приедет тот, у которого раньше истечёт срок путёвки. Я попрощалась с попутчиками, села вечером в Ялте на пароходик и утром была в Евпатории. Лёня встречал меня и отвёз в гостиницу, где он заранее забронировал мне место. Это была небольшая татарская гостиница, где я переночевала одну ночь в четырёхместном номере. Устроив меня, он уехал в свой санаторий, договорившись со мной о встрече днём, после обеда. Мы встретились и провели время до позднего вечера. У каждого из нас работали мысли в разных направлениях. Он собирался сделать мне предложение, а я – в возможно мягкой

форме ему отказать. Мы долго гуляли по берегу моря, проходя мимо Собора, он сказал: «Давай обвенчаемся тут же, сейчас!». Пришлось выкладывать ему горькую правду. Я не была уже той девчонкой, которая просто и легко написала Валентину после трёхлетней переписки, что между нами ничего не было и нет. С Лёней мы переписывались два года, и я уже знала, что любовь это очень сильное чувство, обжегшись на своей первой любви в 16 лет. Конечно, Лёня не мальчик, переживёт, конечно, я могла с ним не встречаться и написать о разрыве, но я сама была ранена и поняла насколько это тяжело, и поэтому мне хотелось всё ему объяснить, чтобы он понял меня. Я ему рассказала о Борисе, о том, что для меня Борис – моя судьба, что у меня полная уверенность, что он именно тот, про которого говорят: «он и никто другой!» Да, мы ровесники, и я могу постареть раньше его, но я уверена в его любви, и другой вариант для меня невозможен. Поздним вечером в парке мы расстались, он проводил меня до гостиницы, ранним утром я уехала поездом в Симферополь. Это было лето 1949-го года. Через год мы с Борисом поженились.

В 1962-ом году, после защиты моим мужем докторской диссертации, мы собирались ехать на лето в Закарпатье, в Мукачево. Я написала впервые после нашей разлуки Лёне во Львов, о том, что буду проездом во Львове в течение двух часов, и если он хочет встретиться, пусть мне даст знать. Через некоторое время я получаю из Львова письмо от Лёниной матери, в котором она пишет, что Лёня скончался 7 лет назад. Инфаркт. Во время пересадки во Львове я оставила детей с Борисом и тётёй Женей и поехала по Лёнинуму адресу. В квартире я застала Лёнину мать, он был единственным сыном, жили они вдвоём. Кухня была полна живых цветов, она собиралась на кладбище. Она провела меня в его комнату, над его кроватью висела моя фотография. Вернувшись на кухню, я поцеловала цветы, которые она собиралась нести на кладбище, она поцеловала меня. И я ушла.

Я опять отвлеклась от основного изложения. Начался 4-й курс, стало значительно легче учиться. Были переформированы группы по специальностям. Мы – Тамара, Толя Иванчук и я – пошли на геофизику. Саратов – район с газовой промышленностью, поэтому отделение геофизики было тесно связано с промысловой геофизикой. К сожалению, для чтения

лекций в большинстве своём приглашались люди из Геофизического треста. Некоторые из них были очень слабой квалификации, но от них зависело наше распределение. Например, сейсмоку нам читал чуть ли не начальник треста, и «читал» со своей тетрадки буквально, приблизительно так: «возьмём формулу № 239 и перейдём к формуле №230 (всё-таки «готовился» – переписывал с книги в тетрадь). Борис на матмехе был один из лучших студентов, там было трое самых способных ребят: Барановский, Малов и Булах. Я всегда поражалась способностям Бориса. Он сдавал экзамены без всякой подготовки. По окончании последней лекции он подходил к преподавателю и просил того принять у него экзамен. Преподаватель говорил: «Хорошо, я сейчас перекушу и приду». Борис в ожидании лектора быстренько перелистывал лекции и, в конце концов, получал свою пятёрку. Однажды вышла заминка. Общую физику нам читал профессор Калинин. Читал небрежно, по-видимому, аудиторию математиков и механиков считал менее достойной, чем аудиторию физиков. Лекция проходила в Горьковской аудитории физического корпуса. Эта аудитория многоярусная, где-то в 3-ем или в 4-ом ряду Борис с Новичковым стали играть в шахматы. Калинин заметил это и выгнал их вон. Парни устроились доигрывать партию на подоконнике у двери, из которой должен был выйти лектор.

Калинин хорошо запомнил Бориса и несправедливо на экзамене поставил ему четвёрку. Вопрос был, насколько я помню, о «чёрном теле», и Борис всё ответил ему правильно, что и не преминул сказать об этом Калинин, но тот остался непреклонен (думаю, что четвёрку поставил за нахальство). Борис был всегда равнодушен к оценкам, но здесь его «заело». Он пошел к заведующему кафедрой оптики и попросил о передаче экзамена. Профессор Кац принял у него экзамен и поставил пятёрку. Я несколько не оправдываю в этой истории Бориса, избытком воспитанности и корректности в ряде случаев он не страдал, но математику, механику и физику знал, и поэтому был иногда слишком самоуверен. Вот с русским языком у нас было плоховато.

Когда он кончал школу, директорша вызвала его к себе и сказала: «Борис, ты идёшь у нас на серебряную медаль, умоляю, когда будешь писать сочинение, составляй предложения только из трёх слов: подлежащее, сказуемое и глагол-связка, иначе мы не

сможем поставить тебе четвёрку». Вот такие у него были заторы с русским языком и, что странно, это в какой-то степени передалось детям (дочь имела в аттестате одну четвёрку, и ту по русскому языку). С сыном было хуже, преподаватель по русскому языку сказал мне так: «Я знаю, что Ваш сын из интеллигентной семьи, но с такой неграмотностью я встречаюсь впервые». Итак, учебный процесс шел своим чередом, а в нашей личной студенческой жизни надвигалось важное событие. Выходила замуж первая из нас девушек, красавица Верунька. Ее муж, Вадим Русин, старше нас курсом, в этом году окончил мехмат и получил распределение в Москву, в Подлипки, где до сей поры они и живут. Свадьба проходила за городом в доме сестры Вадима, вокруг дома был сад с упоительным запахом расцвётшей сирени, мы с Борисом целовались в кустах и говорили о том, что и наша свадьба не за горами. У нас, девчонок, начиная с Верунькиной свадьбы, появилась традиция дарить друг другу на свадьбу янтарные бусы. Первая их получила Верунька, вторая, через месяц с небольшим, я. Третьей по счёту была Дифка, потом Юля. Тамара, Галя Завельская, Лариса Симонова выходили замуж позднее, а Валя Шишкина, в своё время пренебрёгшая завидным парнем Барановским, (я уже упоминала о нём, как одним из трёх способнейших студентов матмеха) замуж не вышла. Каждому предначертана своя судьба.

В начале июня началась практика. Я её проходила в городе, в Геофизическом тресте. Диплом у меня был по теме карротажа скважин, лаборатория находилась в городе, смутно помню, что работа моя заключалась в расшифровке графиков. Тамара и Толя Иванчук как сейсмоки должны были ехать на практику в поле в Саратовскую область. В начале июня мы с Борисом их провожали на вокзале. С подножки вагона они крикнули нам: «Не поженитесь без нас!» Мы что-то им ответили, вроде того, что не беспокойтесь, подождём вас, и пошли на 7-ми часовой сеанс в кино на венгерскую картину «Огонь». Потом Борис проводил меня домой, это было уже около 10 часов вечера, почему-то ни мамы, ни тёти Жени не было дома. То ли кинокартина подтолкнула нас к окончательному решению (содержание её не помню абсолютно), так или иначе, мы твёрдо решили пожениться и тут же поехали к родителям Бориса сообщить им об этом. Ввалились мы к ним часов

в одиннадцать, реакцию их не помню, во всяком случае они не очень удивились, так как речь об этом уже и раньше шла. Назначен был день свадьбы на 10-ое июня, в день 21-летия Бориса. Мне 21 год исполнился месяц назад, 4-го мая. На другой день была послана приглашительная телеграмма Тамаре и Толе Иванчуку, которая пришла раньше их приезда на место практики. Тамару отпустили, а Толю нет (нас на практику оформляли как на работу, и мы неплохо заработали за два месяца). У себя на работе я подала курьёзное заявление: «Прошу дать мне отпуск на 3 дня, ввиду необходимости выйти замуж». Наша общая «дешевая» портниха, жившая неподалёку на Радищевской улице, уезжала на два месяца к своей дочери в другой город и предложила нам, будущим молодожёнам, пожить в её комнате. Комната была на втором этаже в двухэтажном доме с туалетом во дворе. Но мы всё равно были рады воспользоваться её предложением.

Свадьба была на территории 2-го танкового училища, где в двухкомнатной квартире жила семья Бориса. В день свадьбы свёкр Михаил Дмитриевич подарил мне золотой перстень с каким-то камнем. Перстень просуществовал на моём пальце один день, когда я проснулась на другой день, его на моём пальце не было. Шептались: «плохая примета». Люди, не верьте приметам! Мы 40 лет счастливо провели вместе. На свадьбе было много народа, свекровь Ольга Ивановна пригласила специально кондитера, чтобы тот испёк торт, хотя сама была отличной хозяйкой. Вот платье свадебного у меня не было, перешили из мамино подвенечного платья сорокалетней давности. Платье было хоть и белое, но шерстяное, видно, мама выходила замуж зимой; в июне же, да ещё в Саратове, было в нём жарковато. Я дала себе слово сшить себе свадебный наряд на десятилетие нашей свадьбы, что и сделала в своё время. Моя замечательная мама к нашему решению пожениться отнеслась крайне прохладно, сказав: «Если я тебе скажу «нет», ты всё равно сделаешь по-своему, выходи, разведешься в крайнем случае». Соответственно, и тост она произнесла на свадьбе такой: «Тут много поздравлений и подарков было, а я дарю 2000 рублей... на развод (у всех «отвисла челюсть»); не удивляйтесь, пожалуйста, сейчас надо за развод платить – и немалые деньги, допустим, молодые люди захотели

разойтись, а денег нет! Так пусть у них всегда будут деньги на развод». Моя мама всегда отличалась большой оригинальностью.

В общем, свадьба прошла весело, как и все свадьбы, много гуляли в местном парке, Ленька Шехтер фотографировал, и его любительские фотографии были гораздо лучше официальной свадебной фотографии. Ленька подарил нам стеклянную салатницу, на дне которой была записочка – «для маленьких Додиков». Вазочка до сих пор стоит у меня в серванте, Леньки уже очень давно нет в живых, он лет сорок тому назад «облучился». Хороший и добрый был товарищ, я до сих пор жалею, что не пригласила его с нами тогда в Ленинград, потом я узнала, что ему очень хотелось, но сам стеснялся об этом сказать. Вот как в жизни получается – человеческая жизнь более хрупка, нежели склянка.

После свадьбы все гости вместе с молодожёнами на трамвайчике поехали в город и разошлись по домам. И мы с Борисом отправились на свою временную квартиру. Наша жизнь ещё не была самостоятельной. Утром я уходила на работу, что делал Борис – не помню, по-моему, у него никакой практики не было, обедать мы приходили к нам домой на Провиантскую, тётя Женя нас кормила, мамы, как всегда, дома не было. Вскоре к нам в Саратов приехали гости. Сначала тётя Клава из Москвы с подарками: мне большое блюдо, Борису – золотую заколку для галстука в виде ракетки с мячиком-жемчужинкой (блюдо у дочки, заколку я подарила младшему внуку по окончании им Стенфордского Университета в Калифорнии). Затем приехал мой брат Вавака с женой Зиной. Эта квартира, в которой мы ночевали, оказалась очень кстати, когда приехали гости, но всё же мама подумывала об обмене на трёхкомнатную в этом же доме, но пока ничего не получалось.

Я попрежнему каждый день уходила работать в трест, но по субботам и воскресеньям мы весело проводили время на Волге всей семьёй (даже мама с нами ездила купаться). Хоть мама и раздобыла на время для Ваваки моторную лодку, но мы все предпочитали переплывать на «Пески» на маленьких пароходиках. Пляж «Пески» находился на острове, находящемся посередине между Саратовым и Энгельсом. Борис моим родственникам понравился, и мы все весело смеялись, вспоминая зимнюю историю с Лозинским. Кончалась в конце июля моя практика в

геофизическом тресте, материал для написания диплома был собран, я прилично заработала денег, они нам были очень кстати, так как мы собирались совершить свадебное путешествие.

Мама, кроме денег «на развод», подарила нам курсовки на вторую половину августа в Сочи. План был таков: вылететь из Саратова в МинВоды, побывать в Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Железноводске, оттуда переехать в Орджоникидзе (Джау-Джикау), оттуда по военно-грузинской дороге через перевал в Тбилиси, оттуда поездом в Батуми, оттуда морским путём в Сочи, прожить там две недели по курсовкам и поездом домой в Саратов. План был хорош, но как его осуществить с минимальным количеством денег? Готовились к этому путешествию заранее, искали адреса среди знакомых, где бы мы могли остановиться. Адрес в Пятигорске нам дала тётя Клава Беликова, у неё на Кавказе оставались родственники (я уже писала о том, что семья Беликовых переехала в Ленинград с Кавказа). И адрес в Орджоникидзе тоже дала она. Свекровь Ольга Ивановна раздобыла адрес в Тбилиси, она дружила в танковом городке с семьёй грузина Арчила, в Тбилиси у того был двоюродный брат. В Батуми мы никого не нашли, но уже того, что у нас организовалось, было вполне достаточно. Оставалось раздобыть ещё денег и позаботиться о билетах на самолёт. Кое-что мы прикопили из стипендий, что-то я заработала на практике и, конечно же, нам подкинули родители.

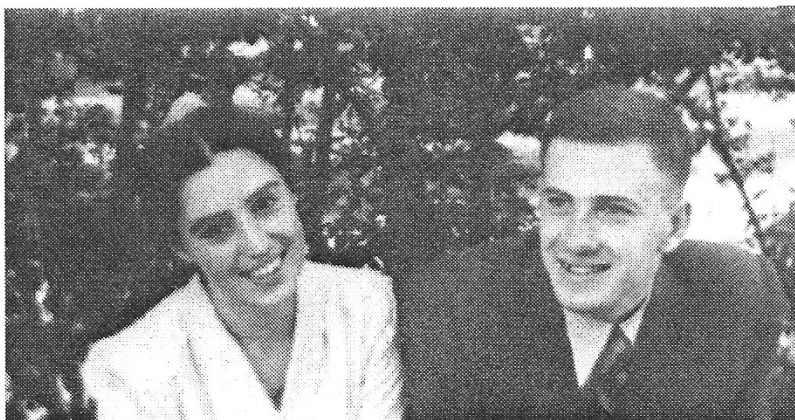
Прежде чем описывать наше путешествие, мне хочется рассказать о родителях Бориса. Отец его, Михаил Дмитриевич Булах, украинец из-под Полтавы (село «Пески»), был кадровым военным в чине подполковника в то время, когда я вошла в их семью. Это был достойный человек, провоевавший танкистом всю войну, очень тяжело раненый под Курской дугой, человек очень честный и в высокой степени порядочный, может быть, «звёзд с неба не хватавший», но прошедший путь от батрака до подполковника, прекрасный семьянин.

Мать Бориса, Ольга Ивановна Булах, кубанская казачка, всего-навсего с начальным образованием (позднее она ещё где-то училась, но не это важно), была замечательной женщиной, очень доброй и с душой, открытой людям. Мало этого, она, по-видимому, была очень способным человеком, но родившись в бедной семье,

где отец был алкоголиком, в силу обстоятельств проявить себя не могла, но свои способности сумела передать своим детям.

Довольны ли они были браком своего сына? Думаю, что нет. Лично против меня, может быть, они особенного ничего не имели, во всяком случае, я этого не чувствовала. На память приходит песенка Окуджавы про Ваньку Морозова: «Ему бы что-нибудь попроще, а он циркачку полюбил». Рядом со мной всегда была Тамара, прекрасная хозяйка, и «шьёт и вяжет», и русская красавица, и родители подходящие..., ну почему же не эта, а та (то есть я).

Я совсем забыла рассказать об одном важном обстоятельстве. Ещё задолго до нашей свадьбы я рассказала Борису о моей трагедии, связанной с отцом. Борис абсолютно и беспрекословно поверил в невиновность моего отца. Единственное, что он попросил – об этом не рассказывать его родителям. Он сказал: «Они не поймут». Но, как оказалось впоследствии, они узнали об этом окольным путём (шила в мешке не утаишь), но нам о том, что узнали, тоже ничего не сказали. Так мы и жили до 1954-го года, пока после смерти Сталина не получили на руки справку о папиной полной реабилитации. А когда мы им всё рассказали, они сказали, что знали об этом, и им было обидно, что мы скрыли от них правду. Тогда я спросила свекровь: «Ольга Ивановна, скажите, «положа руку на сердце», разрешили бы Вы Борису жениться на мне?» «Нет!» – сказала она чистосердечно. «Не говорить!» – это было твёрдое решение Бориса, он лучше знал своих родителей, поэтому я не возражала. Он говорил о том, что его родители, оба с 18 своих лет в партии, что они строили фактически эту партию и для них будет ударом узнать, что их сын женится на дочери «врага народа». А я настолько уже привыкла скрывать «свой позор», что, рассказав и тем предупредив Бориса, считала, что моя миссия выполнена, а остальное пусть он решает сам, поэтому себя виноватой в сокрытии не считала. Тем обиднее мне показались слова свекрови! И так уже у меня детство и юность отравлены, а тут и замужество было бы под угрозой. И пожалуй, это была единственная серьёзная ссора со свекровью, конечно, были ещё какие-то взаимные небольшие обиды, но, в целом, я свою свекровь любила, за многое ей благодарна и думаю, что и она относилась ко мне не плохо.

Татяна и Борис
Булахи

Свадьба

Глава 19

Впервые, после полуторамесячного перерыва я сажусь за компьютер. Приезжала из Саратова сестра покойного мужа, Надежда Михайловна Миронюк, гостила около месяца у меня, потом набежали всякие дела, так что моя американская «болдинская осень» прервалась с возвращением в Россию. В Петербург я возвратилась в конце января нового 2006-года, и уже в марте съездила в Саратов навестить своих старых школьных, университетских подруг и походить по родным местам, где прошла моя молодость, моё замужество, рождение моих детей, словом, моя жизнь с 1943 по 1964 г., длиной в 21 год.

Надо ли говорить о том, как мы постарели, это и так ясно. Что же касается самого Саратова, то он заметно преобразился внешне, наш «уродливый» капитализм пошёл ему на пользу, построены два новых великолепных университетских корпуса (в одном из них я была на концерте Саратовского джаза «Волга–Бенд», где я впервые оценила музыку джаза), поставлен очень хороший памятник Столыпину, много новых высоких красивых зданий, при том, что центр города не изменён. Но, конечно, трущоб хватает, и что самое обидное, жизнь для моих друзей тяжела, уж очень маленькие пенсии для людей, проработавших всю жизнь.

Итак, я остановилась на подготовке к нашему свадебному путешествию. Приготовления были закончены и мы в конце лета вылетели в МинВоды. В Пятигорске у нас был адрес знакомых, там была наша база, где мы пробыли три дня. В течение этих дней мы посмотрели все Лермонтовские места в Пятигорске, съездили на целый день в Кисловодск, побывали в Железноводске и Ессентуках. Из МинВод мы на поезде отправились в Дзау-Джикау (г. Орджоникидзе). Там тоже мы имели адрес, где можно было переночевать. Погуляли по городу и утром на автобусе выехали по Военно-Грузинской дороге через перевал в Тбилиси. В Тбилиси мы пробыли три дня, остановившись в большой дружной грузинской семье, где нас,

незнакомых людей, приняли как родных. Тбилиси нам очень понравился и, вообще, я полностью согласна с Маяковским:

*« Я знаю, глупость – эдемы и рай,
но если и пелось про это,
я думаю Грузию – радостный край
подразумевали поэты! »*

На третий день, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы сели в поезд и отправились в Батум. В Батуме мы остановились в гостинице на вокзале, и тут нам впервые не повезло, мы отравились в привокзальном ресторане котлетами (естественно, самое дешевое блюдо). Через день мы сели на теплоход «Украина» и поплыли в Сочи. Здесь вместо удовольствия была сплошная мука – сильная качка. Хорошо, что была отдельная каюта, из нее мы ни разу не вышли на палубу. Так или иначе, мы приплыли живыми в Сочи, здесь нас разместили в частном секторе, согласно нашим курсовкам, обедать ходили в общую столовую. Комната наша была очень близко от берега моря, мы много купались и очень любили ловить маленьких рыбок, затем выбрасывая их обратно в море, причём без удилищ, на нитку с крючком, лежа на камнях в море. Рядом был летний концертный зал, нам удалось побывать на концерте Утёсова. Побывали в Дендрарии. Пробыв в Сочи две недели, вернулись домой в Саратов. Кончилось наше свадебное путешествие, но оно пробудило в нас тягу к дальнейшим путешествиям. Но это потом, а сейчас началась наша семейная жизнь, пятый курс университета. Пока мы путешествовали, маме удалось обменять нашу двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную на этом же «среднем» этаже. Сама же она решила уехать из Саратова, считая, что вместе двум поколениям жить нельзя (тётя Женя не в счёт). Написав и отослав в несколько городов заявления по поводу приёма на работу, она в конце концов уехала работать в г. Гурьев, оставив тётю Женю с нами. Я хочу на этом моё повествование закончить. Пока. Конечно, продолжение последует, я надеюсь; описана только первая часть моей жизни.

Записки посвящены моему дорогому отцу. Восприятием жизни я обязана ему, хотя всего девять лет сознательной жизни я провела рядом с ним. Он вложил много прекрасного в мою душу. Не хочется выражаться высокопарно, но не могу найти других слов, кроме как «в мою очарованную душу». Те вспышки ощущения счастья, которые происходили со мной в детстве, сопровождают меня всю жизнь, заставляя бесконечно радоваться жизни даже в преклонном возрасте.

Я критикую себя, говоря себе, что неоправданный оптимизм может быть признаком недалёкого ума! Может быть и так, но тем не менее, эти озарения дают мне возможность ощущать себя счастливой и по сей день.

Об отце я написала всё, что о нём знала, но при этом я попутно пропела гимн своей замечательной матери. Я хочу поместить в свои воспоминания отрывок из письма моего друга Мишарёва О. С., адресованного мне незадолго до его смерти.

«Некоторые люди, даже отдельные встречи, глубоко врезаются не только в память, но сами того не ведая, влияют на миропонимание, оценку происходящего, служат примером личности, обладающей ярким «я». Такой была Ольга Александровна.

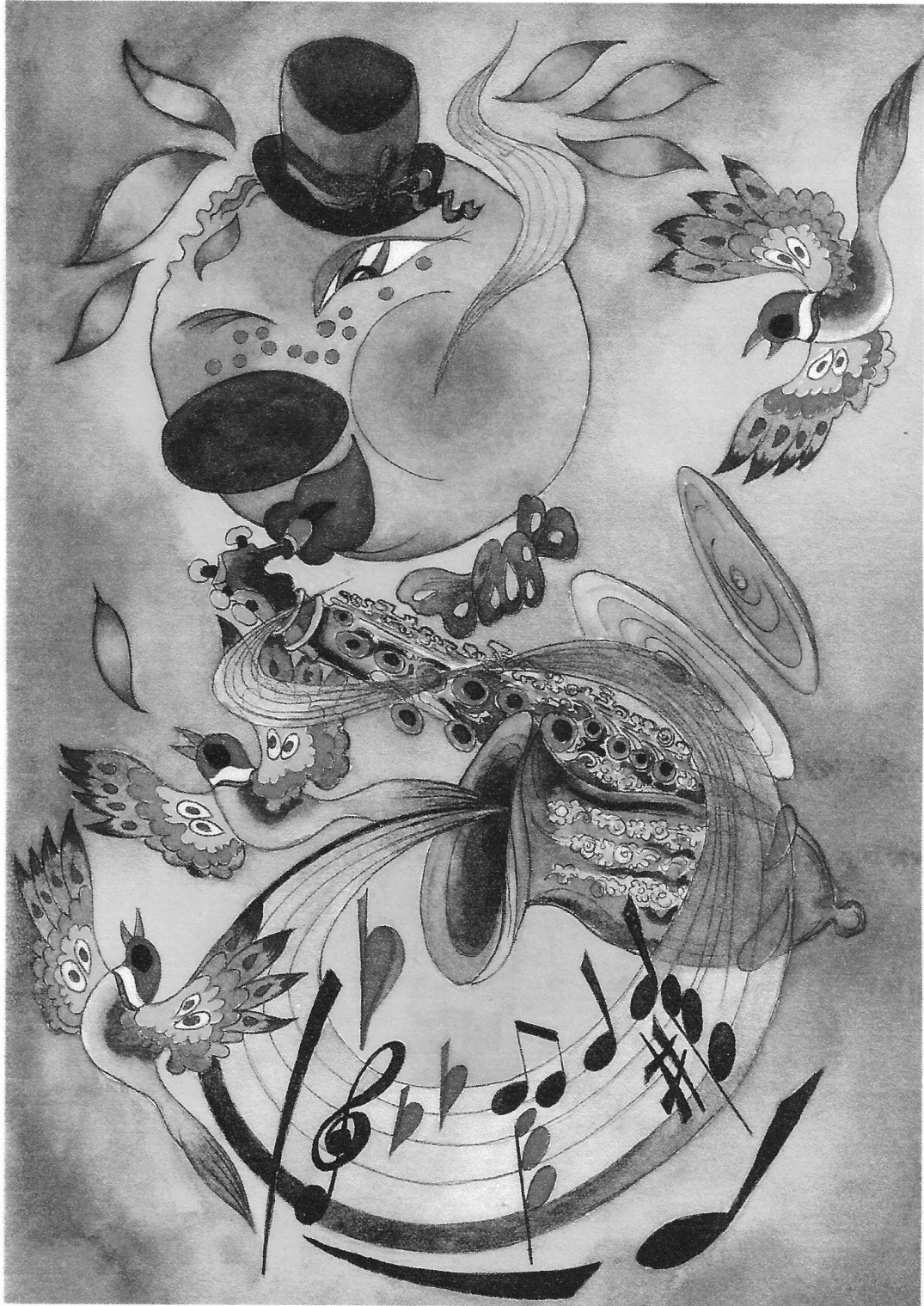
Я всё помню: и её появление в нашей семье, и её работу в прачечной саратовской больницы, и многочисленных её знакомых, и её уроки по самым различным предметам. У меня в памяти и её клеенчатая общая тетрадь в мелкую клетку, где в каждой клеточке разноцветными карандашами было обозначено, чем в этот час она должна заниматься. Перед глазами её минский портрет – в мужской шляпе, полужастёгнутом пальто, не застёгнутом, перерастянутом портфеле, из которого торчит конец вышиваемой скатерти. Хорошо знаю её судьбу, непреодолимое желание склеить вашу большую семью. Окружающих тянуло к ней, она была магнитом, хотя трудно конкретно объяснить, что же нас всех тянуло к этой старой, неряшливо одетой женщине, которую не тревожили заботы и трудности жизни. Она жила в других сферах и прикоснуться к ним было большим подарком судьбы».

Безусловно, мама – сильная личность. На работе в молодости ей давали прозвище «тигрица». Мой покойный друг

Олег Мишарев проникновенно о ней написал. Именно такой она была, какой она ему запомнилась. Замечательная характеристика, она очень тонко отражает мамину суть.....

Все-таки я не до конца понимала её. Кое-что меня в ней раздражало, кое-что шокировало, она была не ординарна, не такая как все, не «мещанка», а я была самым обыкновенным человеком со всеми соответствующими недостатками. Одно бесспорно: она очень любила своих детей и до конца своей жизни их опекала. Я благодарю Бога за то, что он послал мне таких родителей.

Я описала первую часть моей жизни. Если мой возраст и технические возможности позволят мне продолжить работу и, главное, если Бог даст мне время и силы, я напишу о дальнейшей моей жизни. « ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ».

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 «Милый мой Малик...»	7
Глава 2 «Итак, мама выходит замуж...»	15
Глава 3 «Я думаю, что всё это было правильно...»	22
Глава 4 «Перед высылкой в Саратов была тюрьма...»	31
Глава 5 «Прошла зима, настало лето...»	39
Глава 6 «Лучше всего, если я протицирую...»	43
Глава 7 «Лето 1937 года...»	51
Глава 8 «Итак, весной 1938-года...»	57
Глава 9 «Итак, зима 1939-1940 года...»	63
Глава 10 «Вчера была с Люсей Грибоедовой...»	72
Глава 11 «В эвакуации, в деревне Ануфриево...»	79
Глава 12 «Продолжаю своё повествование...»	93
Глава 13 «Сегодня 14 декабря 2005 года...»	101
Глава 14 «Итак, новая школа...»	110
Глава 15 «Наступает великое событие моей жизни...»	119
Глава 16 «Моя будущая свекровь говорила...»	129
Глава 17 «Вернулась-то я вернулась...»	135
Глава 18 «По приезде в Саратов...»	142
Глава 19 «Впервые, после полуторамесячного перерыва...»	153

Булах-Извекова Татьяна Борисовна

ПРЕОДОЛЕНИЕ

НП «Стратегия Будущего»

ISBN 978-5-903247-07-3

Подписано к печати 3.04.2007

Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Формат обрезной 145x205. Усл.печ.л.- 9,5. Уч.изд.л.- 9,875.

Тираж 100 экз. Заказ 56-07

Отпечатано в цифровой типографии Некоммерческого партнерства
«Центр молодежных проектов «Стратегия будущего»
191186 Санкт-Петербург ул. Казанская д.73